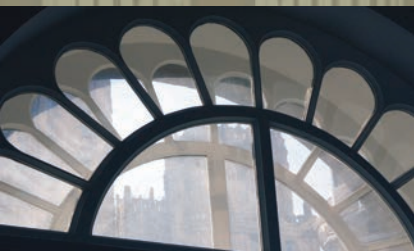

ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК
№ 3 (154) 2021

2021

ВЕСТНИК

**Адвокатской палаты
города Москвы**

Выпуск № 3 (154) 2021

Москва
2021

Документы Адвокатской палаты города Москвы

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 249

29 июля 2021 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Алимханов Марат Магомедович
2. Арапиев Зелимхан Русанович
3. Аскеров Руслан Тофикович
4. Ахильгов Артур Борисович
5. Бакин Олег Александрович
6. Бакуров Леонид Валерьевич
7. Бикбаев Юнир Асымович
8. Бурмистенко Ирина Александровна
9. Васильева Ирина Витальевна
10. Водяницкий Максим Геннадьевич
11. Гермер Валерия Михайловна
12. Гзылова Ирина Алексеевна
13. Горбачева Татьяна Ивановна
14. Журавлев Алексей Викторович

15. Ковалюк Анатолий Михайлович
16. Кузьменко Татьяна Владимировна
17. Куюмджи Ксения Александровна
18. Марышева Жанна Алексеевна
19. Носков Алексей Викторович
20. Одиноченко Олеся Евгеньевна
21. Пиранер Николай Александрович
22. Полещук Ирина Ивановна
23. Рыбалко Евгений Владимирович
24. Салихова Алла Рамисовна
25. Селивёров Павел Валерьевич
26. Софронов Юрий Викторович
27. Тедешвили Малхаз Муртазович
28. Торкунов Анатолий Александрович
29. Трофимова Елена Анатольевна
30. Тюменцева Юлия Викторовна
31. Чекулаев Александр Геннадьевич
32. Шелестинский Денис Григорьевич
33. Эннс Екатерина Викторовна
34. Язева Ирина Владимировна.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключен из членов Адвокатской палаты города Москвы:

Андриевский Владимир Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15541, с 29 июля 2021 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Багдасарян Владимир Бабкенович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5023, с 29 июля 2021 года.

2. Загидуллин Руслан Гаязович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13269, с 01 августа 2021 года.

3. Захаров Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15767, с 29 июля 2021 года.

4. Кевра Андрей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9203, с 29 июля 2021 года.

5. Климов Дмитрий Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15695, с 29 июля 2021 года.

6. Кузнецова Римма Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11543, с 29 июля 2021 года.

7. Маркова Ирина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3929, с 01 августа 2021 года.

8. Соломкин Арслан Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10213, с 01 августа 2021 года.

9. Сторожук Кристина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13072, с 01 августа 2021 года.

10. Фролов Алексей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12951, с 29 июля 2021 года.

11. Чухрий Евгений Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12146, с 29 июля 2021 года.

12. Ширяев Игорь Геннадиевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15977, с 29 июля 2021 года.

13. Шутьга Павел Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14675, с 29 июля 2021 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Болкисев Игорь Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3113, с 29 июля 2021 года.

2. Преминина Татьяна Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9713, с 29 июля 2021 года.

3. Родионов Владимир Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15478, с 29 июля 2021 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Анкудинова Мария Олеговна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11921, с 01 сентября 2021 года.

2. Антонов Валерий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14501, с 29 июля 2021 года.

3. Егорова Екатерина Дмитриевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14339, с 29 июля 2021 года.

4. Керимова Елена Фоминична, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1874, с 29 июля 2021 года.

5. Кривонос Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9775, с 29 июля 2021 года.

6. Ларина Виолетта Федоровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/149, с 29 июля 2021 года.

7. Магомедов Аюб Ахмедович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14710, с 29 июля 2021 года.

8. Полтавский Дмитрий Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13775, с 29 июля 2021 года.

9. Сахарова Светлана Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3429, с 29 июля 2021 года.

10. Скопкарева Галина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5698, с 01 августа 2021 года.

11. Теплякова Людмила Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9237, с 30 июля 2021 года.

12. Фирсов Валентин Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5626, с 29 июля 2021 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Алешня Валерий Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7192, с 23 июня 2021 года.

2. Иванов Валерий Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6976, с 08 июля 2021 года.

3. Краснюк Виктория Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/921, с 13 июня 2021 года.

4. Савельева Анастасия Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14871, с 23 июля 2020 года.

5. Смерчинский Игорь Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1594, с 01 июля 2021 года.

6. Щеглов Евгений Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3679, с 24 июня 2021 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возобновили статус адвоката:

1. Винокуренок Кирилл Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10813, с 27 июля 2021 года.

2. Медейко Екатерина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11139, с 01 августа 2021 года.

3. Понасюк Кирилл Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11499, с 29 июля 2021 года.

8. В соответствии с п. 16 Решения Девятнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 09 апреля 2021 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов: – в связи с достижением адвокатского стажа более 40 лет:

Вирину Наталью Михайловну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1513, с 01 сентября 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 250

29 июля 2021 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Баранов Юрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4556, с 18 июля 2021 года.

2. Белоусов Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4555, с 12 июля 2021 года.

3. Бурдин Максим Станиславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4546, с 29 июня 2021 года.

4. Винокуренок Кирилл Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2392, с 27 июля 2021 года.

5. Ганн Ирина Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4554, с 27 июля 2021 года.

6. Елфимов Константин Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4553, с 08 июля 2021 года.

7. Злобина Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4552, с 08 июля 2021 года.

8. Игнатьев Сергей Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4545, с 01 июля 2021 года.

9. Квиквиния Гурам Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-350, с 20 июля 2021 года.

10. Козлова Ольга Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4558, с 21 июля 2021 года.
11. Некрасова Анастасия Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4544, с 29 июня 2021 года.
12. Островский Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4551, с 16 июля 2021 года.
13. Пахомов Владислав Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4548, с 26 мая 2021 года.
14. Подстрешный Сергей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4550, с 22 июля 2021 года.
15. Романова Тамара Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2241, с 01 июля 2021 года.
16. Синельщикова Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4549, с 09 июля 2021 года.
17. Тебиева Алина Тамерлановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4547, с 06 июля 2021 года.
18. Упоров Евгений Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4543, с 29 июня 2021 года.
19. Хмельёва Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4557, с 22 июля 2021 года.
20. Щепилин Андрей Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4542, с 01 июля 2021 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Андриевский Владимир Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4374, с 29 июля 2021 года.
2. Горбачев Эдуард Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2310, с 02 июля 2021 года.
3. Дятлов Олег Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3651, с 07 июня 2021 года.
4. Иванов Валерий Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1792, с 08 июля 2021 года.
5. Кевра Андрей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1541, с 26 июля 2021 года.
6. Кривоносов Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3566, с 29 июля 2021 года.
7. Лыкова Лада Адольфовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4307, с 27 июля 2021 года.
8. Одиноких Павел Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3211, с 22 июля 2021 года.
9. Скопкарева Галина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4269, с 01 августа 2021 года.
10. Сподырев Роман Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3236, с 02 июля 2021 года.
11. Тамарова Наталья Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1630, с 20 июля 2021 года.

12. Теплякова Людмила Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3259, с 30 июля 2021 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская международная коллегия адвокатов, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-901, с 28 мая 2021 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Корона», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-902, с 10 июня 2021 года.

3. Московская коллегия адвокатов «Мастинская и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-903, с 28 июня 2021 года.

4. Коллегия адвокатов города Москвы «Сопrotивление», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-904, с 18 августа 2020 года.

5. Московская городская коллегия адвокатов «Останкино», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-905, с 07 июня 2021 года.

6. Московская коллегия адвокатов «Группа права», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-906, с 03 июня 2021 года.

7. Московская городская коллегия адвокатов «ЭсМЭйн», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-907, с 16 июня 2021 года.

8. Коллегия адвокатов города Москвы «Юридическая группа “Альянс”», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-908, с 25 июня 2021 года.

4. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «Кример, Тюрин и партнеры “Катапульта”», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-440, с 16 апреля 2021 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Бегин, Граф, Климов и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-441, с 8 апреля 2021 года.

5. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Бегин, Граф, Климов и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-441, с 29 июля 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

**АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы**

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 252

29 июля 2021 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил:

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Вавилову Наталью Викторовну, регистрационный номер 77/12992 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката коллегии адвокатов Московской области «Вячеслав Блинов и партнеры».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлена:

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени

Филиц Наталья Петровна, регистрационный номер 77/5692 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 280

18 августа 2021 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 3-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абасов Таджидин Адилович
2. Ахаминов Тимур Бесланович
3. Балакир Елена Александровна
4. Бодгаев Джамба Боваевич
5. Бочаров Ярослав Владимирович
6. Галибин Константин Арсентьевич
7. Голубев Денис Виталиевич
8. Гречнев Алексей Вячеславович
9. Гусева Мария Владимировна
10. Гуцин Федор Александрович
11. Ерофеев Филипп Станиславович
12. Журавель Владимир Адамович
13. Ивойлов Алексей Юрьевич
14. Исаев Роман Александрович
15. Касевич Александр Викторович
16. Кремлёва Алла Александровна
17. Лисановская Юлия Валериевна
18. Лобанов Николай Станиславович
19. Мальцев Александр Анатольевич
20. Некрасов Сергей Николаевич
21. Нижегородцева Елена Викторовна

22. Новаков Сергей Петрович
23. Орлов Андрей Евгеньевич
24. Перепеченый Тимур Евгеньевич
25. Покорский Николай Александрович
26. Пупин Владимир Владимирович
27. Сокиринская Лилия Николаевна
28. Троицкий Георгий Валерьевич
29. Трясучкин Георгий Васильевич
30. Хонджарян Алексан Вальтерович
31. Шевченко Ксения Сергеевна.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Аношин Виктор Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5527, с 18 августа 2021 года.

2. Голованёв Андрей Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12955, с 18 августа 2021 года.

3. Жильцов Вадим Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15074, с 18 августа 2021 года.

4. Кузьмичева Евгения Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10398, с 18 августа 2021 года.

5. Макушенко Сергей Григорьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14087, с 18 августа 2021 года.

6. Можайкина Виктория Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11094, с 18 августа 2021 года.

7. Моисеева Ирина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4379, с 18 августа 2021 года.

8. Панфилов Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10938, с 01 сентября 2021 года.

9. Шабанова Инара Ибрагимовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11882, с 18 августа 2021 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Адаменко Дантес Артурович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15150, с 18 августа 2021 года.

2. Проценко Кристина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7514, с 18 августа 2021 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Валуев Геннадий Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4368, с 18 августа 2021 года.

2. Купреенко Татьяна Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7140, с 18 августа 2021 года.

3. Петрова Галина Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7685, с 01 сентября 2021 года.

4. Рогова Ангелина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11746, с 18 августа 2021 года.

5. Фарухшин Рамиль Газизянович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4943, с 18 августа 2021 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Базаев Владимир Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4164, с 12 августа 2021 года.

2. Емелин Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9403, с 14 декабря 2020 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Гриценко Ирина Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11177, с 18 августа 2021 года.

2. Джологуа Георгий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8015, с 18 августа 2021 года.

3. Мюллер Грегор, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6776, с 01 сентября 2021 года.

4. Саликова Юлия Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5375, с 31 августа 2021 года.

5. Шелестюков Роман Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10218, с 18 августа 2021 года.

7. В соответствии с п. 16 Решения Девятнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 09 апреля 2021 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов:

– в связи с отпуском по беременности и родам:

Бурову Инну Леонидовну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9530, с 30 июля 2021 года по 16 декабря 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 281

18 августа 2021 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Ануфриев Альберт Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4564, с 18 августа 2021 года.

2. Буранчик Станислав Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4561, с 02 августа 2021 года.

3. Гаврилов Денис Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4568, с 12 августа 2021 года.

4. Голумбиевский Игорь Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1766, с 04 августа 2021 года.

5. Казакова Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4571, с 06 августа 2021 года.

6. Капустина Кира Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4567, с 12 августа 2021 года.

7. Климова Анастасия Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4563, с 04 августа 2021 года.

8. Корольков Виктор Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4565, с 06 августа 2021 года.

9. Лапов Артем Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4560, с 02 августа 2021 года.

10. Морозов Александр Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4569, с 06 августа 2021 года.

11. Нежведилов Аслан Зейдулахович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4570, с 06 июня 2021 года.

12. Носков Алексей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4574, с 17 августа 2021 года.

13. Таланов Константин Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4559, с 29 июля 2021 года.

14. Черешнева Алёна Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4573, с 16 августа 2021 года.

15. Шашков Валерий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4566, с 16 августа 2021 года.

16. Шпеньков Валерий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4562, с 04 августа 2021 года.

17. Яськов Александр Вадимович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4572, с 12 августа 2021 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адаменко Дантес Артурович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4168, с 18 августа 2021 года.

2. Багдасарян Армен Эвадикович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2704, с 29 июля 2021 года.

3. Бережная Ксения Дмитриевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1832, с 03 августа 2021 года.

4. Дашенко Виктор Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2565, с 29 июля 2021 года.

5. Кокушкин Анатолий Константинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1006, с 29 июля 2021 года.

6. Купреенко Татьяна Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-441, с 18 августа 2021 года.

7. Петрова Галина Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2991, с 01 сентября 2021 года.

8. Проценко Кристина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-647, с 18 августа 2021 года.

9. Фарухшин Рамиль Газизянович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-828, с 18 августа 2021 года.

3. Учреждена коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московская коллегия адвокатов «Прецедент», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-909, с 01 июля 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 310

28 сентября 2021 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абудихина Надежда Николаевна
2. Айларов Дзагко Валерьевич
3. Алтынбаева Елена Шамильевна
4. Брадауцан Мария Семёновна
5. Буш Олег Валентинович
6. Васильков Андрей Викторович
7. Васильков Андрей Евгеньевич
8. Геворкян Арсен Арамович
9. Георгиевская Мария Александровна
10. Гербелева Виктория Владимировна
11. Глазырин Александр Тимофеевич
12. Горбунова Ксения Игоревна
13. Грицков Евгений Владимирович
14. Дадашов Вусал Вахид оглы
15. Демьянюк Владимир Петрович
16. Доксова Татьяна Вячеславовна
17. Жубанова Гюзель Рауфовна
18. Колдов Петр Леонидович
19. Королев Михаил Юрьевич
20. Кузнецов Евгений Александрович
21. Куликов Владимир Сергеевич

22. Лавелин Сергей Анатольевич
23. Маркова Александра Владимировна
24. Мартынченко Павел Александрович
25. Миндиев Евгений Владиславович
26. Минько Игорь Борисович
27. Николаев Алексей Анатольевич
28. Огульчанский Сергей Владимирович
29. Олифилов Павел Алексеевич
30. Перетятко Виктор Семенович
31. Петросян Лилит Сааковна
32. Пилипенко Всеволод Андреевич
33. Половинкин Артём Григорьевич
34. Ромаев Аскар Фаритович
35. Рукавишников Павел Павлович
36. Снопок Линда Руслановна
37. Соколов Александр Леонидович
38. Соловей Татьяна Витальевна
39. Тамарова Анна Андреевна
40. Тедешвили Иямзэ Муртазовна
41. Телелеяев Андрей Анатольевич
42. Хагов Азамат Мухамедович
43. Царева Александра Андреевна
44. Чуркин Роберт Алексеевич
45. Шрам Дмитрий Викторович
46. Яковлева Елена Анатольевна.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключены** из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Зверьков Иван Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8818, с 28 сентября 2021 года.

2. Травина Ивета Исмахановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12490, с 28 сентября 2021 года.

3. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Ануфриева Ольга Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7397, с 28 сентября 2021 года.

2. Семигин Геннадий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5769, с 28 сентября 2021 года.

4. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Абгарян Армен Вазгенович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10405, с 28 сентября 2021 года.

2. Арнст Елена Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7480, с 28 сентября 2021 года.

3. Белопольский Вадим Яковлевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5283, с 28 сентября 2021 года.
4. Бурдин Роберт Альбертович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6952, с 28 сентября 2021 года.
5. Власова Анна Вадимовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13766, с 28 сентября 2021 года.
6. Гончаров Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15071, с 28 сентября 2021 года.
7. Землянская Елена Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9247, с 28 сентября 2021 года.
8. Ильин Михаил Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13526, с 28 сентября 2021 года.
9. Кизиков Сергей Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4427, с 28 сентября 2021 года.
10. Киндеева Анна Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14047, с 28 сентября 2021 года.
11. Кохман Лев Давыдович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8222, с 28 сентября 2021 года.
12. Кравченко Ирина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10337, с 28 сентября 2021 года.
13. Кулешов Роберт Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3118, с 28 сентября 2021 года.
14. Лиджанова Айс Эдуардовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15290, с 28 сентября 2021 года.
15. Николаев Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4240, с 28 сентября 2021 года.
16. Овсянников Александр Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9020, с 28 сентября 2021 года.
17. Петровский Дмитрий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10563 с 28 сентября 2021 года.
18. Рыбак Светлана Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2633, с 28 сентября 2021 года.
19. Рыжов Иван Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14378, с 28 сентября 2021 года.
20. Саун Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9318, с 01 октября 2021 года.
21. Салмаков Дмитрий Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13070, с 28 сентября 2021 года.
22. Стоянов Андрей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14300, с 28 сентября 2021 года.
23. Шумков Николай Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6613, с 28 сентября 2021 года.

5. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Панфилкин Виктор Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2730, с 28 сентября 2021 года.

2. Сергеева Елена Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6005, с 01 октября 2021 года.

3. Филюшина Елена Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6114, с 28 сентября 2021 года.

4. Христен Юлия Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9007, с 28 сентября 2021 года.

6. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Абубикеров Гаяз Алимжанович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11079, с 28 сентября 2021 года.

2. Амосов Александр Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1903, с 30 сентября 2021 года.

3. Гриза Юлия Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4195, с 28 сентября 2021 года.

4. Жирнова Ирина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14942, с 28 сентября 2021 года.

5. Ибрагимов Фуад Рафаэлевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4284, с 28 сентября 2021 года.

6. Князев Владимир Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3376, с 28 сентября 2021 года.

7. Нестеренко Сергей Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5049, с 28 сентября 2021 года.

8. Раменская Ольга Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4451, с 01 октября 2021 года.

9. Щукин Владимир Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5893, с 28 сентября 2021 года.

7. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Артеменко Лариса Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/147, с 11 ноября 2020 года.

2. Баренбойм Петр Давидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3073, с 24 августа 2021 года.

3. Василенко Олег Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8876, с 01 июля 2021 года.

4. Гаймалетдинов Якуп Магруфович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14961, с 14 сентября 2021 года.

5. Кострикин Михаил Станиславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3921, с 01 июня 2019 года.

6. Пирогов Владимир Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1325, с 05 февраля 2020 года.

7. Толстова Валентина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7309, с 07 июня 2021 года.

8. Тугуев Илья Маркович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4889, с 06 августа 2021 года.

9. Устарханов Саид Хакиевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12851, с 03 августа 2021 года.

10. Щеглов Евгений Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6059, с 28 июля 2021 года.

8. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Балакир Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/16034, с 30 июля 2021 года.

2. Лапшин Максим Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12897, с 24 июля 2017 года.

3. Лукманова Ольга Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12262, с 18 мая 2021 года¹.

9. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Афанасьева Анна Прокопьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12353, с 28 сентября 2021 года.

2. Выскубенко Анастасия Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10391, с 28 сентября 2021 года.

3. Граненов Алексей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1009, с 28 сентября 2021 года.

4. Кузьминский Владимир Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15194, с 28 сентября 2021 года.

5. Савенкова Ольга Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8520, с 28 сентября 2021 года.

6. Салей Ирина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11904, с 28 сентября 2021 года.

7. Табаков Виктор Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15640, с 20 октября 2021 года.

¹ В связи с отменой кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06 октября 2021 года по делу № 7У-9601/2021 [77-3120/2021] апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 18 мая 2021 года по делу № 10-7434/2021 в отношении Лукмановой О.С. и передачей уголовного дела с апелляционным представлением и апелляционными жалобами на приговор Измайловского районного суда города Москвы от 02 февраля 2021 года на новое апелляционное рассмотрение в Московский городской суд в ином составе суда, отменен с даты принятия подпункт 3 пункта 8 решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 сентября 2021 года № 310 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» о прекращении с 18 мая 2021 года в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статуса адвоката Лукмановой Ольги Сергеевны, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12262 (Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 октября 2021 г. № 336 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»).

10. В соответствии с п. 16 Решения Девятнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 09 апреля 2021 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвоката:

– в связи с отпуском по беременности и родам:

Айбазову Зухру Халисовну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2428, с 01 сентября 2021 года по 29 декабря 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 311

28 сентября 2021 года

По заявлению Сергеева Александра Вячеславовича об отмене решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года № 175 (пункт б) о прекращении статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе Полякова И.А., Резника Г.М., Зубкова С.Б., Кипниса Н.М., Клювганта В.В., Живиной А.В., Ривкина К.Е., Рубинштейна Е.А., Рябцева В.Н., Сучкова А.В., Тая Ю.В., Титиевской М.П., Устинова М.В., Флейшмана И.Е., Харитоновой Д.В., рассмотрев заявление Сергеева Александра Вячеславовича от 08 сентября 2021 года (вх. № 7896 от 08.09.2021) об отмене ввиду вновь открывшихся обстоятельств решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года № 175 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (пункт б) о прекращении с 25 сентября 2019 года статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича (регистрационный номер 77/11992 в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

11 мая 2021 года в Адвокатскую палату города Москвы из Филиала № 18 ФКУ УИИ УФСИН России по городу Москве с сопроводительным письмом (вх. № 4093), подписанным врио начальника Гусевым А.В., поступила копия приговора Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года (уголовное дело № 01-0219/2019), которым адвокат Сергеев Александр Вячеславович (регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11992) признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 (один) год 6 (шесть) месяцев с лишением права заниматься адвокатской деятельностью сроком на 2 (два) года. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 25 сентября 2019 года по делу № 10-14476/2019 приговор в части вывода о виновности и назначения наказания оставлен без изменения, вступил в законную силу.

Постановлением Алексеевского районного суда Белгородской области от 01 июня 2020 года Сергеев А.В. был условно-досрочно освобожден от отбывания основного наказания в виде лишения свободы по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года на неотбытый срок. В освобождении от дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года отказано. Постановление суда вступило в законную силу 12 июня 2020 года.

Лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления, не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности (пп. 2 п. 2 ст. 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Статус адвоката прекращается советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, по вступлении в законную силу приговора суда о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления (пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

По приговору суда Сергеев А.В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, которое является умышленным.

Руководствуясь пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Адвокатской палаты города Москвы 27 мая 2021 года решением № 175 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекратил статус адвоката Сергеева Александра Вячеславовича (регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11992) с 25 сентября 2019 года (пункт 6).

08 сентября 2021 года в Адвокатскую палату города Москвы поступило обращение Сергеева Александра Вячеславовича от 08 сентября 2021 года (вх. № 7896), в котором он просит пересмотреть решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года № 175 о прекращении его статуса адвоката.

К обращению приложена копия постановления Люберецкого городского суда Московской области от 29 апреля 2021 года (материал № 4-128/2021), вступившего в законную силу 12 мая 2021 года, которым Сергеев А.В. до истечения срока освобожден от отбывания дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года, и с него снята судимость по этому приговору.

В поданном в Совет Адвокатской палаты города Москвы заявлении Сергеев А.В. указал, что в начале сентября 2021 года он узнал о том, что решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года ему был прекращен статус адвоката. Данное решение было вынесено после того, как он был освобожден от отбывания основного и дополнительного наказания, и с него была снята судимость. В связи с этими обстоятельствами Сергеев А.В. просит отменить решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года, которым ему был прекращен статус адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы, изучив постановление Люберецкого городского суда Московской области от 29 апреля 2021 года (вх. № 7896 от 08 сентября 2021 года), вступившее в законную силу 12 мая 2021 года, которым Серге-

ев А.В. был освобожден от отбывания дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью сроком на 2 (два) года по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года, и с него снята судимость по указанному приговору, полагает, что данное постановление свидетельствует о наличии вновь открывшихся обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения вопроса о прекращении статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича.

Принимая 27 мая 2021 года решение о прекращении статуса адвоката Сергеева А.В. с 25 сентября 2019 года, Совет Адвокатской палаты города Москвы исходил из того, что на эту дату Сергеев А.В. имел неснятую и непогашенную судимость за совершение умышленного преступления и отбывал дополнительное наказание в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью сроком на 2 (два) года по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года, вступившему в законную силу 25 сентября 2019 года, и что постановлением Алексеевского районного суда Белгородской области от 01 июня 2020 года, вступившим в законную силу 12 июня 2020 года, Сергеев А.В. был условно-досрочно освобожден от отбывания основного наказания в виде лишения свободы по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года на неотбытый срок, а в освобождении от дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью по приговору Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года было отказано.

По состоянию на 27 мая 2021 года Совет Адвокатской палаты города Москвы не располагал информацией о том, что постановлением Люберецкого городского суда Московской области от 29 апреля 2021 года, вступившим в законную силу 12 мая 2021, Сергеев А.В. был освобожден от отбывания дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью, и с него снята судимость.

Вместе с тем на день принятия Советом Адвокатской палаты города Москвы решения о прекращении статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича (регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11992) с 25 сентября 2019 года отсутствовали предусмотренные пп 4. п. 1 ст. 17 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» основания для прекращения ему статуса адвоката.

При таких обстоятельствах Совет Адвокатской палаты города Москвы считает обоснованным и подлежащим удовлетворению заявление Сергеева А.В. от 08 сентября 2021 года (вх. № 7896 от 08.09.2021), а решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года № 175 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (пункт 6) о прекращении статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича (регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11992) с 25 сентября 2019 года подлежащим отмене ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Территориальный орган федерального органа исполнительной власти в области юстиции ведет реестр адвокатов субъекта Российской Федерации (п. 1 ст. 14 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 23.04.2014 № 85 (ред. от 28.02.2020) «Об утверждении Порядка ведения реестров адвокатов субъектов Российской Федерации»).

В случае отмены советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации или Советом Федеральной палаты адвокатов ранее принятого решения о прекращении статуса адвоката территориальный орган юстиции вносит сведения о восстановлении статуса адвоката в региональный реестр (п. 8 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В Реестр адвокатов субъекта Российской Федерации вносятся, в том числе, сведения о восстановлении статуса адвоката в случае отмены советом адвокатской палаты или Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации решения о прекращении статуса адвоката.

Для внесения в реестр сведений об отмене ранее принятого решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката в территориальный орган направляются:

уведомление совета адвокатской палаты об отмене ранее принятого решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката;

копия решения (выписка из решения) совета адвокатской палаты об отмене ранее принятого решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката;

фотография адвоката, соответствующая требованиям, установленным пунктом 24 Порядка ведения реестров адвокатов субъектов Российской Федерации (утв. Приказом Минюста России от 23.04.2014 № 85).

В уведомлении совета адвокатской палаты об отмене ранее принятого решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката указываются:

1) наименование территориального органа, в который направляется уведомление;

2) фамилия, имя, отчество (при наличии) адвоката и его региональный регистрационный номер в реестре;

3) реквизиты решения совета адвокатской палаты об отмене ранее принятого решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката;

4) дата заседания совета адвокатской палаты, на котором принято решение об отмене ранее принятого решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката;

5) адрес постоянного места жительства или преимущественного пребывания адвоката;

6) контактный телефон, факс и адрес электронной почты адвоката (указываются при наличии таких сведений).

На основании изложенного Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 8 ст. 17 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Отменить ввиду вновь открывшихся обстоятельств решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года № 175 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (пункт б), которым статус адвоката Сергеева Александра Вячеславовича (регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11992) был прекращен с 25 сентября 2019 года в связи со вступлением в законную силу приговора Тверского районного суда города Москвы от 01 августа 2019 года.

Восстановить с 27 мая 2021 года статус адвоката Сергеева Александра Вячеславовича.

Направить в Главное Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве копию настоящего решения о восстановлении статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича для внесения сведений в региональный реестр (п. 8 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 312

28 сентября 2021 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Азарова Тамара Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3591, с 17 августа 2021 года.

2. Айбазова Зухра Халисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4587, с 01 сентября 2021 года.

3. Аскеров Руслан Тофикович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4582, с 25 августа 2021 года.

4. Бикбаев Юнир Асымович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4583, с 27 августа 2021 года.

5. Бодгаев Джамба Боваевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4603, с 21 сентября 2021 года.

6. Васильева Ирина Витальевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4581, с 28 августа 2021 года.

7. Габерник Инна Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4605, с 27 сентября 2021 года.

8. Горбачева Татьяна Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4580, с 25 августа 2021 года.

9. Егиян Юрий Леонтьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4590, с 20 сентября 2021 года.

10. Журавель Владимир Адамович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4604, с 27 сентября 2021 года.
11. Исаев Роман Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4591, с 14 сентября 2021 года.
12. Кириллов Дмитрий Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4029, с 10 сентября 2021 года.
13. Козлов Юрий Федорович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4592, с 13 сентября 2021 года.
14. Колбин Алексей Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4579, с 25 августа 2021 года.
15. Кузьменкова Татьяна Яковлевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4578, с 25 августа 2021 года.
16. Кузьмина Анастасия Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4588, с 01 сентября 2021 года.
17. Кухмазова Наргиз Назимовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4584, с 20 августа 2021 года.
18. Лобанов Николай Станиславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4602, с 24 сентября 2021 года.
19. Лопатина Надежда Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4589, с 03 сентября 2021 года.
20. Мальцев Александр Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4601, с 23 сентября 2021 года.
21. Москалёва Ольга Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4593, с 17 сентября 2021 года.
22. Павлова Марина Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4586, с 01 сентября 2021 года.
23. Пертахия Диана Георгиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4575, с 20 августа 2021 года.
24. Полешук Ирина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4594, с 03 августа 2021 года.
25. Пупин Владимир Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4595, с 08 сентября 2021 года.
26. Савин Константин Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4577, с 24 августа 2021 года.
27. Сидоров Дмитрий Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4576, с 11 августа 2021 года.
28. Сокиринская Лилия Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4596, с 15 сентября 2021 года.
29. Софронов Юрий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4600, с 23 сентября 2021 года.
30. Соханич Ян Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4597, с 10 сентября 2021 года.
31. Сурдина Анна Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4598, с 16 сентября 2021 года.
32. Торкунов Анатолий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4585, с 30 августа 2021 года.

33. Ясинская Юлия Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4599, с 24 сентября 2021 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Амосов Александр Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-29, с 30 сентября 2021 года.

2. Арнст Елена Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-438, с 28 сентября 2021 года.

3. Артеменко Лариса Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3755, с 11 ноября 2020 года.

4. Василенко Олег Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2051, с 01 июля 2021 года.

5. Власова Анна Вадимовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3743, с 28 сентября 2021 года.

6. Гриза Юлия Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1791, с 10 сентября 2021 года.

7. Зверьков Иван Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3-1947, с 28 сентября 2021 года.

8. Зотов Анатолий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3452, с 28 августа 2021 года.

9. Кизиков Сергей Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4119, с 28 сентября 2021 года.

10. Коньшев Матвей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4468, с 31 августа 2021 года.

11. Кострикин Михаил Станиславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-409, с 01 июня 2019 года.

12. Кравченко Ирина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4037, с 28 сентября 2021 года.

13. Пирогов Владимир Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-624, с 05 февраля 2020 года.

14. Савина Ирина Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4386, с 06 сентября 2021 года.

15. Травина Ивета Исмахановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3280, с 28 сентября 2021 года.

16. Тугуев Илья Маркович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-817, с 06 августа 2021 года.

17. Устарханов Саид Хакиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4472, с 03 августа 2021 года.

18. Филюшина Елена Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1179, с 28 сентября 2021 года.

19. Хорава Софья Тамазовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4425, с 17 августа 2021 года.

20. Шумков Николай Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2660, с 28 сентября 2021 года.

21. Щукин Владимир Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1082, с 28 сентября 2021 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Гааг и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-910, с 06 сентября 2021 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Демидов, Мусаева и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-911, с 05 августа 2021 года.

3. Коллегия адвокатов города Москвы «Виндер», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-912, с 06 сентября 2021 года.

4. Московская городская коллегия адвокатов «Референдарий», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-913, с 15 сентября 2021 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов г. Москвы «Стратегия», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-409, с 03 сентября 2021 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро «Галеев и Партнеры» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-442, с 25 августа 2021 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-443, с 15 июля 2021 года.

3. Адвокатское бюро города Москвы «Донской, Вараева и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-444, с 29 июня 2021 года.

6. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Инсайт (Восприятие)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-414, с 31 марта 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 313

28 сентября 2021 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов и представления вице-президентов Кипниса Н.М. и Зубкова С.Б. решил:

внести в Книгу почета Московской адвокатуры имя адвоката

Баренбойма Петра Давидовича, регистрационный номер 77/3073 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»,

наградить Почетным дипломом Адвокатской палаты города Москвы

Рачкова Валерия Алексеевича, регистрационный номер 77/5871 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Первой московской коллегии адвокатов «Еврозащита».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени:

1. Кравцева Наталья Владимировна, регистрационный номер 77/4634 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Флейшман Игорь Ефимович, регистрационный номер 77/488 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»,

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени:

1. Корчаго Евгений Викторович, регистрационный номер 77/10135 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат коллегии адвокатов «Корчаго и партнеры».

2. Урсул Василий Николаевич, регистрационный номер 77/14544 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)»,

Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов РФ:

1. Базаров Михаил Наумович, регистрационный номер 77/9124 адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».
2. Крылова Виктория Павловна, регистрационный номер 77/5816 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».
3. Кусаев Алексей Николаевич, регистрационный номер 77/11184 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».
4. Лукавченко Максим Владимирович, регистрационный номер 77/7583 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».
5. Никифоров Игорь Иванович, регистрационный номер 77/7720 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов Московской области «Вячеслав Блинов и партнеры».
6. Парфентьева Карина Анатольевна, регистрационный номер 77/2829 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».
7. Плевако Ирина Анатольевна, регистрационный номер 77/161 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».
8. Чирикова Лариса Святославовна, регистрационный номер 77/8348 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

Адвокатское сообщество

Поздравляем!

Приняли присягу и получили звание адвоката 29 июля 2021 года

1. Богданов Александр Валерьевич
2. Болгарин Илья Алексеевич
3. Доманов Александр Сергеевич
4. Жукова Екатерина Павловна
5. Самсоненко Евгений Валерьевич
6. Соболев Илья Олегович
7. Торбенко Мария
8. Шевченко Тимур Ибрагимович
9. Янтурин Ринат Салаватович.

Приняли присягу и получили звание адвоката 18 августа 2021 года

1. Голкин Александр Викторович
2. Марков Ярослав Анатольевич
3. Мурылева-Казак Виталия Владимировна.

Приняли присягу и получили звание адвоката 28 сентября 2021 года

1. Кошкина Екатерина Викторовна
2. Крюков Евгений Никитович
3. Лухманов Максим Иванович
4. Назаров Александр Сергеевич
5. Немирко Елена Юрьевна
6. Ненайденко Александр Георгиевич
7. Романова Полина Геннадьевна
8. Рубанов Артем Сергеевич
9. Филин Егор Александрович
10. Финогенова Елена Аркадьевна.

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Адвокату объявлено предупреждение за разглашение без согласия доверителя сведений, полученных им в связи с оказанием юридической помощи, и использование их в своих интересах и в интересах третьих лиц.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявителя К., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 17 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката К.М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г. адвокат К.М. нарушила:

– взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в разглашении без согласия доверителя К. сведений о наличии у него судимости, которые были достоверно известны адвокату К.М. как бывшему защитнику К. по уголовному делу... и которые адвокат К.М. сообщила 5 декабря 2019 г. в судебном заседании Д. городского суда М. области и использовала в своих интересах и в интересах третьих лиц в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу... слушавшемуся Д. городским судом М. области, где адвокат К.М. выступала истцом и представителем группы лиц;

– п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в получении ею не позднее 13 марта 2020 г. в Ч. районном суде города Москвы как защитником К. заверенной копии приговора указанного суда от 2 июня 2011 г. по уголовному делу... постановленного в отношении К., и в заявлении ею как представителем от-

ветчика Г. 13 марта 2020 г. ходатайства о приобщении заверенной копии данного приговора в качестве доказательства к материалам гражданского дела... находившегося в период с 18 февраля по 13 марта 2020 г. в производстве мирового судьи судебного участка №... С. района города Москвы, в целях формирования у суда отрицательного отношения к характеристикам личности К.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат К.М. в заседание Совета не явилась, заявив ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката К.М., поскольку она своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, ранее давала объяснения, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Заявитель К. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии за-

явитель К. согласился в полном объеме и дополнительно сообщил, что он пытался разрешить возникшую проблему миром, но адвокат К.М. продолжала его обманывать. Что касается меры дисциплинарного взыскания за допущенные нарушения, если они будут признаны Советом, то он полагается на мнение дисциплинарного органа.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что адвокат К.М. в 2011 году осуществляла защиту К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Уголовное дело... по обвинению К. было рассмотрено с участием защитника К., адвоката К.М., 2 июня 2011 г. Ч. районным судом города Москвы в открытом судебном заседании с вынесением по делу обвинительного приговора.

Не позднее 25 марта 2019 г. между адвокатом К.М. и К. сложились личные неприязненные отношения, обусловленные обстоятельствами, не имеющими отношения к ранее имевшимся между ними правоотношениям как адвоката и доверителя.

Будучи жителями одного и того же дачного поселка «В.», расположенного в Д. районе М. области, адвокат К.М. (как жительница данного поселка) с рядом иных лиц была не согласна с фактом назначения в 2017 году на должность председателя правления Товарищества собственников недвижимости «В.» заявитель К., а также считала действия К. как председателя правления по сбору с «садоводов-индивидуалов» дополнительных денежных средств по Договору от 1 января 2017 г. за пользование объектами инфраструктуры и истребова-

нию персональных данных от каждого «садовода-индивидуала» незаконными и необоснованными, нарушающими ее права и права еще 22 садоводов.

В рамках защиты своих прав и законных интересов К.М. как членом «Комитета по противодействию коррупции и содействию общественной безопасности» и гражданкой Е. 25 марта 2019 г. в прокуратуру города Д. М. области было подано заявление с просьбой принять «соответствующие меры прокурорского реагирования по фактам незаконного избрания председателем ТНС “В”, К., пресечения незаконных поборов с садоводов-индивидуалов, превышения полномочий председателем, выразившихся в отказе от подписания согласования границ земельных участков».

В мотивировочной части указанного заявления в прокуратуру города Д. М. области, подписанного как К.М., так и Е., указано, в частности, что К. «...сожитель собственницы земельного участка № 2 А.», а также что «К. не имеет достаточного образования, неоднократно судим, создает в ТСН нездоровую обстановку, распространяя различные клеветнические измышления в отношении нас».

Совет обращает внимание, что действия по подаче гражданами К.М. и Е. в прокуратуру города Д. М. области соответствующего заявления на действия председателя правления ТСН «В.» не связаны с исполнением адвокатом К.М. своих профессиональных обязанностей как адвоката, в связи с чем на эти действия не распространяется обязанность соблюдения ею требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. В самом заявлении каких-либо сведений о наличии у К.М. статуса адвоката не имеется. Сформулированные в заявлении положения о том, что К., «...сожитель соб-

ственницы земельного участка № 2 А.», а также что «К. не имеет достаточного образования, неоднократно судим, создает в ТСН нездоровую обстановку, распространяя различные клеветнические измышления в отношении нас», не содержат каких-либо данных о том, кем конкретно, К.М. или Е., включены эти сведения в текст заявления. Каких-либо доказательств, подтверждающих факт того, что эти сведения в заявление внесены именно адвокатом К.М., заявителем К. не представлено. В то же время заявителем К. не отрицается тот факт, что поводом и основаниями для подачи данного заявления гражданами К.М. и Е. явились их правоотношения, сложившиеся между ним как председателем правления ТСН «В.» и членами этого товарищества, и не связаны с их предыдущими отношениями как адвоката и доверителя.

В соответствии с п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалоба, основанная на действиях (бездействии) адвоката, не связанных с исполнением им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Подача К.М. в качестве гражданина, а не адвоката совместного с гражданкой Е. заявления в органы прокуратуры в отношении К. является действием, не связанным с осуществлением адвокатом К.М. профессиональной деятельности, и, следовательно, это действие не обусловлено исполнением ею требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части, касающейся этого дисциплинарного обвинения, подлежит прекращению

на основании подп. 6 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

При этом Совет разъясняет заявителю К., что в соответствии со ст. 152 ГК РФ любой гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений. В том случае, если заявитель К. считает, что данные сведения являются порочащими его честь, достоинство или деловую репутацию, он имеет возможность в порядке гражданского судопроизводства обеспечить защиту своих прав и законных интересов.

Также установлено, что 17 декабря 2019 г. Д. городским судом М. области по гражданскому делу... по иску гражданки К.М. «в интересах группы лиц к ТСН "В" о признании частично недействительными решений общего собрания и исключения записи из ЕГРЮЛ» было вынесено решение об удовлетворении данного иска в полном объеме.

Как следует из аудиозаписи протокола судебного заседания по гражданскому делу... Д. городского суда М. области, представленной заявителем К. и не оспариваемой адвокатом К.М., последняя в ходе своего выступления 5 декабря 2019 г. в судебном заседании Д. городского суда М. области в обоснование своей позиции заявила, что К. «привлекался к уголовной ответственности» (отрезок аудиофайла с 12 мин. 14 сек. до 12 мин. 19 сек.).

13 марта 2020 г. мировой судья судебного участка №... С. района города Москвы вынес решение по гражданскому делу... по иску ТСН «В.» к Г. о взыскании задолженности за пользование объектами инфраструктуры, отказав в удовлетворении исковых требований ТСН «В.» к Г. в полном объеме.

Как следует из решения суда, представителем ответчика Г. по доверенности в указанном процессе была адвокат К.М.

Как следует из аудиозаписи протокола судебного заседания по гражданскому делу... у мирового судьи судебного участка №... С. района города Москвы, представленной заявителем К. и не оспариваемой адвокатом К.М., последняя в ходе своего выступления в судебном заседании в обоснование позиции представляемого лица Г. заявила ходатайство о приобщении к делу копии обвинительного приговора Ч. районного суда города Москвы от 2011 года в отношении К., защиту которого в указанном процессе осуществляла сама адвокат К.М. (отрезок аудиофайла с 57 мин. 11 сек. до 57 мин. 23 сек.).

Ни факт произнесения фразы о привлечении К. к уголовной ответственности, ни факт приобщения к материалам гражданского дела копии обвинительного приговора от 2 июня 2011 г. в отношении К. адвокатом К.М. не оспаривается. При этом адвокат К.М. в заседании Квалификационной комиссии подтвердила, что копия данного приговора была получена ею специально для приобщения к материалам гражданского дела, рассматриваемого мировым судьей судебного участка №... С. района города Москвы в защиту интересов представляемого лица Г., и для получения этой копии приговора она использовала свои полномочия защитника К. по данному уголовному делу. Вместе с тем Совет обращает внимание на то, что, отвечая на вопросы в заседании Комиссии, адвокат К.М. называла разные механизмы получения ею данного приговора: как путем скачивания файла с сайта Ч. районного суда города Москвы, так и путем личного получения его заверенной копии в конце 2016 года – начале 2017 г. непосредственно в Ч. районном суде города Москвы.

Адвокатом К.М., однако, не отрицается тот факт, что получение ею этого приговора было обусловлено необходимостью собирания негативных характеризующих данных на К. для обеспечения доказательств его отрицательных характеристик в ходе начавшегося с 2017 года противостояния между К. как председателем правления ТСН «В.» и группой садоводов-индивидуалов указанного товарищества, включая адвоката К.М.

Разрешая вопрос о соблюдении/несоблюдении адвокатом К.М. норм профессиональной этики адвоката применительно к установленным фактическим обстоятельствам, Совет отмечает, что адвокат является независимым советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Институт независимой адвокатуры является гарантией конституционного права граждан, в том числе обвиняемых в уголовном судопроизводстве, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П).

Отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, защиту которого адвокат осуществляет, основаны на особых, лично-доверительных отношениях подозреваемого, обвиняемого со своим защитником (см.: Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 г. № 8-П, от 29 ноября 2010 г. № 20-П и др.). Это позволяет достичь эффективности как получаемой юридической помощи, так и судебной защиты в целом, поскольку осуществление представительства в деле тем адвокатом, которому подзащитный доверяет и с которым он может согласовать позицию в ходе производства по делу (стратегию стороны

защиты), максимально способствует реализации законных интересов подозреваемого, обвиняемого. В Кодексе профессиональной этики адвоката также подчеркивается, что связь между адвокатом и доверителем основывается на лично-доверительном характере отношений между ними (ст. 5 и п. 1 ст. 6 Кодекса) (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П).

В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

С учетом изложенного Совет считает, что, сославшись в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу... слушавшемуся Д. городским судом М. области, на достоверно известные адвокату К.М. (как бывшему защитнику заявителя К. по уголовному делу) сведения о наличии судимости у К., адвокат К.М. нарушила взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как разгласила без согласия доверителя сведения, полученные ею в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовала их в своих интересах и в интересах третьих лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2016 г. № 76-О указал: «Разъясняя ориентиры для понимания соответствующих гарантий, Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 г. Советом коллегий адвокатов и юридических обществ Европейского союза) относит к сущностным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сооб-

щать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом либо полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3) Согласно же Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе-сентябре 1990 г.), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи».

Установленный факт того, что адвокат К.М. в ходе оказания в 2020 году юридической помощи ответчику Г. в рамках гражданского дела... у мирового судьи судебного участка №... С. района города Москвы, используя то обстоятельство, что ранее, в 2011 году, она осуществляла защиту К. по уголовному делу, находившемуся в производстве Ч. районного суда города Москвы, представила мировому судье судебного участка №... С. района города Москвы полученную ранее заверенную копию приговора Ч. районного суда города Москвы от 2 июня 2011 г. по уголовному делу... постановленного в отношении К., и ходатайствовала 13 марта

2020 г. о ее приобщении к материалам гражданского дела... Совет признает нарушением требований п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку адвокат К.М. использовала свои полномочия защитника К. для собирания в своих интересах и интересах третьих лиц, включая ответчика Г., доказательств по указанному гражданскому делу для того, чтобы продемонстрировать отрицательную характеристику К. как бывшего председателя правления ТСН «В.», выступавшего истцом по отношению к представляемому ею лицу Г. При этом адвокат К.М. как представитель Г. не имела законной возможности получить заверенную копию приговора Ч. районного суда города Москвы от 2 июня 2011 г. по уголовному делу...

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К.М. за совершенные ею дисциплинарные проступки, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий о явном игнорировании адвокатом К.М. основополагающих правил профессионального поведения, связанных с обеспечением конфиденциальности полученной адвокатом информации и недопустимостью злоупотребления доверием и совершения действий, направленных к подрыву доверия как к адвокату, так и к адвокатуре в целом. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат К.М. с момента приобретения статуса адвоката к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет считает возможным предоставить адвокату К.М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о необходимости применения к ней меры дисциплинар-

ной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату К.М. ... меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушения:

– взаимосвязанных положений п. 3, 4 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в разглашении без согласия доверителя К. сведений о наличии у него судимости, которые были достоверно известны адвокату К.М. как бывшему защитнику К. по уголовному делу... и которые адвокат К.М. сообщила 5 декабря 2019 г. в судебном заседании Д. городского суда М. области и использовала в своих интересах и в интересах третьих лиц в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу... слушавшемуся Д. городским судом М. области, где адвокат К.М. выступала истцом и представителем группы лиц;

– п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в получении ею не позднее 13 марта 2020 г. в Ч. районном суде города Москвы как защитником К. заверенной копии приговора указанного суда от 2 июня 2011 г. по уголовному делу... постановленного в отношении К., и в заявлении ею как представителем ответчика Г. 13 марта 2020 г. ходатайства о приобщении заверенной копии данного приговора в качестве доказательства к материалам гражданского дела... находившегося в период с 18 февраля по 13 марта 2020 г. в производстве мирового судьи судебного участка №... С. района города Москвы, в целях формирования у суда отрицательного отношения к характеристикам личности К.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 17 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката К.М.

1.2. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав, что сам по себе факт принятия адвокатом поручения по иску против дочери бывшего доверителя не образует дисциплинарного нарушения при условии отсутствия других нарушений требований профессиональной этики.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя заявителя К., В. (доверенность... от 26 мая 2021 г., удостоверенная Ц., нотариусом города Москвы, и зарегистрированная в реестре за №...), и адвоката П., рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 5 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката П.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. адвокат П. нарушил ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в принятии им 1 сентября 2020 г. поручения на представление интересов истца Е. в К. районном суде города Москвы по гражданскому делу... в котором Е. предъявил иск к наследственному имуществу умершего 7 августа 2019 г. К.С., ответчиком по которому была привлечена его дочь К., в то время как адвокат П. ранее оказывал юридическую помощь К.С., осуществляя в 2015–2016 годах представительство интересов К.С. в гражданских делах К. районного суда города Москвы... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства и в Х. районном суде города Москвы... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании суммы долга по договору займа, что привело к подрыву доверия к адвокату П. со стороны правопреемника его доверителя К.С. – К.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим

...вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат П. согласился в части утверждения о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Дополнительно адвокат П. указал, что не имел намерения подрывать авторитет института адвокатуры. Что касается направления запросов, то их целью было получение информации о лице, который представлял интересы К.С. В целом адвокат П. поддержал доводы своих ранее представленных письменных возражений.

Представитель заявителя К., В., в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласился в полном объеме.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката П. нарушившим положения «ст. 5 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката» и признает эту оценку ошибочной. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат П. с 2015 года оказывал юридическую помощь отцу заявителя К. – К.С. Предмет оказания юридической помощи заявителем не конкретизирован и установлен Квалификационной комиссией на основании следующих доказательств:

(1) нотариально удостоверенной доверенности... от 11 июня 2015 г., которой К.С. уполномочил адвоката П. быть его представителем во всех судах Российской Федерации, выданной сроком на два года;

(2) материалами гражданского дела... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства, в том числе протоколом судебного заседания К. районного суда города Москвы от 8 июля 2015 г., апелляционным определением от 28 августа 2015 г. судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу №... (в апелляционной инстанции делу был присвоен №...) и протоколом судебного заседания суда апелляционной инстанции от 28 августа 2015 г. по этому же гражданскому делу;

(3) материалами гражданского дела... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 г. с вынесением решения об удовлетворении иска К., апелляционным определением от 26 сентября 2016 г. судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу №... (в апелляционной инстанции делу был присвоен №...), которым апелляционная жалоба Е. была оставлена без рассмотрения.

В судебных разбирательствах по гражданским делам №№... и... адво-

кат П. принимал участие в качестве представителя К.С., чьи полномочия основаны на нотариально удостоверенной доверенности. При этом постановленное с участием представителя истца К.С., адвоката П., решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 г. по гражданскому делу... в пользу истца К.С. было обжаловано Е. в суд апелляционной инстанции. На этом основании Квалификационная комиссия предположила, что не позднее 23 мая 2016 г. (дата вынесения решения Х. судом города Москвы об удовлетворении иска К.С.) между доверителем адвоката П. – К.С., и Е., обжаловавшим данное решение суда, возник конфликт интересов.

7 августа 2019 г. умер доверитель адвоката П. – К.С.

5 февраля 2020 г., то есть за два дня до истечения шестимесячного срока, установленного законом для вступления наследников в права наследования после смерти К.С., в К. районный суд города Москвы поступило исковое заявление Е. о взыскании задолженности в размере... за счет наследственного имущества умершего К.С. В исковом заявлении содержится указание на то, что оно предъявляется Е. до принятия наследства после смерти К.С. его наследниками.

Как следует из искового заявления Е., 24 декабря 2010 г. между Е., являющимся кредитором, и ООО «Д.», являющимся заемщиком, был заключен договор займа № 1.

26 мая 2015 г. Е. и К.С. заключили договор поручительства к договору займа № 1 от 24 декабря 2010 г., согласно условиям которого К.С. обязался до 26 мая 2020 г. солидарно с ООО «Д.» отвечать за исполнение обязательств по возврату займа Е.

Решением Арбитражного суда города Москвы... от 11 июля 2017 г. ООО «Д.» было признано несостоя-

тельным (банкротом), и в отношении него было объявлено конкурсное производство. После реализации имущества ООО «Д.» в рамках конкурсного производства конкурсному кредитору Е. были выплачены денежные средства в размере... рублей, что составило лишь часть долга ООО «Д.» перед Е., поэтому он 5 февраля 2020 г. предъявил иск к имуществу умершего поручителя К.С. на сумму невозвращенного ООО «Д.» долга и процентов по нему в размере...

10 февраля 2020 г. исковое заявление Е. было принято К. районным судом города Москвы к своему производству, и гражданскому делу был присвоен №... (в 2021 году делу присвоен №...). Интересы Е. в данном деле представляет адвокат П.

Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что предъявлением иска к наследственному имуществу умершего К.С. Е. подтвердил, что его интересы противоречат интересам К.С., и, как следствие этого, интересам наследника К.С. – К.

Данное юридически значимое обстоятельство, по мнению Квалификационной комиссии, было известно адвокату П., который в 2015–2016 годах оказывал юридическую помощь К.С., в том числе и по гражданскому делу... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 г. с вынесением решения об удовлетворении иска К.С., на которое Е. была подана апелляционная жалоба.

5 марта 2020 г. К. нотариусом города Москвы Ц. было выдано свидетельство о праве на наследство по закону на имущество ее отца, К.С., после чего К. была привлечена в качестве ответчика по гражданскому делу №... (в 2021 году делу присвоен №...).

Совет признает описанные выше фактические обстоятельства правильно

установленными Квалификационной комиссией. Между тем выводы Квалификационной комиссии, основанные на указанных фактических обстоятельствах, Совет признает ошибочными.

Прежде всего Совет отмечает, что дисциплинарное производство носит публично-правовой характер, в связи с чем основывается на презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Публично-правовой характер дисциплинарного производства и презумпция добросовестности адвоката обязывают участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, представить совокупность доказательств, которая бы вне разумных сомнений опровергла позицию адвоката. Причем стандарт доказывания «вне разумных сомнений» не позволяет дисциплинарным органам Адвокатской палаты города Москвы использовать различные предположения в обоснование опровержения презумпции добросовестности адвоката.

Несмотря на это, Квалификационная комиссия, оценивая правильно установленные ею фактические обстоятельства, пришла к предположительным выводам о возникновении конфликта интересов между доверителем адвоката П. – К.С., и Е.

Совет обращает внимание, что спор между К.С. и ООО «Д.», рассмотренный Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 г., не касался взаимоотношений между К.С. и Е. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что апелляционная инстанция, Московский

городской суд, в апелляционном определении от 26 сентября 2016 г. ...оставила без рассмотрения апелляционную жалобу Е. на решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 г. в связи с тем, что «Е. участником спорных отношений не являлся», а «решение суда не содержит каких-либо суждений о правах и обязанностях Е.». Поэтому вывод Квалификационной комиссии о том, что не позднее 23 мая 2016 г. (дата вынесения решения Х. судом города Москвы об удовлетворении иска К.С.) между доверителем адвоката П. – К.С. и Е., обжаловавшим данное решение суда, возник конфликт интересов, является предположением. Само по себе обращение Е. в суд апелляционной инстанции не может свидетельствовать о наличии конфликта интересов между ним и К.С.

Совет отмечает, что причины обращения не привлеченного к участию в деле лица с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции могут быть различными. В числе прочих, такими причинами могут быть неправильно понимаемое право на обжалование и намеренное злоупотреблением правом на обращение в суд.

Из анализа приведенных выше судебных актов невозможно сделать определенный вывод о возникновении конфликта интересов между Е. и К.С. В свою очередь заявительница К. не представила доказательств, подтверждающих достоверную причину обращения Е. с апелляционной жалобой на решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 г.

Совет также не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что предъявлением иска к наследственному имуществу умершего К.С. Е. подтвердил, что его интересы противоречат интересам К.С., и, как следствие этого, интересам наследника К.С. – К.

Совет отмечает, что обращение с указанным иском является законной и логичной процедурой защиты имущественных прав в исключительной ситуации – смерти поручителя по договору займа, которым оказался К.С.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, К.С. добровольно принял на себя обязательства поручителя 26 мая 2015 г. по договору займа № 1 от 24 декабря 2010 г., по которому Е. выступал в качестве займодателя. Поэтому само по себе использование фактически единственной судебной процедуры в сложившейся правовой ситуации не может автоматически свидетельствовать о конфликте интересов между Е. и К.С. Это обстоятельство не исключает потенциально возможного конфликта интересов между наследниками К.С., заинтересованными в сохранении наследственного имущества, и Е., который намерен возратить сумму займа за счет имущества поручителя.

Наконец, заявитель не указал, какие именно сведения, полученные адвокатом П. в ходе оказания юридической помощи К.С., он использовал при подготовке и подаче искового заявления Е. в К. районный суд города Москвы и в ходе представления интересов последнего в споре с наследниками К.С. Не представлено и доказательств такого использования адвокатом П. конфиденциальных сведений, при этом сам он такое использование категорически отрицает.

Совет обращает внимание на то, что на момент заключения договора займа от 24 декабря 2010 г. № 1 и договора поручительства от 26 мая 2015 г., в соответствии с которым К.С. обязался до 26 мая 2020 г. солидарно с ООО «Д.» отвечать за исполнение обязательств по возврату займа Е., адвокат П. не оказывал юридическую помощь К.С. В связи с этим адвокат П. не обладал какой-ли-

бо информацией о данной сделке на момент ее совершения.

Представляя интересы К.С. по гражданскому делу... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства, адвокат П. также не мог получить какую-либо информацию о своем доверителе К.С., которая могла бы быть использована по гражданскому делу №... (в 2021 году делу присвоен №...) по иску Е. к К. Совет отмечает, что в гражданском деле по иску компании «М.» к К.С. Е. не принимал участия и не имел какого-либо интереса как к существу спора, так и к сторонам.

Что же касается гражданского дела... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 г. с вынесением решения об удовлетворении иска К.С., то, как указано выше со ссылкой на вывод суда апелляционной инстанции, права Е. в ходе данного разбирательства не затронуты. Поэтому адвокат П. не мог получить какие-либо сведения, которые впоследствии могли бы быть использованы против интересов умершего К.С. по гражданскому делу №... (в 2021 году делу присвоен №...) по иску Е. к К.

Жалоба К. и приложенные к ней документы не содержат конкретных сведений, которые бы свидетельствовали о том, что адвокат П. в ходе рассмотрения гражданского дела №... (в 2021 году делу присвоен №...) по иску Е. к К. в К. районном суде города Москвы использовал против К. какие-либо конфиденциальные сведения, полученные от своего бывшего доверителя К.С.

Кроме того, Совет обращает внимание на то, что для надлежащей оценки и выводов относительно поведения адвоката П. недостаточно указаний в жалобе на то, что «...предъявленные исковые требования, поддерживаемые адвока-

том П., касаются периода жизни моего отца (май 2015 г.), в котором, по утверждению самого же П., он (П.) был адвокатом К.С. и оказывал ему юридическую помощь». Как уже было отмечено выше, на момент заключения спорных договоров адвокат П. не оказывал юридическую помощь К.С. (договор поручения подписан 26 мая 2015 г., а доверенность выдана адвокату П. 11 июня 2015 г.). Каких-либо иных конкретных данных в жалобе и приложенных к ней документах не содержится.

Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что заявительница К. не представила документального подтверждения своего утверждения о том, что адвокат П. пытался передать в материалы гражданского дела... доверенности, выданные ему в 2015 году К.С.

В отсутствие достаточных и достоверных доказательств конфликта интересов К.С. и Е., а также в отсутствие доказательств каких-либо действий адвоката П., противоречащих интересам бывшего доверителя К.С., и использования полученной от него конфиденциальной информации вопреки его интересам, сам по себе факт принятия адвокатом П. поручения Е. по иску против дочери К.С. – К. дисциплинарного нарушения не образует.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что заявительница К. не опровергла презумпцию добросовестности адвоката П.

Одновременно с этим Совет обращает внимание на порок правовой квалификации дисциплинарного нарушения в ЗаклЮчении Комиссии. Согласно резолютивной части ЗаклЮчения адвокат П. нарушил ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Между тем ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит три пункта, каждый из которых предусматривает самостоя-

тельные требования и запреты. Таким образом, Квалификационная комиссия в своем Заключении не указала, какое именно положение ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката она считает нарушенным адвокатом П. Отсутствие необходимой конкретизации правовой квалификации дисциплинарного проступка само по себе не позволяет Совету согласиться с Заключением Квалификационной комиссии.

По этим причинам Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, при-

1.3. Адвокату объявлено предупреждение за оказание юридической помощи доверителю, в пользу которого было заключено соглашение, в отсутствие согласия последнего на оказание такой помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе И. от 23 марта 2021 г. ...в отношении адвоката С.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г. адвокатом С. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., что выразилось в представлении 26 января 2021 г. ее интересов в ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни... от 2 декабря 2019 г. и подачи претензии от ее имени на основании Соглашения... об оказании юридической помощи от 15 января 2021 г., заключенного адвокатом С. с ООО «Р.», в отсутствие согласия И. на оказание ей юридической помощи.

ходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката П. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. ... возбужденное по жалобе К. от 5 февраля 2021 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С., уведомленный надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явился, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие...

Заявительница И., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явилась, представила в Адвокатскую палату города Москвы письменные объяснения к Заключению квалификационной комиссии, в которых также сообщила, что участвовать в заседании Совета не сможет,

просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие...

Принимая во внимание, что участники дисциплинарного производства извещены надлежащим образом, своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что И. обратилась за оказанием правовой помощи в коммерческую организацию ООО «Р.» и 24 декабря 2020 г. заключила Договор об оказании юридических услуг... пунктом 1.1 которого определен «характер юридической услуги»: правовой анализ ситуации, консультирование, составление проектов документов в интересах И. (в качестве заказчика по договору) по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни и возврата денежных средств, выезд специалиста в интересах заказчика «по вышеназванному вопросу в уполномоченные органы». Пунктом 2.3.3 указанного договора предусмотрено право ООО «Р.» привлекать к работе необходимых специалистов за счет «заказчика» и по согласованию с ним.

15 января 2021 г. ООО «Р.» заключило Соглашение... об оказании юридической помощи (далее – Соглашение) с ад-

вокатом С., который в соответствии с п. 2 Соглашения принял поручение осуществить разовый выезд в ООО СК «С.» для представления интересов И. по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни с подачей претензии. Соответствующая претензия была подписана адвокатом С. 26 января 2021 г. и в этот же день передана им в страховую компанию.

Страховая компания в ответ на поданную адвокатом С. претензию направила И. письмо... от 9 февраля 2021 г., а также предоставила И. заверенные страховой компанией 11 марта 2021 г. копии ордера от 26 января 2021 г. ... адвокатского удостоверения... адвоката С., выданного 3 марта 2017 г., и подписанной им претензии.

Квалификационной комиссией также установлено, что адвокат С. с И. лично знаком не был, никогда не встречался и не общался с ней, доверенность на представление интересов И. в отношениях с третьими лицами и/или на совершение действий от ее имени не получал, согласия либо поручения И. на осуществление действий от ее имени в правоотношениях со страховой компанией ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора также не получал ни в устной, ни в письменной форме. На заключенном адвокатом С. с ООО «Р.» Соглашении подпись И. отсутствует, доказательства согласования ею указанного Соглашения в какой-либо иной форме также отсутствуют.

При обращении в ООО СК «С.» и подаче претензии «в интересах» И. адвокат С. представил адвокатское удостоверение и ордер от 26 января 2021 г. ... выданный Коллегией адвокатов города Москвы «...».

Принимая решение, Совет признает, что в ходе дисциплинарного производства указанные обстоятельства объективно подтвердились материалами дис-

циплинарного производства, а также не оспаривались участниками дисциплинарного разбирательства.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Статья 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката разъясняет, что под доверителем следует понимать не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения.

Совет в своих решениях неоднократно обращал внимание на особенности заключения соглашения об оказании юридической помощи в интересах третьих лиц. В таких правоотношениях важнейшим фактором является получение адвокатом поручения или согласия лица, в целях защиты прав и законных интересов которого адвокат заключает соглашение.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов ад-

вокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Совет Адвокатской палаты города Москвы, действуя в пределах своей компетенции, 27 июня 2019 г. утвердил Разъяснения № 12 «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», в которых, в частности, указал: «По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь... Нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие... Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным ли-

цом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя».

Указанные разъяснения находятся в открытом доступе и размещены на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в сети «Интернет» (<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/>), а также опубликованы в официальном издании Адвокатской палаты города Москвы – «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2019. Выпуск № 2. С. 129). Они подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

Совет обращает внимание, что подход, изложенный в данных разъяснениях, адвокатам в равной степени необходимо учитывать и применять не только при принятии поручения на защиту по уголовному делу, но и при оказании юридической помощи любого вида.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Положения п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката также обязывают адвоката при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными

законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, с которым Совет соглашается в полной мере, что адвокат С., заключая Соглашение с ООО «Р.», исходя из предмета поручения, сформулированного в п. 2 Соглашения, не мог не понимать, что заключает соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица – И., которая в силу приведенных выше положений Кодекса профессиональной этики адвоката становится его доверителем в силу характера принимаемого им на основании Соглашения обязательства об оказании юридической помощи. Однако никаких доказательств того, что он получил согласие И. на исполнение обязательств по Соглашению, заключенному в ее интересах, в материалы дисциплинарного производства адвокат С. не представил.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой, а его вину доказанной, установлено ненадлежащее исполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем И., что выразилось в представлении 26 января 2021 г. ее интересов в ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни от 2 декабря 2019 г. ...и подачи претензии от ее имени на основании Соглашения об оказании юридической помощи от 15 января 2021 г. ...заключенного адвокатом С. с ООО «Р.», в отсутствие согласия И. на оказание ей юридической помощи.

Заявительницей И. в отношении адвоката С. выдвинуто также дисциплинарное обвинение в том, что представленный адвокатом С. в ООО СК «С.»

ордер от 26 января 2021 г. ...оформлен с нарушением правил, поскольку в качестве основания его выдачи указано «Соглашение», однако реквизиты соглашения не указаны, и никакого соглашения с адвокатом С. она не заключала, в связи с чем адвокат С. не имел права использовать такой ордер.

Совет в этой связи принимает во внимание, что 15 января 2021 г. адвокат С. заключил с ООО «Р.» Соглашение... об оказании юридической помощи на представление интересов И. в ООО СК «С.», а ордер от 26 января 2021 г. ...выдан адвокату С. Коллегией адвокатов города Москвы «...», членом которой он является.

В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные доводы, основанные на материалах дисциплинарного производства, свидетельствующие о том, что в указанной части презумпция добросовестности адвоката С. не опровергнута. С этими доводами Совет также соглашается.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату С. за допущенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, выразившийся в явно формальном и недобросовестном подходе к исполнению принятых на себя по Соглашению с доверителем И. обязательств, демонстрирующий намеренное пренебрежение требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики, а также прямое игнорирование адвокатом С. обязательных требований, содержащихся в решениях органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совет полагает, что этим нарушением адвокатом С. создана неопределенность в его отношениях с доверителем И. Одновременно с этим Совет учитывает, что

адвокат С. полностью признал вину в допущенном дисциплинарном нарушении, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в представлении 26 января 2021 г. ее интересов в ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни... от 2 декабря 2019 г. и подачи претензии от ее имени на основании Соглашения... об оказании юридической помощи от 15 января 2021 г., заключенного адвокатом С. с ООО «Р.», в отсутствие согласия И. на оказание ей юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе И. от 23 марта 2021 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.4. Совет прекратил дисциплинарное производство, установив, что адвокат не исполнял функции защитника-«дублера» и не допустил нарушения принципа непрерывности защиты.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Б. ... без даты ... в отношении адвоката Х.

Квалификационная комиссия в своем Заключении от 23 июня 2021 г. пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Х. по жалобе адвоката Б. без даты... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Х. в заседание Совета не явилась, письменно заявила об ознакомлении с Заключением Квалификационной комиссии и полном согласии с ним, а также ходатайствовала о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие...

Заявитель, адвокат Б., своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии и ознакомившийся с ним в заседание Совета не явился, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников, поскольку они извещены надлежащим образом, своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии и ознакомились с ним, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет

соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В жалобе адвокат Б. указывает, что с 3 февраля 2020 г. по соглашению он осуществляет защиту С. на стадии предварительного расследования по уголовному делу...

12 февраля 2021 г. «при посещении официального сайта М. районного суда города Москвы» адвокату Б. стало известно, что в отношении его подзащитной С. судом заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. При ознакомлении в тот же день в М. районном суде города Москвы с материалами обособленного судебного производства по ходатайству следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокату Б. стало известно, что в судебном заседании по рассмотрению постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в качестве защитника обвиняемой С. принимала участие адвокат Х., которая представила ордер... от 10 февраля 2021 г. на основании ст. 51 УПК РФ. В то же время, согласно «сведениям М. районного суда города Москвы», постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемой С. поступило в суд лишь 11 февраля 2021 г., в 09.45 час. По мнению заявителя, непонятно, каким образом адвокат Х. заранее выписала ордер от 10 февраля 2021 г., если постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу поступило в

М. районный суд города Москвы лишь 11 февраля 2021 г.

Кроме того, по мнению заявителя, адвокату Х. было достоверно известно, что у С. имеется адвокат по соглашению – Л. (удостоверение... выданное 23 апреля 2014 г. Главным управлением Министерства юстиции РФ по городу Москве), поскольку в материалах, представленных в суд в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения, находился протокол допроса С. в качестве свидетеля от 27 апреля 2018 г. по уголовному делу... в котором принимал участие адвокат Л., от юридической помощи которого С. до момента подачи жалобы не отказалась.

Допущенное адвокатом Х. дисциплинарное нарушение, по мнению заявителя адвоката Б., выразилось в том, что Х. не выяснила у следователя, имеется ли у обвиняемой С. защитник по соглашению, а также не предприняла активных действий, направленных на уведомление адвоката Л. о дате, месте и времени судебного заседания.

Адвокат Х. пояснила, что 10 февраля 2021 г. она приняла заявку... иницированную в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ), на участие в судебном заседании в М. районном суде города Москвы по уголовному делу... в качестве защитника С. при рассмотрении ходатайства следователя М. ...по ...АО города Москвы ГСУ СК РФ по городу Москве К. об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу. Прибыв в суд по заявке в назначенное время, адвокат Х. изучила перед судебным заседанием материал... представленный следователем К. М. районному суду города Москвы. В данном материале отсутствовали сведения об участии каких-либо защитников С. по соглашению или по назначению. К материалу

не было приложено ни одного ордера адвоката на защиту С. В материале... на л.д. 155–161 имелся лишь протокол допроса С. в качестве свидетеля от 27 апреля 2018 г. Какие-либо иные протоколы допроса С. отсутствовали. Следователь сообщил адвокату Х., что по делу отсутствуют какие-либо адвокаты – защитники как по соглашению, так и по назначению, а сама С. «скрывается в Италии», в связи с чем в отношении нее заочно избирается мера пресечения в виде заключения под стражу.

Поскольку никаких сведений об участии в деле какого-либо другого защитника не имелось, а сама С. не принимала участия в судебном заседании, адвокат Х. приняла участие в судебном заседании, где высказала возражения против удовлетворения ходатайства следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также против рассмотрения данного ходатайства в отсутствие обвиняемой С. По результатам рассмотрения данного ходатайства суд вынес постановление о его удовлетворении. На постановление суда адвокатом Х. была подана апелляционная жалоба. Об участии в уголовном процессе защитника С. по соглашению, адвоката Б., адвокат Х. узнала только из жалобы, поданной им в Адвокатскую палату города Москвы.

В ходе дисциплинарного производства объяснения адвоката Х. нашли свое подтверждение.

Из представленной как адвокатом Х., так и заявителем, адвокатом Б., описи материала... следует, что какие-либо ордера адвокатов в нем отсутствуют. Содержание протокола допроса С. в качестве свидетеля от 27 апреля 2018 г. явно не позволяло адвокату Х. прийти к выводу о том, что адвокат Л. являлся защитником С., поскольку С. была допрошена в качестве свидетеля.

При этом ордер адвоката Л. в указанном материале отсутствовал. Данное обстоятельство подтверждается и протоколом судебного заседания М. районного суда города Москвы от 11 февраля 2021 г., в котором подробно перечислены исследованные судом материалы с указанием листов дела. В объяснениях, данных в заседании Квалификационной комиссии 9 июня 2021 г., как адвокат Х., так и адвокат Б. сообщили, что на момент вынесения М. районным судом города Москвы постановления от 11 февраля 2021 г. ордер адвоката Л. в материале... отсутствовал. Сведения об участии в уголовном деле в качестве защитника С. адвоката Б. появились в материале... лишь 12 февраля 2021 г., когда последний обратился в М. районный суд города Москвы с ходатайством об ознакомлении с указанным материалом, представив свой ордер.

В связи с изложенным Совет признает, что у адвоката Х. не имелось оснований полагать, что адвокат Л., оказывавший юридическую помощь С. более двух лет назад при допросе последней в статусе свидетеля, является ее защитником по соглашению. По этой причине незаявление адвокатом Х. ходатайства об уведомлении адвоката Л. о судебном заседании М. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемой С. меры пресечения в виде заключения под стражу не может рассматриваться в качестве признака дисциплинарного проступка.

Кроме того, апелляционным постановлением Московского городского суда от 6 апреля 2021 г. по материалу... которым постановление М. районного суда города Москвы от 11 февраля 2021 г. об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу оставлено без изменения, установлено, что «материалы дела, поступившие

в суд с ходатайством следователя об избрании обвиняемой меры пресечения в виде заключения под стражу, сведений о наличии у нее защитника по соглашению не содержали». Таким образом, объяснения адвоката Х. подтверждаются также и указанным судебным постановлением.

Кроме того, как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Х. поручение по осуществлению защиты по назначению в досудебном производстве по уголовному делу не принимала, была назначена в качестве защитника С. лишь для участия в рамках обособленного судебного-контрольного производства по рассмотрению ходатайства об избрании в отношении С. меры пресечения. Именно поэтому адвокат Х. была ознакомлена лишь с теми материалами уголовного дела... в отношении С., которые были представлены следователем М. районному суду города Москвы в обоснование своего ходатайства. Дополнительным фактором ограничения доступа адвоката Х. к информации является рассмотрение ходатайства об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражей в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ, то есть в отсутствие обвиняемой, что исключило для адвоката Х. возможность получить информацию об участии других защитников непосредственно от С.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что в действиях адвоката Х. нет признаков дублирования функций защиты, а равно и нарушения принципа ее непрерывности.

Совет соглашается и с выводом Квалификационной комиссии о том, что доводы жалобы адвоката Б. о самоустранении адвоката Х. от защиты С. лишены оснований. Как установлено в ходе дисциплинарного производства, 11 февраля 2021 г., в ходе судебного заседания, адвокат Х. возражала против удовлет-

ворения ходатайства следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу, указывала суду на отсутствие фактов, которые бы свидетельствовали о том, что обвиняемая С. как-либо препятствовала производству по уголовному делу. Кроме того, адвокат Х. обратила внимание суда на то, что С. ранее не судима, и отсутствуют основания полагать, что она продолжит заниматься преступной деятельностью. В связи с этим адвокат Х. указала на возможность избрания в отношении С. более мягкой меры пресечения. Впоследствии постановление М. районного суда города Москвы от 11 февраля 2021 г. было обжаловано адвокатом Х. в апелляционном порядке.

В ходе дисциплинарного производства не нашли подтверждения и дисциплинарные обвинения в незаконном сотрудничестве адвоката Х. с органами предварительного следствия и суда против интересов подзащитной. Как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Х. приняла заявку... в установленном порядке – посредством АИС АПМ. Согласно заявке судебное заседание было назначено на 16.00 час. 10 февраля 2021 г. Таким образом, заполнение адвокатом Х. ордера

1.5. Адвокату объявлено предупреждение за нечестное поведение, выразившееся в удержании материальных ценностей, принадлежащих доверителю, с целью обеспечения исполнения доверителем своих обязательств по выплате вознаграждения за оказанную адвокатом юридическую помощь.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Т. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе ООО «...» от 22 марта 2021 г. ...и без даты ...в отношении адвоката Т.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г. адвокатом Т. допущено:

на защиту С. 10 февраля 2021 г., то есть до регистрации М. районным судом города Москвы материала по ходатайству следователя об избрании С. меры пресечения в виде заключения под стражу, обусловлено содержанием заявки... в АИС АПМ, а не внепроцессуальными контактами адвоката Х. со следователем или с судом. При этом Совет обращает внимание заявителя на то, что обеспечение участия защитника в рассмотрении таких ходатайств судом является обязанностью следователя, о чем адвокат как профессиональный участник уголовного судопроизводства должен быть осведомлен.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Х. непровергнутой, а дисциплинарное производство – подлежащим прекращению.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Х. по жалобе адвоката Б. без даты ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 5 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «...», что выражается в удержании адвокатом до настоящего времени имущества доверителя (ноутбука HP ProBook... и смартфона Xiaomi Redmi

ГО...) с целью обеспечения исполнения доверителем ООО «...» своих обязательств по выплате адвокату Т. вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи, хотя требования ООО «...» к адвокату Т. о возврате имущества были явно и недвусмысленно сформулированы еще в первой жалобе ООО «...» в Адвокатскую палату города Москвы от 22 марта 2021 г.

Кроме того, в Заключении от 9 июня 2021 г. Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель, уведомленный надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, 28 июля 2021 г. просил Совет Адвокатской палаты о рассмотрении дисциплинарного производства в отсутствие его представителя... оставил на усмотрение Совета решение о мере ответственности адвоката Т., при этом просил наказать адвоката Т. максимально строго.

Адвокат Т. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г., с которым ознакомлен и согласен с выводами Комиссии; дополнительно указал, что был неправ, удерживая оборудование, которое возвратил доверителю 16 июня 2021 г., после заседания Квалификационной комиссии; при этом поддержал представленные им письменные возражения.

На вопросы членов Совета адвокат Т. пояснил, что компьютер и телефон получил, чтобы выполнять обязанности по обслуживанию клиентов компании «...», как это указано в акте от 1 сентября 2020 г., оказывал услуги

ООО «...» на основании Договора оказания юридических услуг от 5 ноября 2019 г. (далее – Договор), в основном находясь в офисе доверителя, а также в судах и иных органах, если это требовалось в интересах клиента. Прекратил посещать офис компании в феврале 2021 года, с середины февраля находился «в отпуске».

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, признает фактические обстоятельства правильно установленными Комиссией, однако частично не соглашается с ее выводами.

Материалами дисциплинарного производства установлено следующее.

5 ноября 2019 г. между доверителем ООО «...» и адвокатом Т. был заключен Договор на юридическое обслуживание, в соответствии с которым адвокат обязался «осуществлять комплексное юридическое обслуживание доверителя и указанных им третьих лиц».

Для выполнения «должностных» обязанностей в рамках заключенного договора об оказании юридической помощи адвокату Т. на основании акта от 1 сентября 2020 г. были переданы ноутбук HP ProBook... и смартфон Xiaomi Redmi GO...

Из подписанного генеральным директором ООО «...» и адвокатом Т. Акта приема-передачи материальных ценностей исполнителю от 1 сентября 2020 г. следует, что имущество передано адвокату Т. для оказания им юридической помощи доверителю.

Как следует из пояснений участников дисциплинарного производства, Договор на юридическое обслуживание от 5 ноября 2019 г. расторгнут заявителем 1 марта 2021 г. По утверждению адвоката Т., заявитель имел задолженность перед ним в сумме... рублей, о взыскании которой с ООО «...» адвокат обратился

с иском в суд, и на время до разрешения спора о возмещении ему указанной задолженности по оплате ежемесячного вознаграждения по Договору на юридическое обслуживание от 5 ноября 2019 г. адвокат Т. решил, что он как кредитор ООО «...» вправе удерживать находящиеся у него материальные ценности, которые могут стать единственным источником погашения задолженности. В связи с этим адвокат Т. письменно уведомил ООО «...» об удержании им указанного имущества.

9 июня 2021 г., в день рассмотрения дисциплинарного производства Квалификационной комиссией, адвокат Т. продолжал удерживать имущество ООО «...», а именно ноутбук HP ProBook... и смартфон Xiaomi Redmi GO... суммарной стоимостью...

16 июня 2021 г. адвокат Т. возвратил это имущество ООО «...», в подтверждение чего они подписали Акт возврата материальных ценностей.

Хотя ООО «...» не представлено доказательств того, что указанное имущество было истребовано из владения адвоката Т. до момента обращения с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы, заявитель ООО «...» настаивает на том, что имущество не было возвращено адвокатом Т. после направления ему 2 февраля 2021 г. уведомления о расторжении соглашения об оказании юридической помощи (Договора на юридическое обслуживание от 5 ноября 2019 г.).

При этом адвокат Т. в своих письменных и устных объяснениях признает наличие до 16 июня 2021 г. у него во владении имущества доверителя ООО «...», прямо указывая на то, что он удерживал его в связи с неисполнением ООО «...» своих обязательств по выплате адвокату Т. вознаграждения, предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи. Данное

обстоятельство подтверждается и заявлением об удержании, направленным адвокатом Т. доверителю ООО «...».

При этом в заявлении об удержании адвокат Т. обращается к положениям ст. 359 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 359 ГК РФ «Кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитором связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. Удержанием вещи могут обеспечиваться также требования хотя и не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которого действуют как предприниматели».

Квалификационная комиссия правильно отметила, что отношения кредитора и должника не могут приравниваться к отношениям адвоката и доверителя, которые носят фидуциарный (доверительный) характер. К тому же согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность не является предпринимательской. Следовательно, нельзя признать и то, что адвокат Т. и его доверитель ООО «...», являющиеся сторонами соглашения об оказании юридической помощи, «действуют как предприниматели».

Согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г. и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2014. Выпуск № 4(125). С. 10–11),

«Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара».

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о нечестном, недобросовестном поведении адвоката Т., удерживавшего материальные ценности, принадлежащие его доверителю ООО «...», не с целью оказания доверителю юридической помощи, а в качестве обеспечения заявленных адвокатом имущественных требований к доверителю, в том числе и после подачи жалобы в Адвокатскую палату города Москвы и возбуждения дисциплинарного производства.

Совет признает, что адвокат Т. не имел оснований для удержания имущества ООО «...», а направление им заявления об удержании имущества является злоупотреблением правом вопреки требованиям профессиональной этики. Следовательно, эти действия адвоката Т. не могут быть признаны честными, разумными, добросовестными в отношении доверителя, а презумпция добросовестности адвоката опровергнута материалами дисциплинарного производства.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы

доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Эти требования адвокатом Т. нарушены указанными выше действиями по удержанию имущества доверителя.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Вместе с тем Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом Т. требования п. 5 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокату запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение соглашения о гонораре. Адвокат Т. принял имущество доверителя 1 сентября 2020 г. не в обеспечение соглашения о гонораре, а для исполнения поручения по заключенному Договору от 5 ноября 2019 г.

Квалификационная комиссия правильно отметила, что практика советов присяжных поверенных России, как правило, не признавала за присяжным поверенным ни право на удержание денег доверителя, данных ему для определенного назначения, «если бы даже у него были какие-либо неоконченные с доверителем расчеты по проведенным делам», ни право на удержание документов должника «впредь до уплаты следуемого ему вознаграждения». В частности, действия по удержанию документов, составляющих собственность доверителя, вопреки его желанию, рассматривались как самоуправные, поскольку они признавались нарушающими то доверие, в силу которого документы «именно и оказались в обладании присяжного поверенного». Несмотря на то, что отказ от реализации возможностей по удержанию создавал крайне невыгодные последствия для присяжного поверенного, возвращение документов и доверенности по требованию доверителя рассматривалось как требование долга присяжного поверенного, тогда как для защиты своих интересов присяжный поверенный мог обратиться в гражданский суд (см.: *Марков А.А.* Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1913. С. 303–304, 307).

Однако при разрешении дисциплинарного производства органы адвокатского самоуправления не вправе расширительно толковать и применять (в том числе и со ссылкой на традиции присяжной адвокатуры) запреты и ограничения, установленные нормами Кодекса профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет исключает дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Т. в нарушении п. 5 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Т. за допущенное им нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, демонстрирующий намеренное пренебрежение адвокатом требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Т. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату Т. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату Т. ...меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед дове-

рителем ООО «...», что выразилось в удержании адвокатом до 16 июня 2021 г. имущества доверителя (ноутбука HP ProBook 450... и смартфона Xiaomi Redmi GO...) с целью обеспечения исполнения доверителем ООО «...» своих обязательств по выплате адвокату Т. вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи, хотя требования ООО «...» к адвокату Т. о возврате имущества были явно и недвусмысленно сформулированы в жалобе ООО «...» в

Адвокатскую палату города Москвы от 22 марта 2021 г.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе ООО «...» от 22 марта 2021 г. ...и без даты ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.6. Адвокату объявлено предупреждение за то, что она, заключив договор с доверителем, самоустранилась от оказания ему юридической помощи, а также за включение ею в договор условия об оплате вознаграждения в зависимости от результата оказания доверителю помощи («гонорара успеха») по уголовному делу.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием заявителя А., адвокатов Ж. и П. посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 8 апреля 2021 г. ...в отношении адвоката Ж. ...и адвоката П.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. адвокат Ж.:

– не исполнила, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось в заключении ею 24 июля 2020 г. с А. договора... на защиту по уголовному делу и полном устранении от оказания юридической помощи доверителю;

– ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики

адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось во включении в договор от 24 июля 2020 г. ...на защиту по уголовному делу с доверителем А. условий об оплате дополнительного вознаграждения в зависимости от результата оказания А. юридической помощи по уголовному делу («гонорара успеха»), а именно, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере (суммы № 1) рублей.

В соответствии с тем же Заключением Квалификационной комиссии адвокат П. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось в оказании доверителю А. юридической

помощи в период с 24 июля по 5 октября 2020 г. в виде устных консультаций по правовым вопросам без заключения в простой письменной форме соглашения об оказании юридической помощи, а лишь на основании устного соглашения.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница А. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Комиссии заявительница согласна частично. Не согласна с тем, что в отношении адвоката П. дисциплинарное производство частично признано подлежащим прекращению. В Щ. районном суде города Москвы ее защиту осуществлял адвокат К. Соглашение она заключала с адвокатом Ж. Целью заключения соглашения, по ее мнению, являлась защита ее самой и ее сына по уголовному делу, по которому они оба привлекались к уголовной ответственности. Поддерживает в полном объеме доводы своих возражений от 7 августа 2021 г.

Адвокат Ж. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласна в части недопустимости включения в соглашение об оказании юридической помощи по уголовным делам положения о «гонораре успеха», в остальной части не согласна, поскольку считает, что не принимала поручения на защиту сына А. Доводы своих письменных возражений от 16 августа 2021 г. ...поддерживает в полном объеме. В соглашении

имеются технические ошибки, которые заявительница А. толкует в свою пользу. Адвокат Ж. подписала соглашение исключительно в качестве лица, которое принимает оплату по этому делу, но не как адвокат, который принимает поручение. Она толковала это соглашение как договор, а не как соглашение об оказании юридической помощи, при этом разницу между договором и соглашением с учетом содержания ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации» пояснить затруднилась. Считает, что «в гражданско-правовых отношениях адвокатам следует давать больше прав на заключение договоров». Понимает, что ее позиция не соответствует законодательству, и она должна понести дисциплинарную ответственность.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии не согласен в той части, что он оказывал юридическую помощь в отсутствие соглашения. У него не было соглашения об оказании юридической помощи А., и он не оказывал ей никакой юридической помощи. С ней у адвоката П. вообще не было отношений «адвокат–доверитель». Он беседовал с А. по телефону, поскольку изучал документы по уголовному делу, касающиеся ее сына, который привлекался к уголовной ответственности вместе с ней по одному уголовному делу и защитником которого адвокат П. являлся на основании заключенного соглашения. Защиту А. в суде он не осуществлял, ее защищал другой адвокат.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной

комиссии в части дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Ж., поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах. В части дисциплинарного обвинения в отношении адвоката П. Совет, признавая фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, не соглашается с ее выводами и, вопреки им, считает необходимым прекратить дисциплинарное производство, поскольку Квалификационной комиссией допущена ошибка в правовой оценке деяния адвоката.

Так, установлено, что А. обратилась в Московскую коллегию адвокатов «...» и 24 июля 2020 г. заключила в качестве «заказчика» с председателем коллегии адвокатом Ж. договор... на защиту по уголовному делу (далее – договор). Согласно п. 1.1 указанного договора предметом поручения являлось осуществление в установленном УПК РФ порядке «защиты А. в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в Щ. районном суде города Москвы в отношении А.».

Согласно п. 1.3 договора «Для выполнения предусмотренного данным договором поручения Исполнитель назначает по согласованию с Заказчиком адвоката для осуществления защиты в течение всего периода предварительного расследования». При этом под «исполнителем» в соответствии с используемой в договоре терминологией понимается МКА «...».

Согласно п. 4.1 договора «Стороны определили оплату по делу в размере (суммы № 2) руб., которая вносится в течение 1 дня с момента заключения настоящего договора». Данная сумма была оплачена А. в полном объеме.

Пунктом 4.2 договора предусмотрено условие об оплате «заказчиком» А. дополнительного вознаграждения (до-

полнительной оплаты) в размере (суммы № 1) рублей в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы.

Действие договора было прекращено по инициативе А. на основании поданного ею в МКА «...» заявления от 5 октября 2020 г. с предложением расторгнуть договор и вернуть оплаченные по договору денежные средства. После прекращения действия договора А. заказным почтовым отправлением... направила в МКА «...» претензию от 2 ноября 2020 г., в которой также содержалось требование о возврате оплаченных ею денежных средств в полном объеме. Согласно сведениям, имеющимся на официальном сайте Почты России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... данная претензия была отправлена А. 8 ноября 2020 г. адвокату Ж. в МКА «...» и вручена адресату 13 ноября 2020 г.

В день заключения указанного договора с А. между МКА «...» и адвокатом П. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 24 июля 2020 г., в соответствии с которым адвокат П. принял на себя обязательство оказать А. «юридические услуги» по защите ее сына, А.С., в Щ. районном суде города Москвы.

Квалификационная комиссия правильно определила предмет дисциплинарного производства, сформулировав на основе жалобы А. от 8 апреля 2021 г. ...следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Ж.:

1) она не осуществляла взятые на себя по договору обязательства по защите А. по уголовному делу;

2) она включила в договор условие о «гонораре успеха».

Рассматривая эти дисциплинарные обвинения, Совет, прежде всего, отмечает, что в соответствии с п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в коллегии адвокатов соглашения об оказании юридической помощи заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов. Данное предписание специального закона, регулирующего вопросы оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи (осуществления адвокатской деятельности), обязывает адвоката, состоящего в коллегии адвокатов, и одновременно наделяет его правом заключать соглашение об оказании юридической помощи с доверителем. Заключая соглашение об оказании юридической помощи, адвокат тем самым принимает на себя обязанность по оказанию юридической помощи и исполнению поручения доверителя, предусмотренного таким соглашением, а также обязанность по соблюдению при заключении соглашения и при исполнении обязанностей перед доверителем предписаний и требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, включая требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, стороной по договору с А. от 24 июля 2020 г. указана МКА «...» в лице председателя коллегии адвоката Ж., подпись которой содержится в договоре.

Учитывая приведенные выше нормативные положения, Совет обращает внимание адвоката Ж. на то, что коллегия адвокатов не может выступать стороной соглашения об оказании юридической помощи, и, следовательно, в рассматриваемых обстоятельствах

именно адвокат Ж., лично подписавшая договор с А., приняла на себя поручение об оказании А. юридической помощи по договору. При этом обязанность по соблюдению требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката при заключении договора с А. также возложена на адвоката Ж. как на профессионального участника правоотношений с доверителем.

Совет также отмечает, что предусмотренные подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством способами предполагают личное участие адвоката в процессе оказания юридической помощи доверителю.

Адвокат Ж. в письменных пояснениях от 16 апреля 2021 г. ...не отрицает, что оказание юридической помощи А. по договору не осуществляла и не намеревалась осуществлять. Адвокат Ж. также указывает, что в соответствии с п. 1.3 договора с А. была достигнута устная договоренность о том, что юридическую помощь А. будет оказывать именно адвокат П., после чего А. «определила», что юридическая помощь требуется не ей, а ее сыну А.С. Давая пояснения в ходе дисциплинарного разбирательства, адвокат Ж. сообщила, что предлагала А. подписать изменения к договору в части определения лица, которому оказывается юридическая помощь, однако А. отказалась это сделать.

Вместе с тем Совет отмечает, что в своей жалобе А. указывает на то, что «на протяжении всего судебного разби-

рательства по уголовному делу председатель коллегии Ж., выступающий по соглашению как «Исполнитель», не осуществляла взятые на себя обязательства по моей защите», а договор от 24 июля 2020 г. предусматривает оказание юридической помощи непосредственно самой А., и в материалах дела отсутствуют доказательства того, что предмет поручения, сформулированный в п. 1.1 указанного договора, был изменен.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что адвокат Ж., в нарушение приведенных выше нормативных положений, самоустранилась от исполнения обязанностей по договору, и приходит к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения в рассматриваемой части и виновном неисполнении адвокатом Ж. обязанностей по договору перед доверителем А.

Оценивая дисциплинарное обвинение во включении в договор положений о дополнительной оплате в размере (суммы № 1) рублей, которая выплачивается в зависимости от результата оказания юридической помощи по уголовному делу, Совет отмечает следующее.

С 1 марта 2020 г. ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дополнена п. 4.1, которым предусмотрено, что «в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, *за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении*» [выделено Советом].

Согласно п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции, действовавшей на момент заключения договора, адвокат вправе включать в соглашение на оказание юридической помощи условия, в соответствии с которыми выплата вознаграждения ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора *имущественного характера* [выделено Советом]. На момент рассмотрения данного дисциплинарного производства п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката действует в следующей редакции: «Адвокат вправе в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, *за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении*» (редакция утверждена X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.) [выделено Советом].

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы в своих заключениях и решениях неоднократно указывали на недопустимость включения в соглашение на осуществление защиты по уголовному делу положений, предусматривающих выплату вознаграждения, в том числе дополнительного, в зависимости от результата оказания юридической помощи («гонорара успеха»):

– «включив в соглашение на оказание юридической помощи условие о получении гонорара в зависимости от результатов рассмотрения уголовного дела, адвокат Л. нарушила законодательные предписания и породила у своего доверителя сомнения не только

в честности адвоката, но и в беспристрастности суда, что является недопустимым» (см.: Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 200);

– «требования адвоката Н. к заявителю В. о выплате дополнительного вознаграждения («гонорара успеха») являются неправомерными и наказуемыми в дисциплинарном порядке» (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 6–7(116–117). С. 22).

Пункт 4.2 договора от 24 июля 2020 г., заключенного адвокатом Ж., содержит условие о том, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере (суммы № 1) рублей. Данное условие является условием «о гонораре успеха», включение которого в соглашение об оказании юридической помощи на осуществление защиты по уголовному делу запрещено положениями п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ж. опровергнутой в отношении обоих дисциплинарных обвинений, а ее вину в совершении указанных дисциплинарных нарушений установленной.

Переходя к оценке доводов жалобы А. от 8 апреля 2021 г. ... об оказании ей адвокатом П. юридической помощи без заключения соглашения, а также о неоказании ей адвокатом П. квалифици-

рованной юридической помощи, Совет отмечает следующее.

Адвокат П. в письменных и устных пояснениях последовательно указывает, что он осуществлял защиту по уголовному делу в Щ. районном суде города Москвы сына заявительницы А., А.С., при этом она также привлекалась к уголовной ответственности по тому же делу. А. считала его не только защитником своего сына, но и своим защитником, «несмотря на продолжительные объяснения, разговоры, переписку в ватсап и по электронной почте, звонки по несколько часов», в связи с чем адвокату П. «в ватсап и электронную почту ежедневно поступало огромное количество документов... что, естественно, приходилось изучать, чтобы объяснить, что имеет отношение к правовой позиции по делу, избранной защитником, а что нет». И «после того, как я [адвокат П. – *Примечание Совета*] принял решение общаться с А. только в рамках защиты ее сына в уголовном процессе, ею была направлена претензия с немедленным расторжением договора [имеется в виду заявление А. от 5 октября 2020 г. – *Примечание Совета*]».

Между тем, правильно установив фактические обстоятельства взаимоотношений адвоката П. и заявителя А., Квалификационная комиссия допустила ошибку в их правовой оценке, придя к неверному выводу о том, что адвокатом П. оказывалась юридическая помощь А. «в форме устных консультаций по юридическим вопросам в связи с рассмотрением Щ. районным судом города Москвы уголовного дела с участием А. и ее сына».

Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии, основанном на предположении. Как следует из материалов дисциплинарного производства, А. и ее сын А.С. привлекались к уголовной ответственности

по одному уголовному делу как соучастники. Адвокат П. являлся защитником подсудимого А.С., а защитником подсудимой А. являлся адвокат К. Адвокат П. действительно анализировал присылаемые А. документы для выяснения вопроса об их относимости к занимаемой им позиции защиты и по итогам этого анализа сообщал А. свое мнение. Совет считает, что такой анализ мог иметь значение прежде всего для защиты адвокатом П. своего доверителя, А.С., при этом нет оснований утверждать, что эта деятельность являлась оказанием юридической помощи А.С. Сам по себе факт разговоров адвоката П. с А., которая являлась обвиняемой по тому же делу и матерью подзащитного адвоката П., не свидетельствует об оказании юридической помощи в виде устных консультаций именно А.

Изучение адвокатом документов, а также сообщение близкому доверителю лицу выводов об их относимости и значимости для отстаивания позиции доверителя не может быть расценено в качестве юридической консультации иного, чем доверитель лица. Тем более в ситуации, когда документы могут иметь значение как для доверителя адвоката П., А.С., так и для его матери, А.

Каких-либо иных доказательств оказания адвокатом П. юридической помощи именно А. в материалах дисциплинарного производства не имеется, а утверждения А. об этом носят неконкретный и непоследовательный характер, в том числе о предмете юридической помощи, якобы оказывавшейся ей адвокатом П.

То обстоятельство, что А., имея своего защитника по делу и в силу своих представлений о характере взаимоотношений с адвокатом П., считала его также и своим защитником, не свидетельствует о том, что последним оказывалась ей юридическая помощь, и не

влияет на оценку его профессионального поведения.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. непровергнутой и вопреки заключению Квалификационной комиссии приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката П. в связи с отсутствием в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката П. в не оказании квалифицированной юридической помощи, а также в том, что он «не обладает должной квалификацией», Совет признает его явно необоснованным как вследствие предыдущего вывода о не оказании адвокатом П. юридической помощи А., так и вследствие отсутствия конкретизации этого дисциплинарного обвинения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ж. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий о явном игнорировании адвокатом Ж. основополагающих правил профессионального поведения, регулирующих вопросы надлежащего оформления договорных отношений с доверителем и о вознаграждении адвоката. Эти действия адвоката Ж. привели к введению доверителя в заблуждение относительно существенных условий соглашения об оказании юридической помощи, и они особенно недопустимы с учетом того, что адвокат Ж. является руководителем адвокатского образования. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Ж. с момента приобретения статуса адвоката к дис-

циплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату Ж. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ж. ...меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., что выразилось в заключении ею 24 июля 2020 г. с А. договора... на защиту по уголовному делу и полном устраниении от оказания юридической помощи доверителю;

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1

ст. 7 и п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., что выразилось во включении в договор от 24 июля 2020 г. ...на защиту по уголовному делу с доверителем А. условий об оплате дополнительного вознаграждения в зависимости от результата оказания А. юридической помощи по уголовному делу («гонорара успеха»), а именно, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере (суммы № 1) рублей;

– прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 8 апреля 2021 г. ...в отношении адвоката П. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.7. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, обратив внимание адвоката на необходимость большей конкретизации и детализации предмета принятого поручения как в соглашении об оказании юридической помощи, так и в отчетных документах о ее оказании, а также на необходимость указания в соглашении с юридическим лицом его уполномоченного представителя по вопросам исполнения соглашения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката К. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервисе-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ...возбужденное по жалобе

генерального директора ООО «...» Б. от 12 апреля 2021 г.

Квалификационная комиссия 7 июля 2021 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской дея-

тельности и адвокатуры в Российской Федерации», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «...», выразившемся в том, что 5 ноября 2021 г. он заключил (оформил) с доверителем Ко. Соглашение об оказании юридической помощи... в интересах ООО «...», а также его «руководителей и сотрудников», не конкретизировав и не разграничив, какая юридическая помощь по находящемуся в производстве Следственного управления УВД по ...АО ГУ МВД России по городу Москве уголовному делу... должна быть оказана ООО «...», а какая – его «руководителям и сотрудникам», а также не указав, в каком процессуальном статусе ООО «...» участвует в данном уголовном деле;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе ООО «...» от 12 апреля 2021 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель, ООО «...», извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета своего представителя не направил. Согласно служебной записке от 17 августа 2021 г. старшего консультанта отдела дисциплинарных производств Адвокатской палаты города Москвы М. представитель ООО «...» по доверенности А. в телефонном разговоре 17 августа 2021 г. сообщил о невозможности своего участия в заседании Совета 18 августа 2021 г. по рассмотрению дисциплинарного производства в отношении адвоката К. и заявил устное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в отсутствие представителя ООО «...».

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката К. в отсутствие неявившегося участника – представителя ООО «...».

В заседании Совета адвокат К. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен. На вопросы пояснил, что причину поданной на него жалобы видит в конфликте между участниками ООО «...», который происходит в настоящее время. Учредитель ООО «...» Ко., который приглашал адвоката К. для оказания юридической помощи, сейчас «находится в противоборстве» с теми, кто фактически контролирует компанию. Поэтому причина жалобы на адвоката К., по его мнению, «это скорее всего это такая отместка». При оказании юридической помощи ООО «...» адвокат К. учредителей никак не разделял, при встрече присутствовали учредители и директор компании, совместно с ними обсудили все вопросы, были поставлены задачи. Каждый раз, когда адвокат К. связывался с директором ООО «...», тот отвечал, что представитель компании сейчас перезвонит или предоставит необходимые документы. На связь каждый раз выходил учредитель Ко., и адвокат К. воспринимал именно его уполномоченным представителем ООО «...», который занимался данной проблемой. По этой причине адвокат К. всегда отчитывался перед учредителем ООО «...» Ко. о проделанной работе по Соглашению об оказании юридической помощи, давал необходимые пояснения, выполнял полученные от Ко. указания; последний был в кур-

се всех движений по уголовному делу. Директор ООО «...» с адвокатом К. не общался, с декабря 2019 г. адвокат К. ни разу не слышал его, а также не знал, что ООО «...» подало иск в суд о взыскании вознаграждения адвоката, расторгло Соглашение об оказании юридической помощи. У адвоката К. есть переписка в WhatsApp с директором ООО «...» на дату возобновления расследования по уголовному делу, при этом директор даже не сообщил, что расторг Соглашение об оказании юридической помощи. Всё это говорит о том, что директор ООО «...» понимает, что выдвинутые в жалобе обвинения в бездействии в адрес адвоката К. совершенно необоснованные. Адвокат К. считает своей ошибкой, что в Соглашении об оказании юридической помощи не указал конкретное лицо – уполномоченного представителя ООО «...» по вопросам исполнения условий Соглашения; обещает учесть это на будущее и не повторять подобной ошибки.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав адвоката К., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако не соглашается с ее выводом в части признания ненадлежащим, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнения адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «...».

Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Ко. является участником ООО «...» ...что подтверждается имеющейся в материалах дисциплинарного производства выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц от 23 марта 2021 г. Сведения об участнике Ко. внесены в ЕГРЮЛ записью...

от 25 декабря 2015 г. (размер доли 12,5 процентов). Другими участниками указанного общества являются Д. (размер доли 75 процентов, дата внесения сведений в ЕГРЮЛ 18 мая 2009 г.) и В. (размер доли 12,5 процентов, дата внесения сведений в ЕГРЮЛ 25 декабря 2015 г.). Генеральным директором ООО «...» является Б., сведения о котором внесены в ЕГРЮЛ записью... от 30 ноября 2020 г.

5 ноября 2019 г. между доверителем Ко. и адвокатом Московской коллегии адвокатов «...» К. заключено Соглашение об оказании юридической помощи... в соответствии с п. 1.1 которого «... доверитель поручает, а адвокат обязуется оказать юридическую помощь в объеме и на условиях, установленных Соглашением, ООО “...” по делу: Защита прав и представление законных интересов ООО “...”, ее руководителей и сотрудников в рамках уголовного дела... находящегося в производстве Следственного управления Управления внутренних дел по ...АО Главного управления МВД России по городу Москве на стадии предварительного расследования».

Согласно п. 1.2 Соглашения от 5 ноября 2019 г. в его предмет включены «следующие виды оказания юридической помощи:

1.2.1. беседа и первичная консультация Доверителя;

1.2.2. истребование, изучение и анализ документов, материалов по делу, подбор, изучение и анализ нормативно-правовых актов, судебной практики, методических рекомендаций, специальной литературы и на их основе выработка правовой позиции в целях защиты прав и законных интересов подзащитного;

1.2.3. консультации, разъяснение действующего законодательства РФ;

1.2.4. составление жалоб, ходатайств и иных процессуальных документов,

надобность в которых возникнет в ходе производства предварительного и (или) судебного следствия по делу;

1.2.5. участие в следственных и процессуальных действиях, проводимых с подзащитным;

1.2.6. ознакомление с протоколами отдельных следственных действий в порядке, предусмотренном УПК РФ;

1.2.7. участие в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении дела по существу;

1.2.8. написание апелляционной жалобы на судебный акт, принятый по результатам рассмотрения дела».

Согласно п. 4.1 Соглашения от 5 ноября 2019 г. «Соглашение вступает в действие: с момента его оплаты Доверителем или Заинтересованным лицом. Если соглашение заключено Доверителем в интересах назначенного им физического или юридического лица, Адвокат, действуя в чужом интересе, обязан при первой возможности сообщить о Соглашении и своих действиях заинтересованному лицу и в случае неодобрения, Соглашение считается расторгнутым Доверителем. Одобрением считается и оплата гонорара заинтересованным лицом, в чьих интересах оно заключено и назначенного Доверителем».

7 ноября 2019 г. ООО «...» перечислило на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «...» (сумму № 1) рублей с назначением платежа: «Оплата по счету... от 05 ноября 2019 г. за оказание юридической помощи по соглашению... от 05 ноября 2019 г.».

11 ноября 2019 г. Московская коллегия адвокатов «...», удержав из перечисляемой суммы налог на доходы физического лица, перечислила на банковский счет адвоката К. вознаграждение в (сумме № 2) рублей с назначением платежа: «Гонорар за ноябрь 2019 г. адвоката К. <...>».

Доверителем Ко. и адвокатом К. подписаны следующие отчеты об оказан-

ной юридической помощи по Соглашению от 5 ноября 2019 г.:

– отчет № 1 «об оказанных услугах» от 30 декабря 2019 г.;

– отчет № 2 «об оказанных услугах» от 21 июля 2020 г.;

– отчет № 3 «об оказанных услугах» от 20 октября 2020 г.

Адвокату К. выдан ордер от 17 декабря 2019 г. ...на представление интересов свидетеля Д.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 16 марта 2021 г. по делу № ... отказано в удовлетворении исковых требований ООО «...» к МКА «...» о взыскании вознаграждения в (сумме № 1) рублей, уплаченного за оказание юридической помощи адвокатом К. В обоснование вынесенного решения Арбитражный суд города Москвы в числе прочего указал: «... Ответчик – МКА “...” не является надлежащим Ответчиком по настоящему спору. Надлежащим Ответчиком по настоящему спору может являться только адвокат, с которым было заключено соглашение, кто является получателем спорной суммы и кто непосредственно исполнял спорное соглашение, а именно адвокат МКА “...” К., имеющий регистрационный номер... в реестре адвокатов города Москвы, а также удостоверение адвоката № ... выданное ГУ Минюста РФ по городу Москве...».

Из жалобы заявителя ООО «...» следует, что адвокат К. обвиняется в том, что он не оформил своих отношений с доверителем (ООО «...») в виде соглашения в простой письменной форме, в бездействии, выразившемся в неказании заявителю какой-либо юридической помощи, а также в игнорировании требований о возврате «предоплаты в размере (суммы № 1) руб. за неоказанные услуги».

Рассматривая данные дисциплинарные обвинения, Квалификационная ко-

миссия исходила из того, что 5 ноября 2019 г. между адвокатом К. и доверителем Ко. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьих лиц. В качестве лица, в пользу которого было заключено Соглашение от 5 ноября 2019 г. указано ООО «...», однако определенный в нем предмет поручения предусматривает оказание адвокатом К. юридической помощи также «руководителям и сотрудникам» данного общества. Кроме того, из формулировки предмета поручения следует, что юридическая помощь данным третьим лицам должна быть оказана «в рамках уголовного дела... находящегося в производстве Следственного управления Управления внутренних дел по ...О Главного управления МВД России по городу Москве на стадии предварительного расследования».

При этом, исходя из положений п. 4.1 Соглашения от 5 ноября 2019 г., вознаграждение за оказание определенных в данном Соглашении видов юридической помощи могло быть уплачено адвокату как доверителем Ко., так и «заинтересованным лицом», в чьих интересах заключено Соглашение от 5 ноября 2019 г. В соответствии с положениями названного пункта адвокат К. при первой возможности был обязан сообщить о Соглашении от 5 ноября 2019 г. и своих действиях «заинтересованному лицу» и «в случае неодобрения» данное Соглашение считалось расторгнутым. Между тем выплата «заинтересованным лицом» адвокату К. вознаграждения за его юридическую помощь рассматривалась как одобрение Соглашения от 5 ноября 2019 г.

Оценивая данные условия Соглашения от 5 ноября 2019 г., Совет отмечает, что положения ст. 430 ГК РФ прямо предусматривают возможность заключения договора в пользу третьего лица. Согласно п. 1 и 2 ст. 430 ГК РФ «1. Договором в пользу третьего лица призна-

ется договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. 2. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица».

В силу специальной нормы п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи «представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу».

В соответствии с п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат вправе принимать денежные средства в оплату юридической помощи по соглашению за доверителя от третьих лиц (с ведома доверителя). При этом адвокат не обязан проверять взаимоотношения между доверителем и плательщиком – третьим лицом.

С учетом положений п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката и ст. 421 ГК РФ о свободе договора Совет не считает противоречащей закону и такую договорную конструкцию, которая допускает выплату адвокату вознаграждения третьим (назначенным доверителем) лицом, являющимся получателем юридической помощи, в том случае, если прочие условия соглашения об оказании юридической помощи не нарушают нормы профессиональной этики адвоката.

Согласно п. 1, 2 и 5 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденного Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 г. (Протокол № 8, Приложение № 6), «1. ...Лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается юридическая помощь (третье лицо/назначенное лицо/обвиняемый (подозреваемый)), в силу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката оба являются доверителями адвоката, однако имеют различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи...

2. Соглашение об оказании юридической помощи в интересах третьего лица могут заключить физическое лицо, юридическое лицо (например, в интересах своего работника), общественное объединение (например, в интересах лиц, для защиты которых оно создано) и другие субъекты гражданских правоотношений. В целях соблюдения прав обвиняемых (подозреваемых) – получателей юридической помощи (защиты по уголовному делу) при заключении соглашений о ее оказании в пользу третьего лица адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату в интересах таких лиц, заключающих и подписывающих соглашение об оказании юридической помощи. Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда соглашение с адвокатом на защиту подозреваемого или обвиняемого заключает его близкий родственник (супруг, супруга, родите-

ли, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки). Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном интересе, который эти лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьего лица, и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающем соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката. Перед принятием поручения адвокату также следует подробно выяснять сведения об обвиняемом (подозреваемом) и о процессуальной ситуации, в которой он находится, в том числе: фамилию, имя, отчество, контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты), место задержания и нахождения, мера пресечения (если она избрана), существо обвинения (подозрения) и др. Отсутствие у обратившегося к адвокату лица необходимой и достаточной информации об обвиняемом (подозреваемом) является одним из признаков, требующих от адвоката особо тщательного подхода к решению вопроса о возможности принятия поручения и необходимости получения согласия получателя юридической помощи до начала ее оказания...

5. По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уго-

ловному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России “ФСИН-ПИСЬМО” <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции “секретный чат” (“звонок без определения номера”)

или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя» (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 2(145). С. 127–129).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что заключивший с адвокатом К. Соглашение от 5 ноября 2019 г. доверитель Ко. являлся участником ООО «...», в связи с чем его законный интерес в организации оказания ООО «...» квалифицированной юридической помощи сомнения не вызывал. При этом приведенные выше условия Соглашения от 5 ноября 2019 г. соответствуют положениям п. 1, 2 и 5 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», и эти условия были соблюдены как доверителями, которым оказывалась юридическая помощь, так и адвокатом К.

Так, после подписания между адвокатом К. и доверителем Ко. Соглашения от 5 ноября 2019 г. ООО «...», являющееся одним из назначенных в данном соглашении лиц – получателей юридической помощи, произвело оплату вознаграждения адвоката К. в (сумме № 1) рублей с назначением платежа: «оплата по счету... от 05 ноября 2019 г. за оказание юридической помощи по соглашению... от 05 ноября 2019 г.».

При таких обстоятельствах Совет признает установленным, что ООО «...» было осведомлено о Соглашении от 5 ноября 2019 г. и одобрило его на момент оплаты, то есть 7 ноября 2019 г.

Доводы жалобы ООО «...» о том, что указанные денежные средства были перечислены на основании достигнутой между ООО «...» и адвокатом К. «устной предварительной договоренности»,

а сведения о номере и дате Соглашения от 5 ноября 2019 г. получены из информации, указанной в счете, направленном адвокатом К., Совет находит несостоятельными.

В платежном поручении... от 7 ноября 2019 г. указано, что оплата производится именно за оказание юридической помощи адвокатом К. по конкретному Соглашению. При этом согласно подп. 1 п. 1 ст. 161 ГК РФ сделки юридических лиц между собой и с гражданами должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения. В связи с этим и исходя из требований должной осмотрительности и разумности ООО «...» в лице его исполнительного органа – генерального директора Д., не должно было производить оплату, если бы счет был выставлен в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, лишь на основании «устной предварительной договоренности».

При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства, опровергающие объяснения адвоката К. о том, что после заключения Соглашения от 5 ноября 2019 г. «была организована встреча с руководителями и учредителями ООО “...”, в том числе генеральным директором данного общества», в офисе общества, расположенном в городе О. М. области, в ходе которой «были обозначены проблемы и опасения руководства общества, уточнены условия и порядок оплаты ежемесячных платежей в рамках соглашения об оказании юридической помощи».

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что требования о получении согласия ООО «...» на оказание данному обществу юридической помощи адвокатом К. были соблюдены, поскольку данное согласие было получено в конклюдентной форме.

Квалификационная комиссия в Заключении указала, что сформулированный в Соглашении от 5 ноября 2019 г. предмет поручения создает правовую неопределенность относительно того, какая именно юридическая помощь должна быть оказана доверителю ООО «...», поскольку само по себе уголовное преследование в отношении юридического законодательством Российской Федерации не предусмотрено, при этом между интересами юридического лица и его сотрудников, привлекаемых к уголовной ответственности, может иметь место конфликт интересов.

Квалификационная комиссия посчитала, что именно эта неопределенность привела к выдвижению против адвоката К. дисциплинарного обвинения в бездействии по Соглашению от 5 ноября 2019 г. Вместе с тем Квалификационная комиссия признала, что в материалах дисциплинарного производства имеются доказательства оказания адвокатом К. юридической помощи по Соглашению от 5 ноября 2019 г.

Квалификационная комиссия также сослалась на п. 9 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, согласно которому «Если в ходе оказания юридической помощи адвокату станут известны сведения, свидетельствующие о наличии у лица, заключившего соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, противоправного интереса, а равно интереса, не соответствующего интересам лица, в пользу которого заключено соглашение, или об отсутствии у лица, заключившего соглашение, права на заключение такого соглашения, то адвокат обязан приостановить оказание юридической помощи и сообщить об этом обвиняемому (подозреваемому). Дальнейшее оказание юридической помощи обвиняемому

(подозреваемому) может иметь место лишь при условии заключения соглашения об оказании юридической помощи с другим лицом, лишенным указанных выше пороков, либо с самим обвиняемым (подозреваемым)» (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 2(145). С. 131).

Кроме того, Комиссия указала, что в силу абз. 5 подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в том числе в случае, если он «оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица».

Далее Квалификационная комиссия признала, что адвокат К., учитывая обстоятельства конкретного уголовного дела, мог исходить из общности интересов ООО «...», его сотрудников и руководителей, особенно в том случае, если ООО «...» не являлось потерпевшим и не добивалось процессуального оформления данного статуса в уголовном судопроизводстве. Однако в таком случае, по мнению Квалификационной комиссии, из предмета Соглашения от 5 ноября 2019 г. невозможно определить, каким образом права и законные интересы ООО «...» были затронуты расследованием уголовного дела... и какие виды юридической помощи должны были быть оказаны данному обществу адвокатом К.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия посчитала, что данная неопределенность предмета Соглашения от 5 ноября 2019 г. привела к тому, что, хотя адвокат К. настаивает на оказании им юридической помощи по Соглашению от 5 ноября 2019 г., ООО «...», произведя оплату его юридической помощи, считает адвоката бездействующим.

Совет не может согласиться с этими выводами и доводами Квалификационной комиссии, поскольку в части конфликта интересов они носят характер предположений. При этом дисциплинарное обвинение в оказании юридической помощи в условиях конфликта интересов в отношении адвоката К. не выдвинуто, и никаких сведений о наличии такого конфликта в материалах дисциплинарного производства не содержится. В остальной части вывод Квалификационной комиссии противоречит установленным ею фактическим обстоятельствам, поскольку факт оказания адвокатом К. Комиссией признан установленным.

Направление адвокатом К. в адрес ООО «...» счета... от 5 ноября 2019 г. на оплату юридической помощи, а также письменные объяснения адвоката К. о том, что юридическая помощь была оказана ООО «...» и была одобрена его генеральным директором Д., указывают на то, что адвокат К. обоснованно рассматривал ООО «...» как своего доверителя.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что подписанные доверителем Ко. и адвокатом К. отчеты об оказанной юридической помощи от 30 декабря 2019 г., 21 июля и 20 октября 2020 г. не позволяют определить, какие именно виды юридической помощи были оказаны адвокатом К. ООО «...», а какие – руководителям и сотрудникам данного общества. При этом п. 3.1.3 и 3.1.4 Соглашения от 5 ноября 2019 г. предусматривают выплату адвокату вознаграждения за осуществление «защиты», а включенные в предмет поручения виды юридической помощи (п. 1.2.1–1.2.8) содержат неоднократные указания на оказание юридической помощи «подзащитному», которым ООО «...» заведомо для адвоката К. являться не могло. В этой связи Совет считает

необходимым обратить внимание адвоката К. на необходимость большей конкретизации и детализации предмета принятого поручения как в соглашении об оказании юридической помощи, так и в отчетных документах о ее оказании, а также на необходимость указания в соглашении с юридическим лицом его уполномоченного представителя по вопросам исполнения соглашения.

Вместе с тем Совет признает, что само по себе это обстоятельство не меняет установленных фактических обстоятельств, указанных выше, и поэтому не влияет на правовую и профессионально-этическую оценку поведения адвоката К.

Совет также учитывает, что досудебная претензия ООО «...» с требованием о возврате уплаченного адвокату К. вознаграждения была направлена в Коллегию адвокатов «...» лишь 19 августа 2020 г., то есть спустя более чем девять месяцев с даты выплаты ООО «...» вознаграждения адвокату К. При этом доказательства каких-либо обращений ООО «...» в адрес адвоката К. по поводу неоказания им юридической помощи до направления указанной досудебной претензии в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. Кроме того, факт предъявления 12 апреля 2021 г. одним из участников ООО «...» (В.) к ответчику ООО «...» исковых требований об обязанности предоставить документы (дело № ...) подтверждает объяснения адвоката о наличии «корпоративного конфликта».

Вопреки мнению Квалификационной комиссии о том, что неопределенность предмета Соглашения от 5 ноября 2019 г. «неразрывно связана с рассматриваемыми дисциплинарными обвинениями», поскольку привела к невозможности конкретизации юридической помощи, оказанной адвокатом К. непосредственно ООО «...», Совет вновь обращает

внимание на то, что дисциплинарное обвинение в неконкретности предмета поручения в отношении адвоката К. заявителем не выдвинуто, а в соответствии с п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката Квалификационная комиссия не вправе выходить за пределы жалобы. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

Что касается доводов жалобы ООО «...» об отсутствии заключенного соглашения об оказании юридической помощи, то они опровергнуты Квалификационной комиссией в ходе дисциплинарного разбирательства, поскольку, как указано выше, ею установлен факт заключения учредителем ООО «...» Ко. с адвокатом К. с соблюдением простой письменной формы Соглашения... от 5 ноября 2019 г. об оказании юридической помощи ООО «...», ее руководителям и сотрудникам.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии от 7 июля 2021 г., допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката К. в этой части, приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет соглашается с Заклучением Квалификационной комиссии о том, что доводы жалобы ООО «...» относительно игнорирования адвокатом К. претензии о возврате полученного от ООО «...» вознаграждения не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам

адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны и находятся за пределами их компетенции. При этом Совет отмечает, что в производстве Б. районного суда города Москвы находится гражданское дело... по иску ООО «...» к адвокату К., рассмотрение которого не завершено.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1.8. Совет объявил адвокату предупреждение за то, что он, не заключив с доверителем в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи, представлял его на основании нотариально удостоверенной доверенности, а также за непредставление доверителю документального подтверждения расходования денежных средств, снятых с его банковского счета.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием заявительницы Б. и адвоката М. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. ...в отношении адвоката М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. адвокатом М. допущены следующие дисциплинарные нарушения:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он, не заключив с доверителем Б. в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи, с 11 по 31 января 2020 г. представлял на основании нотариально удостоверенной доверенности, оформленной на него доверителем Б., ее интересы при заключении и исполнении сделки купли-продажи квартиры, расположенной по адресу: М. область, город Н., ул. ... д. ... кв. ...

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Фе-

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. ...по жалобе генерального директора ООО «...» Б. от 12 апреля 2021 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

дерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он без ее письменного согласия снял с банковского счета Б., на который поступила оплата за проданную ею квартиру, денежные средства в размере (суммы № 1) рублей.

Кроме того, в Заключении от 23 июня 2021 г. Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части оценки Б. действий адвоката М., связанных с получением им 31 января 2020 г. с банковского счета Б. (суммы № 1) рублей, которые она считает обманом, совершенным с целью завладения ее денежными средствами (мошенничеством).

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, с которым не

согласен в той части, что он без согласия Б. снял денежные средства со счета.

На вопросы членов Совета адвокат М. пояснил, что в выданной Б. нотариальной доверенности адвокату М. содержались полномочия: продать принадлежащую ей квартиру в г. Н. за цену и на условиях по своему усмотрению; получить следуемые ей денежные средства, вносить наличные платежи от ее имени, распоряжаться счетами, открытыми на ее имя, производить оплату, в том числе оплату необходимых комиссий. Б. отлично знала, что при подготовке к продаже квартиры адвокат М. вместе с риелтором А. оплатили часть коммунальных платежей; за услуги риелтора необходимо было уплатить (сумму № 2) рублей, также было согласовано оплатить гонорар адвоката М. – (сумму № 3) рублей и еще (сумму № 3) рублей после того, как Б. отказалась ехать в г. Н. и попросила адвоката М. поехать туда и заключить от ее имени сделку, ссылаясь на то, что она ехать не может, так как скрывает данную квартиру от мужа. В общей сложности получилась сумма: (сумма № 2) риелтору, (сумма № 4) адвокату М. и (сумма № 5) оплачены за коммунальные услуги. Таким образом, всего (сумма № 6) рублей были сняты со счета Б. на основании выданной ею нотариальной доверенности.

После того, как 31 января 2020 г. денежные средства были сняты со счета, Б. 20 февраля 2020 г. сама сняла со счета в банке остальные (сумму № 7) рублей, после чего адвокат М. и Б. неоднократно общались, и никаких вопросов о деньгах не было. Отметил, что банк не выдал бы ему денежные средства без указания этого полномочия в доверенности, выданной Б. и удостоверенной нотариусом С., который спрашивал у Б.: действительно ли она доверяет снятие денежных средств со счета, на что Б. дала утвердительный ответ.

Адвокат М. признает, что не заключил соглашение с Б. и не представил ей отчет об использованных средствах с ее счета. Документальные подтверждения расходов на коммунальные услуги, на риелтора, у адвоката М. также отсутствуют, для их получения ему потребуется ехать в Единый расчетный центр (далее – ЕРЦ) города Н. Есть расписка риелтора, которому передана (сумма № 2) рублей. Пояснил, что Квалификационной комиссии он не представил эти доказательства, потому что риелтор находился в отпуске, и необходимо было время, чтобы ехать в ЕРЦ в город Н. В его практике это был единственный случай исполнения такого поручения доверителя, он сожалеет о допущенных нарушениях. Фактически выполнено поручение продать квартиру и получить денежные средства со счета, что он и сделал, сняв только ту сумму, которая причиталась в оплату за риелтора, за оплаченные коммунальные услуги и за услуги адвоката.

Заявительница Б. в заседании Совета также подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С Заключением согласна.

Б. на вопросы членов Совета пояснила, что договоренности были лишь о (сумме № 4) риелтору, (сумме № 3) – адвокату. Считает, что адвокат ее обманул, и она понесла большие расходы, чем рассчитывала с учетом договоренностей с ним. Выбор меры ответственности адвоката М. оставила на усмотрение Совета, при этом предложила лишить адвоката статуса, чтобы он больше не мог обманывать людей.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат М. по просьбе Б. принял на себя обязательство оказать ей юридическую помощь при продаже принадлежащей ей на праве собственности квартиры, расположенной по адресу: М. область, город Н, ул. ... д. ... кв. ... в том числе, подобрать покупателя на квартиру и принять участие в качестве представителя Б. на основании нотариальной доверенности при совершении и исполнении сделки купли-продажи квартиры, включая открытие банковского счета на имя Б., на который должны были поступить денежные средства, оплаченные покупателем квартиры. При этом, признавая факт снятия им с банковского счета Б. (суммы № 1) рублей, адвокат объяснил свои действия достигнутыми им с доверителем Б. договоренностями о том, что после поступления от покупателя квартиры денежных средств на банковский счет Б. он на основании имеющейся у него доверенности снимет со счета причитающееся ему за оказание юридической помощи вознаграждение, денежные средства для оплаты услуг риелтора и денежные средства, которые были оплачены адвокатом М. из его личных средств в счет погашения задолженности Б. за жилищно-коммунальные услуги, а всего (сумму № 6) рублей.

Не заключив с доверителем Б. соглашение об оказании юридической помощи в простой письменной форме, как это предписано ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат М. приступил к оказанию юридической помощи, в том числе, привлек к оказанию помощи по подысканию покупателя квартиры риелтора А., вместе с которым они посетили ЕРЦ города Н.,

где оплатили задолженность по коммунальным платежам, числящуюся за Б.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что адвокат М. не заключил с доверителем соглашение в простой письменной форме и оказывал Б. юридическую помощь на основании нотариальной доверенности и достигнутой устной договоренности, без четкого письменного согласования в соглашении размера вознаграждения адвоката и риелтора, не оформил надлежащим образом финансовые отношения с Б., не представил ей документального подтверждения расходования полученных им на основании доверенности денежных средств со счета Б. в банке на оплату услуг риелтора, собственное вознаграждение и в возмещение ранее оплаченных коммунальных платежей.

Вместе с тем Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат М. без письменного согласия Б. снял с ее банковского счета, на который поступила оплата за проданную ею квартиру, денежные средства в размере (суммы № 6) рублей. Этот вывод сделан Комиссией без учета выданной Б. адвокату М. нотариально удостоверенной доверенности, которой ему предоставлены полномочия распоряжаться денежными средствами на счетах доверителя. При этом (сумма № 5) рублей была снята в счет возмещения расходов на оплату задолженности Б. по коммунальным платежам за квартиру, без погашения которой невозможно было выполнить поручение доверителя о продаже квартиры, а остальные указанные выше выплаты также произведены адвокатом М. в пределах его полномочий, указанных в доверенности. При таких обстоятельствах Совет исключает дисциплинарное обвинение адвоката М. в расходовании денежных средств Б. без ее согласия как необоснованное.

Давая юридическую оценку действиям адвоката М. применительно к установленным обстоятельствам, Совет исходит из следующего.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов (п. 1 ст. 1).

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

В соответствии с п. 2 ст. 25 Закона соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Требования к форме и содержанию со-

глашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, стоимости и порядка расчетов позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения.

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 1–3(99–101). С. 99). Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, в том числе и надлежащее оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы

доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В случае, если в процессе оказания юридической помощи адвокаты принимают поручение доверителя по распоряжению принадлежащими доверителю денежными средствами, для адвокатов является обязательным соблюдение правил, изложенных в п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, в том числе: средства доверителя всегда должны находиться на счете в банке; в сопровождающих каждую операцию со средствами доверителя документах должно содержаться указание на совершение данной операции адвокатом по поручению доверителя; выплаты какому-либо лицу из средств доверителя, осуществляемые от его имени или в его интересах, могут производиться только при наличии соответствующего непосредственного или опосредованного поручения доверителя, выраженного в письменной форме; адвокат в порядке адвокатского делопроизводства обязан вести учет финансовых документов относительно выполнения поручений по проведению операций со средствами доверителя.

Эти обязательные требования адвокатом М. не исполнены.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенные им нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об игнори-

ровании основополагающих требований к профессиональному поведению адвоката. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат М. нарушения признал, совершил их впервые.

При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. ...меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он, не заключив с доверителем Б. в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи, с 11 по 31 января 2020 г. представлял на основании нотариально удостоверенной доверенности, оформленной на него доверителем Б., ее интересы при заключении и исполнении сделки купли-продажи квартиры, расположенной

по адресу: М. область, город Н., ул. ... д. ... кв. ...

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он не представил Б. докумен-

тального подтверждения расходования денежных средств в размере (суммы № 6) рублей, снятых с ее банковского счета, на который поступила оплата за проданную ею квартиру.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 17 февраля 2021 г. ... в отношении адвоката М. по жалобе Б. ... вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.9. Совет прекратил статус адвоката, признав установленным, что он вступил в уголовное дело путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов, лишив тем самым доверителя права на свободный выбор защитника.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием заявителя П. и адвоката М. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 20 мая 2021 г. ... в отношении адвоката М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 г. адвокат М.:

– ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в его вступлении в уголовное дело... находящееся в производстве... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве, путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов – СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве;

– ненадлежаще, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в осуществлении ее защиты 9 июля 2020 г. по уголовному делу... находящемуся в производстве... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве, в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначения);

– ненадлежаще, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в неознакомлении с протоколами допроса П. в качестве свидетеля от 7 мая 2019 г. и от 9 июля 2020 г., очной ставки от 12 ноя-

бря 2019 г. и в необсуждении защитительной позиции с доверителем в ходе конфиденциальной беседы;

– ненадлежаще, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в принятии им в условиях нарушения права П. на свободный выбор защитника участия 9 июля 2020 г. в избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, ее допросе в качестве подозреваемой, предъявлении обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница П. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласна. Дополнительно заявительница П. сообщила (в том числе, отвечая на вопросы членов Совета), что, изучив возражения адвоката М., она утверждает, что описанные им обстоятельства вымышлены и не имеют ничего общего

с действительностью. Никакого устного согласования с адвокатом М. ни по каким вопросам у нее не было. В ходе общения со следователем последняя сообщила, что ей (П.) будет предъявлено обвинение. На вопрос заявительницы о необходимости обеспечить участие защитника следователь ответила, что защитник уже присутствует, имея в виду адвоката М. Однако она (П.) не приглашала этого адвоката, и никто другой его не приглашал. В тот день она не отказалась письменно от адвоката М., поскольку находилась в состоянии сильного стресса, близкого к шоку. С адвокатом М. она общалась всего несколько минут. Адвокат М. предложил написать, что она не согласна с обвинением. На вопросы П. к адвокату М. о его последующей помощи он ответил, что это они обсудят позже, после заключения соглашения. При этом какое соглашение не было заключено и не предлагалось ей М. Всё остальное она подписала в протоколах так, как сказала следователь и подтвердил адвокат М. Следователь представила адвоката М. как ее (П.) адвоката, не дав ей возможность вызывать адвоката по своему выбору. Впервые адвоката М. она увидела в кабинете следователя. Как он попал к следователю, ей неизвестно, но явно неслучайно и точно не по ее (П.) приглашению. Вопреки ложным утверждениям М., она ему не звонила и не просила ее защищать. Следователь в суде сообщила, что она не помнит, как у нее появился адвокат М. Однако оперативный сотрудник того же отдела полиции в ходе общения с ней удивился, что она не «договорилась» и не заключила соглашение с адвокатом М. Негативные последствия участия адвоката М. 9 июля 2020 г. существенны, и она уверена, что с избранным ею адвокатом этого бы не произошло. Считает, что адвокат М. был заодно со следователем.

Длительный период между событием и подачей жалобы обусловлен тем, что имелась надежда на разрешение ситуации процессуальными способами в уголовном деле. Но когда дело было направлено в суд, она с адвокатом решила использовать все возможные способы защиты своих прав. У нее родственники юристы. Поэтому, если бы она знала о том, что ее вызывают для предъявления обвинения, то сразу бы позвонила своим родственникам и с их помощью выбрала бы себе адвоката-защитника. А ее пригласили для допроса в качестве свидетеля и, продержав в коридоре полдня, стали предъявлять обвинение. По всей видимости, ждали адвоката М. Меру дисциплинарной ответственности адвоката М. оставляет на усмотрение Совета.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат М. не согласен в части утверждения о вступлении в уголовное дело путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов, осуществлении защиты в отсутствие установленных законом оснований, незнании с отдельными материалами уголовного дела и необсуждении защитительной позиции, принятии участия в процессуальных и следственных действиях 9 июля 2021 г. в условиях нарушения права на свободный выбор защитника. Более подробная аргументация изложена в возражениях адвоката М. на Заключение Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 г. В части вступления в уголовное дело без соглашения об оказании юридической помощи адвокат М. признает свои действия упречными. Его объяснения этому обстоятельству заключаются в том, что на момент его прихода в отдел полиции

П. уже находилась в кабинете следователя. Они пообщались в коридоре минут 15–20. На тот момент по этическим соображениям он посчитал неправильным обсуждать вопрос о заключении соглашения об оказании юридической помощи и о гонораре. Уведомление о предъявлении обвинения П. не вручалось, и возражений по этому поводу он не заявлял. Копия постановления о привлечении в качестве обвиняемой П. была вручена, вменялось около 40 однотипных эпизодов мошенничества. Он полистал и почитал обвинение, после чего они с П. общались о защитительной позиции. Она считала, что это результаты коммерческой деятельности ее руководителя. В протоколе с его слов написано, что он, М., является ее адвокатом. Жалоба в Адвокатскую палату города Москвы, скорее всего, составлена нынешним адвокатом П. В течение года ему не предъявляли какие-либо претензии. Сама П. позвонила ему по WhatsApp и пригласила принять участие в деле. В ходе телефонного разговора она сообщила, что ее вызывают вместе с адвокатом участвовать в деле. Он не знал П. до звонка. История с WhatsApp-сообщениями у него не сохранилась. Он заявлял устное ходатайство о предоставлении материалов дела. Следователь вручила постановление о возбуждении уголовного дела, обвинение было на руках у П. Свои показания ей сообщила сама П. По поводу соглашения и гонорара они общались уже после производства следственных действий. Потом они созванивались друг с другом, но встреча так и не состоялась.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х. находилось уголовное дело... возбужденное 24 апреля 2019 г. в отношении К. и неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

7 мая 2019 г. П. была допрошена в качестве свидетеля по уголовному делу... В ходе допроса она дала подробные показания об обстоятельствах уголовного дела.

12 ноября 2019 г. между подозреваемым К. и свидетелем П. была произведена очная ставка.

9 июля 2020 г., в период с 16.00 час. по 16.30 час., был произведен дополнительный допрос П. в качестве свидетеля по уголовному делу... В ходе допроса она подтвердила ранее данные показания от 7 мая 2019 г.

В этот же день адвокат М. вступил в уголовное дело в качестве защитника П., представив следователю Х. ордер от 9 июля 2020 г. ...выданный ему Московской городской коллегией адвокатов «...» на осуществление защиты П. В графе «Основание выдачи ордера» указано «Соглашение».

Согласно имеющейся в материалах дисциплинарного производства служебной записке руководителя IT-отдела Адвокатской палаты города Москвы... от 13 июля 2021 г. от следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х. в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы не поступало уведомления об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 9 июля 2020 г. для осуществления защиты П. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. Адвокат М. зарегистрирован в АИС АПМ 17 сентября 2019 г. и в этот же день начал принимать заявки (активировался).

Постановлением следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х. от 9 июля 2020 г. П. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Указанное постановление подписано адвокатом М. После этого у П. отобрано соответствующее обязательство.

Затем в период с 16.40 час. по 16.50 час. при участии адвоката М. П. была допрошена в качестве подозреваемой по уголовному делу... Указанный протокол допроса подписан П. и адвокатом М. без замечаний.

В протоколе допроса П. в качестве подозреваемой от 9 июля 2020 г. указано следующее: *«После частной беседы с моим защитником и обсуждении с ним позиции моей защиты могу показать следующее. Право мое на защиту не нарушено, поскольку при допросе присутствует именно тот защитник, которому я доверяю и отводов к которому не имею, в помощи других адвокатов (защитников) не нуждаюсь. На момент допроса чувствую себя хорошо, в помощи медиков не нуждаюсь. Ранее данные мною показания в качестве свидетеля и на очных ставках подтверждаю полностью на них настаиваю, более подробные показания буду давать в суде. Более к сказанному мне добавить нечего».*

В этот же день, в 17.00 час., при участии адвоката М. П. было предъявлено обвинение в совершении 39 преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, а затем, в период с 17.20 час. по 17.50 час., П. была допрошена в качестве обвиняемой по уголовному делу... Указанный протокол допроса подписан П. и адвокатом М. без замечаний.

В протоколе допроса П. в качестве обвиняемой от 9 июля 2020 г. указано следующее: *«Сущность предъявленного мне обвинения мне разъяснена и понятна. Копия постановления о при-*

влечении меня в качестве обвиняемой на русском языке мне вручена... Ранее данные мною показания в присутствии защитника в качестве свидетеля, подозреваемой и на очных ставках подтверждаю полностью и на них настаиваю, более к ним добавить нечего. Виновной себя в совершении 39 (тридцати девяти) преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, не признаю, более подробные показания желаю давать в суде. В настоящее время более к сказанному мне добавить нечего».

В жалобе П. указано, что 9 июля 2020 г., после ее допроса в качестве обвиняемой, она и адвокат М. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу... Адвокат М. указанные обстоятельства не отрицает.

После 9 июля 2020 г. адвокат М. не принимал участия в производстве следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу... в качестве защитника П.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. убеждал ее признать вину, никак не отреагировал на то, что следователь Х. не вручила П. копию постановления о привлечении ее в качестве обвиняемой, сообщил П., что может «всё это утрясти» за... рублей и изменить ее статус обвиняемой на статус свидетеля, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что они не нашли достаточного подтверждения в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

Из материалов дисциплинарного производства невозможно прийти к бесспорному выводу о том, что описанные выше обстоятельства имели место. На представленных заявителем аудиозаписях не содержится информации, подтверждающей доводы П. об оказании на нее давления с целью признания ее вины и невручения ей копии постановления о

привлечении ее в качестве обвиняемой. Напротив, в жалобе указано, что 9 июля 2020 г. следователь Х. вручила ей «несколько страниц текста в сжатом виде», пояснив, что это постановление о привлечении ее в качестве обвиняемой. Кроме того, по договоренности со следователем Х. 10 июля 2020 г. П. должна была прибыть к ней для ознакомления с материалами уголовного дела. Как усматривается из материалов дисциплинарного производства, 9 июля 2020 г. П. в ходе ее допроса в качестве свидетеля, подозреваемой и обвиняемой подтвердила свои показания в качестве свидетеля от 7 мая 2019 г. и 12 ноября 2019 г., ранее данные ею в отсутствие адвоката М., а при допросе ее в качестве обвиняемой указала, что получила копию постановления о привлечении ее в качестве обвиняемой от 9 июля 2020 г., о чем в протоколе ее допроса в качестве обвиняемой содержится машинописная запись.

Разъяснение же адвокатом М. заявителю П. возможности признавать или не признавать вину в предъявленном обвинении и необходимости подписывать процессуальные документы само по себе не может быть истолковано как оказание на нее адвокатом психологического воздействия и введение ее в заблуждение в целях понуждения к самооговору, не свидетельствует о сговоре адвоката М. со следователем Х.

Сам адвокат М. указанные доводы жалобы П. не подтверждает.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в этой части.

Дополнительно Совет считает необходимым отметить, что согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным

Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (Протокол № 3), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://www.fparf.ru>, компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

С учетом изложенного Совет разъясняет заявительнице П., что в случае, если она считает, что адвокатом М. совместно со следователем Х. совершены деяния, содержащие признаки каких-либо преступлений, она может обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. вступил в уголовное дело... находящееся в производстве

следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х., в качестве ее защитника в отсутствие предусмотренных законом оснований, поскольку соглашение с ним на защиту П. не заключалось, при этом адвокат М. представил в материалы уголовного дела ордер, в котором в графе «Основание выдачи ордера» указано «Соглашение», 9 июля 2020 г. принял участие в избрании в отношении П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, в производстве ее допроса в качестве подозреваемой, предъявлении ей обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу, Совет отмечает, что в силу положений ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

Пунктом 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8) и доведенного до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<https://fparf.ru>), на сайтах многих адвокатских палат субъектов РФ, включая сайт Адвокатской палаты города Москвы (<http://www.advokatymoscow.ru>), предусмотрено, что «Основаниями для выдачи ордера адвокату являются: соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования».

В соответствии с абз. 2 п. 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер.

В ходе дисциплинарного производства достоверно установлено, что следователь по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х. не размещала в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы уведомление об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 9 июля 2020 г. для осуществления защиты П. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также то, что соглашение на осуществление защиты П. адвокатом М. не заключалось ни с ней самой, ни с каким-либо иным лицом в ее интересах. Указанное обстоятельство подтверждает и сам адвокат М.

Доводы адвоката М. о том, что 9 июля 2020 г. к нему за оказанием юридической помощи в виде осуществления защиты по уголовному делу якобы обратилась ранее незнакомая П., которая согласилась оплатить его выезд для участия в процессуальных действиях, Совет отклоняет как несостоятельные, поскольку они ничем не подтверждены. Каких-либо доказательств факта обращения П. к адвокату М. за оказанием юридической помощи и их коммуникации по этому вопросу, в том числе по телефону, адвокатом М. не представлено. При этом Совет обращает внимание, что в случае реального существования факта коммуникации с использованием телефонной связи, в том числе мессенджера WhatsApp, у адвоката М. не имелось бы никаких препятствий для демонстрации членам Квалификационной комиссии соответствующих сведений, отображенных в памяти телефонного устройства.

Следователь по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х. в порядке, предусмотренном ст. 172 УПК РФ, не уведомила П. о дне предъявления ей обвинения и не разъяснила ей право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. В связи с этим Совет разделяет позицию Квалификационной комиссии о том, что П. не знала о предстоящих процессуальных действиях и, соответственно, до их начала не имела представления о потребности в адвокате-защитнике и о наличии у нее права пригласить защитника самостоятельно. Указанное обстоятельство опровергает версию адвоката М. и подтверждает объяснения П. о том, что она не связывалась каким-либо образом с адвокатом М. и не общалась с ним до начала процессу-

альных действий, связанных с оформлением ее статуса подозреваемой и обвиняемой.

Кроме того, Совет отмечает, что включение следователем Х. в протокол допроса подозреваемой Ку. фразы о том, что право П. на ее защиту не нарушено, поскольку при допросе присутствует именно тот защитник, которому она доверяет и не заявляет ему отвода, а в помощи других защитников не нуждается, с учетом установленных фактических обстоятельств также не позволяет прийти к выводу о том, что заявительница П. сама обращалась за оказанием юридической помощи к адвокату М., который вступил в уголовное дело... в качестве ее защитника в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи.

В материалах дисциплинарного производства имеется ордер от 9 июля 2020 г. ...выданный адвокату М. на защиту П. Московской городской коллегией адвокатов «...». В графе «Основание выдачи ордера» указано «Соглашение». Однако, учитывая приведенные выше правовые положения и установленные обстоятельства, Совет признает оформление адвокатом М. ордера на защиту П. в отсутствие соглашения на ее защиту не соответствующим Порядку изготовления, хранения и выдачи ордера адвокатам.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат М. 9 июля 2020 г. вступил в уголовное дело... находящееся в производстве следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х., и осуществлял защиту П. в отсутствие установленных законом оснований: при отсутствии соглашения об оказании юридической помощи П. либо назначения следователем, произведенного в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, чем допустил ненадлежащее исполнение

своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Кроме того, согласно подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «Адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами».

Как указано и обосновано выше, сообщенную адвокатом М. версию о том, что к нему за оказанием юридической помощи обратилась ранее незнакомая П., Совет признает явно надуманной и отклоняет ее. Никаких иных пояснений относительно причины и обстоятельств вступления в уголовное дело в качестве защитника П. адвокат М. на протяжении всего дисциплинарного производства не дал. В свою очередь П. последовательно и логично дает объяснения о фактических обстоятельствах, при которых у нее вообще не имелось причин для поиска адвоката до начала производства с ней процессуальных действий, направленных на оформление ее процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого. При этом описанные П. обстоятельства подтверждаются совокупностью косвенных доказательств, свидетельствующих о достоверности сообщаемых ею сведений. Наконец, отсутствие в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы уведомления об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 9 июля 2020 г. для осуществления защиты П. свидетельствует о том, что следователь официально в установленном порядке не обращалась за назначением защитника и, соответственно, адвокат М. не имел возможности получить информацию о необходимости его явки для защиты П. и таким способом. Совокупность изложенных

обстоятельств исключает какую-либо иную возможность появления адвоката М. 9 июля 2020 г. в кабинете следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х. в качестве защитника П., кроме как путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов, что свидетельствует о нарушении им подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Приходя к такому выводу, Совет отмечает, что для признания нарушения подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката достаточным является основанный на доказательствах, полученных в ходе дисциплинарного производства, логический вывод об исключении всех иных версий какого-либо события или действия, за исключением одной, которая и является верной. В рассматриваемом случае адвокат М. высказал одну версию, обосновывающую его появление 9 июля 2021 г. в кабинете следователя по ОВД... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве Х., которая ничем не подтверждена и противоречит установленным фактическим обстоятельствам. В официальном порядке адвокат М. также не приглашался и не назначался в качестве защитника П. Следовательно, его появление в этом качестве имело место в результате использования личных связей с сотрудниками правоохранительных органов, поскольку иных реальных способов просто не существует. При этом на оценку профессионального поведения адвоката М. в данной части не влияет то обстоятельство, использовал ли он свои связи со следователем Х. или с каким-либо иным сотрудником правоохранительного органа, представившим его последней.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки положениям подп. 4 п. 1 ст. 7 Фе-

дерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в привлечении П. в качестве доверителя путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. в ходе конфиденциальной беседы с П., которая продолжалась примерно 2–3 минуты, не стал вникать в детали уголовного дела, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, на заявление ходатайств, на принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Согласно п. 3 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном

судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2(57). С. 140–142) адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении.

В рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует: а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом; в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению; г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления (п. 4 Стандарта).

Адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного,

и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться (подп. «а» п. 5 Стандарта).

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 настоящего кодекса.

С указанного момента подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса в таком качестве (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

На основании п. 1 и 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с момента вступления в уголовное дело защитник вправе иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 9 ч. 4 ст. 47 настоящего кодекса и знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Как установлено материалами дисциплинарного производства и указано выше, 9 июля 2020 г. П. была вызвана следователем Х. на допрос в качестве свидетеля, который закончился 9 июля 2020 г. в 16.30 час., затем следователь Х. вынесла постановление об избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и отобрала у нее соответствующую подписку.

Допрос заявительницы П. в качестве подозреваемой проходил 9 июля 2020 г., в период времени с 16.40 час. до 16.50 час., то есть спустя 10 минут после окончания ее допроса в качестве свидетеля.

Таким образом, времени между отобранием у П. подписки о невыезде и надлежащем поведении и ее допросом

в качестве подозреваемого было явно недостаточно адвокату М. не только для ознакомления с протоколами следственных действий, произведенных с участием П. [протоколы допросов П. в качестве свидетеля и очной ставки с ее участием содержатся на 31 листе. – *Примечание Совета*], и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ей предъявляться, но и для проведения конфиденциальной беседы, обсуждения защитительной позиции по делу. В своих письменных объяснениях адвокат М. обстоятельства незнакомления с материалами уголовного дела не отрицает, как не отрицает и объем обвинения, предъявленного П. – около 40 эпизодов.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в незнакомлении с протоколами допроса П. в качестве свидетеля от 7 мая 2019 г. и 9 июля 2020 г., очной ставки от 12 ноября 2019 г. и в необсуждении защитительной позиции с доверителем в ходе конфиденциальной беседы.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. никак не отреагировал на нарушение порядка извещения о дне предъявления ей обвинения и разъяснения П. права воспользоваться помощью избранного ею защитника, Совет отмечает, что согласно ч. 1 ст. 172 УПК РФ обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее трех суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле.

Следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в поряд-

ке, установленном ст. 50 УПК РФ (ч. 2 ст. 172 УПК РФ).

«Обвиняемый, находящийся на свободе, извещается о дне предъявления обвинения в порядке, установленном ст. 188 настоящего Кодекса» (ч. 4 ст. 172 УПК РФ).

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что до 9 июля 2020 г. П. не пользовалась помощью защитника, поскольку являлась свидетелем по уголовному делу, возбужденному в отношении иного лица. При этом 9 июля 2020 г. она также была вызвана следователем на допрос в качестве свидетеля. О том, что в этот день ей будет предъявлено обвинение, П. не извещалась, права, предусмотренные ст. 50 и 172 УПК РФ, в том числе право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном ст. 50 УПК РФ, ей не разъяснялись.

Учитывая приведенные выше правовые положения, Совет признает установленным, что положения ч. 1 ст. 50 УПК РФ, а именно право обвиняемого пригласить защитника лично, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого заявителю П. следователем Х. до производства процессуальных действий 9 июля 2020 г. не разъяснялись, сведения о направлении повестки, содержащей указанные положения, в ее адрес в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. Впервые право П. пользоваться помощью защитника было доведено следователем Х. до ее сведения только 9 июля 2020 г. при избрании ей меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащим поведении одновременно с представлением ей адвоката М.

В своей жалобе П. указывает, что 9 июля 2020 г., после того, как она узнала о том, что ей будет предъявлено

обвинение и увидела адвоката М., она просила следователя Х. предоставить ей время и возможность пригласить избранного ей защитника, однако ей было в этом отказано. Факт обращения за оказанием юридической помощи к адвокату М. заявительница П. последовательно и категорически отрицает.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что П. 9 июля 2020 г. не имела возможности самостоятельно в полной мере реализовать свое право на свободный выбор защитника в данной процессуальной ситуации. При этом адвокат М. никаких мер по восстановлению нарушенного права П. не принял.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу, что действия (бездействие) адвоката М. как профессионального участника уголовного судопроизводства нарушили право П. в установленный законом срок пригласить избранного ею защитника.

Объяснения адвоката М. о том, что он намеревался заявить об этом нарушении позднее, при ознакомлении с материалами дела, Советом отклоняются как явно несостоятельные и не имеющие ничего общего с оказанием квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, адвокат М. ненадлежаще исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в принятии им в условиях нарушения права П. на свободный выбор защитника участия 9 июля 2020 г. в избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, ее допросе в качестве подозреваемой, предъявлении обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный и злостный характер, а также явное и грубое игнорирование адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нем в качестве защитника. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в отсутствие законных оснований (назначения в установленном порядке или заключения соглашения об оказании юридической помощи) в совокупности с явно недопустимым и недостойным званием адвоката способом привлечения доверителя путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов свидетельствуют о преследовании адвокатом М. в профессиональной деятельности интересов, несовместимых со статусом адвоката. Помимо этого, оказание адвокатом М. П. при проведении с ней важнейших процессуальных действий юридической помощи, явно не соответствующей требованиям Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, содержащего «минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу», свидетельствует о неспособности адвоката оказывать квалифицированную юридическую помощь, что также несовместимо со статусом адвоката.

Последствием описанных выше действий и бездействия адвоката М. явилась невозможность реализации П. своего конституционного права на защиту, в том числе на свободный выбор защитника, и как следствие этого – невозможность формирования защитительной позиции и ее реализации.

Описанное выше профессиональное поведение адвоката М. убедительно показывает, что он не обладает необходи-

мыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката М. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату М. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление М. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной эти-

ки адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая отсутствие предыдущих дисциплинарных взысканий, считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату М. ...меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

(1) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в его вступлении в уголовное дело... находящееся в производстве... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве, путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов – СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве;

(2) ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в осуществлении ее защиты 9 июля 2020 г. по уголовному делу... находящемуся в производстве... отдела СЧ СУ УВД по... ГУ МВД России по городу Москве, в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначения);

(3) ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в незнакомлении адвоката М. с протоколами допроса П. в качестве свидетеля от 7 мая 2019 г. и 9 июля 2020 г., очной ставки от 12 ноября 2019 г. и в необсуждении защитительной позиции с доверителем в ходе конфиденциальной беседы;

(4) ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отно-

1.10. Адвокату объявлено предупреждение за невыдачу финансового документа по проведению операций со средствами доверителя, а также за намеренное неисполнение им обязанностей по контролю за расследованием уголовного дела и обжалованию постановлений следователя о прекращении уголовного дела.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявителей П., По. и адвоката Т. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. ...возбужденное по жалобе П. и По. от 26 мая 2021 г.

Квалификационная комиссия 21 июля 2021 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской дея-

тельности доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в принятии им в условиях нарушения права П. на свободный выбор защитника участия 9 июля 2020 г. в избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, ее допросе в качестве подозреваемой, предъявлении обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу.

Установить срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе П. от 20 мая 2021 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

тельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., выразившемся в том, что, получив от доверителя По. 10 и 18 января 2020 г. в счет причитающегося ему вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи от 10 января 2020 г. ...денежные средства в общей (сумме № 3) рублей, адвокат Т. не выдал доверителям П. и По. финансовый документ по проведению операций с их средствами (квитанция о приеме

денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., что выразилось в отсутствии с его стороны контроля за расследованием уголовного дела... находящегося в производстве следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве, и намеренном неисполнении своих профессиональных обязанностей по обжалованию постановлений следователя от 20 июня и 9 октября 2020 г. о прекращении уголовного дела;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе П. и По., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета заявители П. и По. подтвердили получение Заключение Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласились, вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката Т. оставили на усмотрение Совета.

В заседании Совета адвокат Т. подтвердил получение Заключение Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился частично (с выводом о невыдаче финансового документа категорически не согласен) и поддержал доводы своих письменных возражений.

Адвокат Т. в письменных возражениях без даты... названных им «Заявление

по заключению Квалификационной комиссии по дисциплинарному производству в отношении адвоката Т.», указал [текст возражений приводится с сохранением лексики и пунктуации автора. – *Примечание Совета*]: «Не согласен с выводом Квалификационной комиссии о том, что “адвокат Т. не выдал доверителям финансовый документ по проведению операция с их средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством” по следующим основаниям:

1. Комиссия полностью проигнорировала тот факт, что адвокат Т. выдал доверителям расписку, собственноручно составленную им в присутствии доверителей с подписью адвоката и печатью адвокатского кабинета. Составление собственной рукой текста расписки в присутствии доверителей считаю действием, выражающим высочайшую степень доверия между сторонами, заключающими сделку. Согласно словарю Ожегова С.И. (изд-во “Русский Язык” 1989 г.), стр. 573, расписка – документ с подписью, удостоверяющий получение чего-нибудь.

Разъяснениями Совета ФПА РФ от 19.01.2007 г. по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов была рекомендована форма квитанции. Согласно словарю Ожегова С.И. (стр. 234) слово квитанция означает “официальная расписка в принятии денег и иных ценностей”. Обратимся к содержанию квитанции, рекомендованной ФПА и содержанию той расписки, которую адвокат Т. собственноручно составил в присутствии доверителей. В квитанции, рекомендованной ФПА, имеются следующие реквизиты:

– наименование адвокатского образования

- дата составления
- основание получения денег – за что получено, номер соглашения

- сумма, единица измерения
- ФИО доверителя
- ФИО адвоката

В расписке собственноручно составленной Т. указано:

- дата и место составления
- ФИО доверителя
- ФИО адвоката
- номер договора по которому получено

В чем разница? Только в словах, которыми эти документы названы: квитанция и расписка. Но как мы видим, Ожегов С.И. определение понятия “квитанция” дает через родовое слово “расписка”. Таким образом фактически квитанция является той же самой распиской.

Каковы требования закона к форме первичного бухгалтерского документа? Соответствует ли расписка, составленная адвокатом Т. требованиям действующего законодательства? В расписке зафиксирован такой факт хозяйственной деятельности адвокатского кабинета Т. как получение оплаты от доверителя по договору. В ст. 9 закона “О бухгалтерском учете в РФ” установлены следующие требования к содержанию первичного бухгалтерского документа.

“Обязательными реквизитами первичного учетного документа являются:

- 1) наименование документа;
- 2) дата составления документа;
- 3) наименование экономического субъекта, составившего документ;
- 4) содержание факта хозяйственной жизни;

- 5) величина натурального и (или) денежного измерения факта хозяйственной жизни с указанием единиц измерения;

- 6) наименование должностного лица (лиц), совершившего (совершивших)

сделку, операцию и ответственного (ответственных) за ее оформление, либо наименование должности лица (лиц), ответственного (ответственных) за оформление совершившегося события;

7) подписи лиц, предусмотренных пунктом 6 настоящей части, с указанием их фамилий и инициалов либо иных реквизитов, необходимых для идентификации этих лиц”.

В расписке составленной адвокатом Т. все указанные в законе реквизиты наличествуют в полном объеме. Содержание расписки соответствует требованиям закона.

Слово “финансы” согласно словарю Ожегова С.И. (стр. 741) означает 1. денежные средства как элемент народохозяйственного оборота 2. Деньги, денежные дела.

Таким образом, расписка выданная адвокатом Т. своим доверителям о получении от них денежных средств и есть финансовый документ по проведению операций с их средствами.

Кроме того, доверители, за весь период моего с ними общения ни разу не просили меня выдать им приходно-кассовый ордер (квитанцию и т.п.). Им было достаточно моей расписки, которую я составил собственной рукой, и они лично наблюдали как я писал текст расписки, расписывался и ставил печать. Полагаю, что составление своей рукой в присутствии доверителя расписки, есть действие более душевно-доверительное, нежели выдача доверителю сухого-бюрократического документа, на котором бездушным свинцово-типографским шрифтом указано то же самое, что написано рукой адвоката.

2. Дисциплинарная практика, указанная в Заключении комиссии (обзор дисциплинарной практики Адвокатской Палаты г. Москвы // Вестник АП 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (стр. 17) и обзор дисциплинарной практики Адвокатской

Палаты г. Москвы // Вестник АП 2021. Выпуск № 1, 2, 3 (стр. 99) освещает позицию СП в отношении адвокатов – членов коллегий (юридических лиц) и я с этой позицией полностью согласен. Ибо в указанных случаях адвокат обманывает и своих доверителей и то адвокатское образование (юридическое лицо) в составе которого он состоит. Тем более, что в силу п. 14 ст. 22 Закона «Об адвокатской деятельности» коллегия адвокатов несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей налогового агента или представителя.

В рассматриваемом спорном случае адвокат Т. никак не может обмануть адвокатский кабинет Т.

3. Комиссия не указала на “установленное действующее законодательство” в отношении адвокатов, работающих в форме адвокатского кабинета. В соответствии с п. 3 ст. 21 закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ” адвокатский кабинет не является юридическим лицом. П/п 4 пункта 1 ст. 2 закона “О бухгалтерском учете в РФ” относит адвокатов, учредивших адвокатский кабинет к лицам, занимающимся частной практикой. П/п 1 пункта 2 статьи 6 закона “О бухгалтерском учете” освобождает от обязанности вести бухгалтерский учет лиц, занимающихся частной практикой. Пунктом 6 ст. 25 закона “Об адвокатской деятельности” определена обязанность адвоката обязательного внесения в кассу соответствующего адвокатского образования, полученного от доверителя вознаграждения в виде наличных денег. Кассой, согласно словаря Ожегова С.И. (изд-во “Русский Язык” 1989 г.) стр. 232 является 1. Ящик (шкаф) для хранения денег, помещение, в котором производятся денежные операции 2. Денежная

наличность учреждения 3. Аппарат, на котором отпечатываются талоны с указанием полученной суммы. Согласно Википедии касса – есть денежная наличность предприятия или организации; подразделение организации, осуществляющее операции с наличными деньгами; помещение где расположено это подразделение; участок (регистр) бухгалтерского учета, предназначенный для отражения операций о движении наличных денежных средств.

На сегодняшний день порядок ведения кассовых операций определен ЦБ РФ Указаниями от 11.03.2014 № 3210-У (зарегистрирован в Минюсте 23.05.2014 № 324040). Данный порядок распространяется на юридических лиц, частных предпринимателей субъектов малого предпринимательства. Данный порядок на адвокатские кабинеты не распространяется.

В соответствии с п. 4.1 Указаний: Кассовые операции оформляются приходными кассовыми ордерами, расходными кассовыми ордерами (далее – кассовые документы). Платежный агент, банковский платежный агент (субагент) на наличные деньги, принятие при осуществлении деятельности платежного агента, банковского платежного агента (субагента), оформляет отдельный приходный кассовый ордер.

Индивидуальными предпринимателями, ведущими в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах учет доходов и расходов и расходов и (или) иных объектов налогообложения либо физических показателей, характеризующих определенный вид предпринимательской деятельности, кассовые документы могут не оформляться.

Пунктом 5.3 указанного нормативного акта предусмотрено, что прием в кассу юридического лица наличных денег, сдаваемых обособленным подраз-

делением, а также изъятых из автоматического устройства, осуществляется по приходному кассовому ордеру. Как видно это правило обязательно только для юридических лиц. Адвокатский кабинет не является юридическим лицом и никакой “кассы” в смысле отдельного подразделения в составе адвокатского кабинета у адвоката работающего в форме адвокатского кабинета не может и не должно быть. Полагаю, что п. 6 ст. 25 закона “Об адвокатской деятельности...” под поднятием “кассы соответствующего адвокатского образования” предполагает именно кассу юридического лица, каковыми и являются все адвокатские образования кроме адвокатского кабинета. Кассой адвокатского кабинета является карман (бумажник, сейф) адвоката, учредившего адвокатский кабинет. И для того, чтобы адвокатский кабинет Т. внес полученное вознаграждение в кассу адвокатского кабинета Т. необходимо и достаточно чтобы адвокат Т. положил полученное вознаграждение в свой карман (бумажник, сейф). При этом закон не обязывает адвоката Т. выписывать приходный кассовый ордер.

4. Суды РФ так же принимают расписку в качестве необходимого и достаточного документа для взыскания расходов на представителя. Данное утверждение подтверждается моей личной судебной практикой и судебными актами, опубликованными в системе Гарант. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 октября 2012 г. № ВАС-5019/12 “Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации”.

На основании изложенного полагаю следующее: закон устанавливает, что вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования. При этом адвокатский кабинет не явля-

ется субъектом права, а соответственно, не может иметь кассу и не может быть ни работодателем, ни представителем адвоката. Следовательно, требование о внесении платы в кассу адвокатского образования в силу закона не может быть распространено на адвокатский кабинет. Деньги за оказанные услуги доверитель передает, как и предусмотрено законом, исполнителю услуг – адвокату.

Таким образом, законным доказательством несения расходов, связанных с оплатой услуг адвоката, избравшего адвокатский кабинет как форме ведения своей деятельности, должно быть письменное подтверждение факта получения именно адвокатом платы от доверителя.

Выводы: 1. составление адвокатом в присутствии доверителей расписки есть проявление полного доверия сторон друг другу

2. расписка составленная адвокатом Т. и выданная им доверителям есть необходимый и достаточный финансовый документ “по проведению операций со средствами доверителей”

II. Касательно уголовного дела.

Комиссия охарактеризовала мое поведение как “намеренное неисполнение своих профессиональных обязанностей”.

10 января 2020 г., при первой встрече с доверителями, им сказал, что:

– виновного не найдут. Я не знаю кто виноват. И доверители не имели своего мнения по поводу виновного. И не требовали от меня найти виновного.

– гражданский иск надо подавать к властям М. Иск будет удовлетворен. Заявителя хотели денежной компенсации морального вреда.

Я изучил практику по подобным случаям. Очень редко такое случается. Почти схожей случай был в М. в 2012 году: погибла дочь известного музыканта Р.

от удара качелями на детской площадке. Уголовное дело было возбуждено и Н. суд вынес условный приговор в отношении должностного лица. Апелляционное постановление прилагаю. Качели, в отличие от дерева, сделаны человеком. На качели есть чертеж, инструкция по эксплуатации, сроки проверки, гарантийные сроки, сроки годности... А какие документы имеются на дерево?

Полагаю, что обжаловать постановления следователя надо не ради факта и процесса обжалования, а ради конкретной цели – поиска виновного. Кто виноват, что дерево упало? Оно же не рукотворное. Н. суд в случае, когда ребенок погиб от сделанного человеком предмета (качели) – назначил “виновного”. Под своими профессиональными обязанностями в данном случае я понимал определение возможного виновного в трагедии. Моя мысль о том, что ствол дерева мог прогнить внутри из-за того, что питанию корня дерева помешал близко к корню положенный асфальт разбилось о то обстоятельство, что эксперт следственной группы при фотографировании корневой части упавшего дерева не положил мерную линейку. По фотографии без мерной линейки расстояние между объектами определить невозможно. Попытка привлечь к уголовной ответственности лицо, осуществившее укладку асфальта с нарушением должного расстояния от дерева не увенчалась успехом. Но и в этом случае надо было еще установить причинно-следственную связь между неправильным расстоянием и причиной падения дерева. На этом это мое направление поиска виновного оборвалось. Я не мог преследовать невинного. Я не знаю кто виноват. И потерпевшие не знали. И следователь и прокурор тоже не узнали...

На сегодняшний день, согласно информации озвученной П. на заседании

комиссии 21 июля 2021 г. дело расследуется. Виновный не найден. Трагедия случилась в июле 2019 г. Я в дело вступил в январе 2020 г. До моего вступления в дело свидетели были опрошены, доказательства собраны. Могли ли за это время появиться новые доказательства, новые свидетели – не знаю. Как “снизилась возможность для полноценного расследования” как указано в жалобе – не понимаю. Только 24.03.21 П. в ватсапе сообщил мне что якобы существует некая О., которая 11 мая 2019 г. “обращалась по поводу деревьев”. При этом телефона этой “О.” П. мне не дал. Когда я 25.03.21 был у следователя и сообщил ему о якобы имеющемся свидетеле, которая 11 мая 2020 г. (дерево упало 04.07.2019) “подавала заявление по деревьям”, следователь очень удивился и сказал мне, что в деле об этом ничего нет и что П. ему ничего не говорил про этого свидетеля.

Утверждение П. на заседании комиссии 21.07.2021 о том, что я не звонил “свидетелю” полностью не соответствует действительности. П. не дал мне телефон свидетеля, что подтверждается перепиской с ним по ватсапу.

Я узнал о постановлении от 20.06.20 когда оно уже было отменено постановлением прокуратуры от 28.08.2020 г. Зачем же мне было обжаловать уже отмененное прокуратурой постановление следователя от 20.06.20? И этот факт подтвержден моей перепиской с доверителями по электронной почте от 09.11.2020. В материалах дисциплинарного производства переписка имеется.

О том, что было постановление о прекращении от 09.10.2020 я вообще ничего не знал.

Следователь не уведомлял меня и потерпевших о постановлениях и не сказал мне ничего о наличии постановления о прекращении от 09.20.2020, когда я был у него в начале ноября

2020 г. В материалах производства нет доказательств того, что доверители получали постановления о прекращении, отправляли эти постановления мне, а я ничего не обжаловал.

III. Касательно гражданского дела.

Согласно информации с сайта Б. суда иск удовлетворен 19.08.2021. Дело №...

На сегодняшний день:

- иск к властям М. удовлетворен.
- уголовное дело расследуется.
- виновный не найден.

Состоялось именно то, что сказал адвокат Т. доверителям 10 января 2020 г.

Является ли это “намеренным непрофессиональным исполнением” своих обязанностей адвокатом Т. – Вам решать».

К письменным возражениям адвоката Т. приложены светокопия апелляционного постановления М. городского суда от 30 июля 2014 г. (на девяти листах), решение Бу. районного суда города Москвы от 11 августа 2021 г. (на четырех листах), определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 октября 2012 г. № ВАС-5019/12 (на трех листах).

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав заявитель П. и По., адвоката Т., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 4 июля 2019 г. постановлением старшего следователя З. межрайонного следственного отдела следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Та., прикомандированного к следственному отделу по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве, возбуждено уголовное дело... по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ. По данному уголовному

делу 16 и 17 июля 2019 г., соответственно, П. и По. признаны потерпевшими.

10 января 2020 г. адвокатом Т., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, с П. и По. был заключен договор об оказании юридической помощи... в соответствии с которым «адвокат принимает на себя обязательство по консультированию и представлению интересов Доверителей на стадии предварительного следствия по уголовному делу... возбужденному 04.07.2019 г. З. межрайонным следственным управлением по... ГСУ СК РФ по Москве по факту гибели сына Доверителей – П.А., ...2015 г. рождения, а также подготовки и подачи гражданского иска о компенсации Доверителям морального ущерба в связи с гибелью их сына, представления интересов Доверителей при рассмотрении данного иска в суде первой инстанции, в апелляционной и кассационной инстанциях».

Согласно п. 3.1 – 3.3 Договора вознаграждение адвоката Т. составило:

- «за консультирование и представление интересов Доверителей на стадии предварительного следствия по уголовному делу» – (сумму № 1) рублей;
- «за участие Адвоката в гражданском судопроизводстве» – (сумму № 2) рублей. «В стоимость указанных услуг входит подготовка искового заявления, представление интересов Доверителей в суде первой инстанции, в апелляционной и кассационной инстанциях»;
- «при получении суммы морального ущерба Доверители дополнительно выплачивают Адвокату вознаграждение в размере 10 процентов от полученной суммы».

10 января 2020 г. По. передала адвокату Т. денежные средства в размере (суммы № 1) рублей в счет уплаты вознаграждения по заключенному Договору, о чем адвокатом была выдана собственноручная расписка. 18 января

2020 г. По. передала адвокату Т. денежные средства в размере (суммы № 2) рублей в счет уплаты вознаграждения по заключенному договору, о чем адвокатом также была выдана собственноручная расписка.

11 марта 2020 г. постановлением старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Ч. уголовное дело... было приостановлено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ: в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. 20 мая 2020 г. указанное постановление следователя было отменено руководителем следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве майором юстиции Г.

Постановлением старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве от 20 июня 2020 г. производство по уголовному делу... было прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ: в связи с отсутствием события преступления. Указанное постановление было отменено Б. межрайонным прокурором города Москвы 28 августа 2020 г.

9 октября 2020 г. постановлением старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Ч. производство по уголовному делу... вновь было прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ: в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ.

Постановления следователя о приостановлении и прекращении уголовного дела адвокатом Т. не обжаловались.

Адвокатом Т. было подготовлено от имени П. и По. и 13 января 2021 г. направлено по почте в Б. районный суд города Москвы исковое заявление о возмещении морального вреда. Исковое заявление было зарегистрировано судом 8 февраля 2021 г., 18 марта 2021 г. адвокат Т. принял участие в проведении судом беседы.

31 марта 2021 г. в адрес адвоката Т. доверителями по почте направлено Уведомление без даты о расторжении договора об оказании юридической помощи от 10 января 2020 г. ...факт получения которого адвокатом Т. не оспаривается.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Т. не выдал доверителям квитанции о внесении денежных средств в кассу адвокатского образования, Совет отмечает, что в силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Согласно п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов,

связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

В дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сложился устойчивый подход, в соответствии с которым надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуски №№ 7–9(93–95). С. 17).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, то обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 1–3(99–101). С. 99).

Нарушения со стороны адвокатов, связанные с невнесением в кассу адвокатского образования полученных от

доверителя по соглашению денежных средств, а также с невыдачей доверителю документов по проведению операции с его средствами, нашли свое отражение в подп. 1, 4 *Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем*, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (см.: официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы: www.advokatymoscow.ru).

Совет в своей дисциплинарной практике исходит из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо по перечислению его на расчетный счет адвокатского образования, адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения.

Денежные средства от доверителя По. в счет уплаты вознаграждения были получены адвокатом Т. 10 и 18 января 2020 г., при этом Договор об оказании юридической помощи был расторгнут доверителями только 31 марта 2021 г. Таким образом, у адвоката Т. имелось достаточно времени для выдачи дове-

рителям квитанций, подтверждающих внесение денежных средств в кассу адвокатского образования.

Адвокатом Т. факт невыдачи доверителям квитанций, подтверждающих внесение полученных от них денежных средств в кассу адвокатского кабинета, не оспаривается, при этом, как указано выше, адвокат Т. заявляет, что выдачу расписок вместо квитанций он полагает правильным решением, и это является его обычной практикой. Указанное свидетельствует о принципиальном игнорировании адвокатом Т. приведенных выше положений о необходимости оформления адвокатом финансового документа (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т.п.) по проведению операций с денежными средствами при получении от них вознаграждения за оказание юридической помощи.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката Т. о возможности замены распиской адвоката первичных документов бухгалтерского учета (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т.п.) в качестве подтверждения получения от плательщика наличных денежных средств, а также о том, что требования о надлежащем оформлении полученного вознаграждения распространяются лишь на адвокатов, осуществляющих профессиональную деятельность в коллективных адвокатских образованиях.

Совет полагает недопустимым игнорирование адвокатом приведенных выше требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в части оформления адвокатом полученного вознаграждения и принятых в его развитие решений органов адвокатского самоуправления (Разъяснения по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформ-

ления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденные Решением Совета ФПА РФ от 19 января 2007 г.; Обзоры дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуск №№ 7–9. С. 17; 2021. Выпуск №№ 1–3. С. 99).

Совет полагает неприемлемым обоснование адвокатом Т. умышленного неисполнения им императивных требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» путем избирательных ссылок на нормы Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», а также на «Словарь русского языка» Ожегова С.И. и на выдержки из сетевой энциклопедии «Википедия», содержание которой свободно формируется интернет-сообществом.

Совет подчеркивает, что требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о надлежащем оформлении адвокатом полученного вознаграждения, а также приведенных выше решений органов адвокатского самоуправления являются общеобязательными, подлежат исполнению каждым адвокатом и направлены, в том числе, на формирование дополнительных гарантий обеспечения прав и свобод доверителей. В этой связи Совет отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других», отмечая приоритет специальных норм в области адвокатуры и адвокатской деятельно-

сти, указал, что, когда в федеральном законе устанавливаются те или иные дополнительные гарантии прав и свобод граждан, федеральный законодатель вправе осуществить соответствующее правовое регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Таким образом, при оформлении полученного вознаграждения за оказанную юридическую помощь адвокат Т. должен был руководствоваться соответствующими требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и принятыми в их развитие решениями органов адвокатского самоуправления, а не нормами иных отраслей права, не являющихся в данном случае приоритетными, и не толковыми словарями или интернет-ресурсами.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о ненадлежащем исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями, выразившемся в том, что, получив от доверителя По. 10 и 18 января 2020 г. в счет причитающегося ему вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи от 10 января 2020 г. ...денежные средства в общей (сумме № 3) рублей, адвокат Т. не выдал доверителям П. и По. финансовый документ по проведению операций с их средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Т. принятых на себя обязательств по представлению интересов доверителей П. и По., являющихся потерпевшими по уголовному делу... Совет

отмечает, что по общему правилу органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики защиты (работы по делу), избираемой адвокатом, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Действуя в этом статусе, адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства.

По этой причине претензии доверителя к адвокату в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности или Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вопрос о том, каким образом адвокат Т. должен был представлять интересы потерпевших П. и По. по уголовному делу, является вопросом тактического характера.

Совет также отмечает, что заявители жалобы, указывая на то, что за всё время работы по делу адвокат Т. получил в январе 2020 года консультацию у экспертов и заявил всего лишь два ходатайства, не указывают, какие еще ходатайства, по их мнению, должен был заявить адвокат Т. в их интересах

и какие иные действия совершить. При таких обстоятельствах Совет лишен возможности оценить доводы жалобы в части некавалифицированного оказания адвокатом Т. юридической помощи по представлению интересов заявителей в уголовном деле.

Вместе с тем Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве представителя в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом своих полномочий, предусмотренных ст. 42, 45 УПК РФ, в частности, получать копии постановлений о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что 11 марта 2020 г., то есть уже после заключения Договора об оказании заявителям юридической помощи, уголовное дело... сначала было приостановлено следователем в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а затем производство по делу дважды (20 июня и 9 октября 2020 г.) прекращалось в связи с отсутствием события преступления.

Возражая против дисциплинарных обвинений в этой части, адвокат Т. пояснил, что о прекращении и приостановлении уголовного дела он узнавал от следователя при личном с ним об-

щении. Следователь сообщал ему, что в соответствии со ст. 213 УПК РФ направлял постановления о прекращении уголовного дела потерпевшим. Потерпевшие П. и По. говорили адвокату Т., что никаких постановлений о прекращении уголовного дела они не получали. Таким образом, адвокат Т. узнавал о том, что уголовное дело прекращалось, уже после отмены этих решений. Более частому личному общению со следователем, по утверждению адвоката Т., мешал «коронавирусный режим».

Однако ранее в переписке с доверителями адвокат Т. заявлял, что в обжаловании постановлений следователя [о прекращении уголовного дела. – *Примечание Совета*] он не видел никакого смысла, так как знал, что «прокуратура отменит указанные постановления без моих жалоб».

Из представленной адвокатом Т. электронной переписки с По. за 9 ноября 2020 г. усматривается, что о вынесении следователем 20 июня 2020 г. постановления о прекращении уголовного дела адвокат Т. узнал лишь 9 ноября 2020 г., когда лично посетил следователя. То есть, как минимум с 20 июня по 9 ноября 2020 г., то есть в течение почти пяти месяцев, адвокат Т. не интересовался у следователя ходом и результатами расследования уголовного дела, по которому он представлял родителей погибшего ребенка. При этом в указанной переписке адвокат Т. не сообщает По. о том, что 9 октября 2020 г. следователем повторно вынесено постановление о прекращении уголовного дела, но прилагает к письму постановление Б. межрайонного прокурора от 28 августа 2020 г. об отмене постановления следователя от 20 июня 2020 г. о прекращении уголовного дела.

С учетом изложенного Совет признает установленным, что адвокат Т. не обжаловал постановления следователя о

прекращении уголовного дела, поскольку не видел в этом никакого смысла, так как полагал, что прокурор сам отменит указанные постановления, и приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, что выразилось в отсутствии с его стороны контроля за расследованием уголовного дела и намеренном неисполнении им своих профессиональных обязанностей по обжалованию постановлений следователя о прекращении уголовного дела.

Вместе с тем Совет считает неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Т. в части доводов жалобы о необжаловании им постановления старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Ч. от 11 марта 2020 г. о приостановлении производства по уголовному делу, поскольку указанное постановление уже 20 мая 2020 г. было отменено руководителем следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве майором юстиции Г., при этом в период с 11 марта по 20 мая 2020 г. в городе Москве действовал режим повышенной готовности, введенный Указом Мэра города Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ, действительно затруднявший активную коммуникацию адвоката Т. со следователем.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Т. принятых на себя обязательств по представлению интересов доверителей П. и По. по гражданскому делу, Совет признает необоснованными доводы жалобы о том, что между адвокатом и доверителями первоначально была достигнута договоренность о заявлении гражданского иска в уголовном деле, поскольку п. 3.2 Договора предусматривалась оплата вознаграждения

в размере (суммы № 2) рублей именно за участие адвоката в гражданском судопроизводстве.

Совет также признает неконкретными доводы жалобы о том, что в отсутствии «достаточных, убедительных и надежных» доказательств адвокат Т. подготовил и направил иск в суд по почте, а «в самом тексте искового заявления доводы (основания заявленных требований) не раскрываются и логично не обосновываются, единственным письменным доказательством вины ответчиков является постановление о возбуждении уголовного дела (которое на момент подачи иска было уже прекращено)», что лишает возможности дать этим доводам какую-либо оценку.

В части доводов жалобы о том, что в исковом заявлении изначально указан «неверный ответчик в лице Правительства города М.», поскольку обязанность по содержанию дворовых территорий возложена на ГБУ «Жилищник Б. района», Совет считает необходимым отметить, что в представленном заявителями проекте искового заявления указаны два ответчика: Правительство города М. и ГБУ «Жилищник Б. района». Из информации, размещенной на официальном сайте судов общей юрисдикции, также усматривается, что ответчиками по гражданскому делу... по иску П. и По. являются ГБУ города М. «Жилищник Б. района» и Правительство М. Следовательно, иск предъявлен, в том числе, и к тому ответчику, которого заявители жалобы считают надлежащим.

Совет также отмечает, что исковое заявление принято судом к производству, по нему состоялось несколько судебных заседаний, однако, как пояснил в ходе рассмотрения дисциплинарного производства заявитель П., каких-либо дополнений и уточнений в ходе рассмотрения судом гражданского дела им и По. не делалось.

При таких обстоятельствах доводы жалобы в указанной части Совет признает необоснованными.

Совет также считает необходимым разъяснить заявителям, что любые имущественные споры между доверителями и адвокатами (включая споры о возврате адвокатом доверителю уплаченного вознаграждения полностью или в части), дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, как они определены Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, неподведомственны в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. Указанные споры подлежат разрешению судом в порядке гражданского судопроизводства.

С учетом изложенного доводы заявителей П. и По. о несогласии с представленным адвокатом Т. отчетом о проделанной работе, а, следовательно, о размере отработанного адвокатом вознаграждения, не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве.

В части доводов жалобы о том, что адвокат Т. до настоящего времени не возвратил заявителям денежные средства, которые он и сам считает неотработанными, Совет отмечает, что заявители в ответ на соответствующую просьбу адвоката Т. не представили ему свои банковские реквизиты для перечисления денежных средств, чем затруднили возврат неотработанного вознаграждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Т. за допущенные нарушения, Совет принимает во внимание как их грубый и умышленный характер, так и то, что

адвокат Т. нарушение допустил впервые. При таких обстоятельствах Совет считает возможным предоставить адвокату Т. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., выразившееся в том, что, получив от доверителя По. 10 и 18 января 2020 г. в счет причитающегося ему вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи от 10 января 2020 г. ...денежные средства в общей (сумме № 3) рублей, адвокат Т. не выдал доверителям П. и По. финансовый документ по проведению операций с их средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Т. профессиональных обязанно-

стей перед доверителями П. и По., что выразилось в отсутствии с его стороны контроля за расследованием уголовного дела... находящегося в производстве следственного отдела по Б. району следственного управления по... ГСУ СК РФ по городу Москве, и намеренном неисполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей по обжалованию постановлений следователя

от 20 июня и 9 октября 2020 г. о прекращении уголовного дела.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе П. и По., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Адвокату объявлено замечание за опубликование им на своей странице в социальной сети персональных данных свидетеля по делу без его согласия.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием адвоката В., его представителя адвоката П. ...рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 26 февраля 2021 г. ... основанному на обращении Р. от 1 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката В.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. адвокатом В. допущено нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокатура действует на основе принципов законности...»), подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами») и п. 1, 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессио-

нальной деятельности адвокат обязан... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности... уважать права других лиц»), что выразилось в опубликовании адвокатом В. не позднее 29 января 2021 г. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своей странице в социальной сети Twitter по адресу... в нарушение положений ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», светоконии протокола допроса свидетеля Ро. от 23 января 2021 г., без обезличивания содержащихся на титульном листе данного протокола персональных данных указанного лица, включая фамилию, имя, отчество, дату рождения, место жительства и номер сотового телефона свидетеля, полученного адвокатом В. в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, заявила 28 июля 2021 г. письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного дела в ее

отсутствие, в котором также сообщила о поддержке в полном объеме доводов представления... Учитывая изложенное и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве.

Адвокат В. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился. Полагает, что в его действиях отсутствует какой-либо дисциплинарный проступок, потому что у него не было умысла на разглашение персональных данных свидетеля, это произошло невольно, и впоследствии он удалил протокол этого допроса. Цель его размещения состояла в том, чтобы общественность могла познакомиться непосредственно с его показаниями. Так как этот протокол позже был оглашен в ходе открытого судебного заседания, полагает, что не нарушил права этого свидетеля, и он сам не выразил свое отношение к этому размещению, заявляя, что его права нарушены.

Отвечая на заданные членами Совета вопросы, адвокат В. согласился с тем, что в силу требований закона не должен был публиковать персональные данные свидетеля без его согласия. И в подтверждение этого указал, что размещенный протокол допроса был им удален.

Представитель адвоката В., адвокат П., в заседании Совета просил обратить внимание на политически мотивированный и абсурдный характер дела, в связи с работой по которому адвокат В. опубликовал протокол допроса свидетеля. На стороне обвинения по этому делу

задействована «вся мощь пропагандистского аппарата». Этому адвокат может противопоставить какие-то лишь свои социальные сети, что он и попытался сделать, совершив ошибку в части опубликования персональных данных. Но при этом Квалификационная комиссия в своем Заключении сделала по сути неверный вывод, признав надуманным довод адвоката В. о том, что он хотел именно показать характер доказательств по делу, а не персональные данные свидетеля. В материалах дисциплинарного производства имеется комментарий самого адвоката В. в сети Twitter, где он описывает не персональные данные Р., а его показания, и при этом выложена не только первая страница с персональными данными, а все показания, и, если бы он хотел выложить исключительно персональные данные и разгласить их, то он специально выложил бы одну страницу. При таких условиях, с учетом признания адвокатом В. своей ошибки, полагает, что нельзя говорить об умышленном распространении им персональных данных, можно вести речь только о неосторожности, возможно, грубой. Кроме того, не установлена степень ущемления прав гражданина Р., а права гражданина Р., который обратился в Минюст, никак не затронуты действиями адвоката В. Полагает, что в данном случае применима норма ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате. Поэтому в качестве способа разрешения

дисциплинарного дела он (представитель П.) просит Совет вынести решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката В., его представителя адвоката П., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что адвокатом В. осуществляется защита С., привлекаемой к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 236 УК РФ. При ознакомлении 29 января 2021 г. с материалом, представленным в Т. районный суд города Москвы вместе с ходатайством следователя об избрании С. меры пресечения в виде домашнего ареста, адвокатом В. были сделаны фотокопии документов, содержащихся в данном материале, в состав которых входил протокол допроса свидетеля Ро. от 23 января 2021 г.

Как следует из пояснений самого адвоката В., еще до начала судебного заседания по вопросу об избрании С. меры пресечения им на своей странице в социальной сети Twitter по адресу... была опубликована светокopia протокола допроса свидетеля Ро., включая титульный лист данного протокола, где были указаны персональные данные указанного лица, а именно фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства и номер сотового телефона свидетеля. При этом согласия Ро. на распространение его персональных данных путем опубликования допроса последнего в качестве свидетеля адвокатом В. не было получено.

В соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» к персональным данным относится любая информа-

ция, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Статья 7 того же закона предписывает, что лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. Этому положению корреспондируют требования ст. 11 УПК РФ, регламентирующие охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и распространяющиеся, в том числе, на свидетеля. Более того, уголовно-процессуальный закон (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) предусматривает возможность обеспечения безопасности свидетеля при наличии к тому оснований.

Сведения, содержащиеся на титульном листе протокола допроса свидетеля Ро. от 23 января 2021 г., представляют собой его персональные данные. При этом каких-либо законных оснований для раскрытия адвокатом В. неопределенному кругу лиц персональных данных свидетеля Ро. не имеется. Самим адвокатом В. таких оснований в объяснении своих действий не приведено.

Совет принимает во внимание довод адвоката В. о его желании в связи с большим общественным резонансом уголовного дела в отношении С. продемонстрировать неограниченному кругу лиц не персональные данные свидетеля Ро, а характер доказательств, обосновывающих решение следователя о привлечении С. к уголовной ответственности и избрании в отношении нее меры пресечения в виде домашнего ареста. Однако этот довод не влияет на оценку действий адвоката В., поскольку у него имелись все возможности для удаления персональных данных свидетеля Ро. из протокола его допроса перед опубликованием последнего, тем не менее этого сделано не было.

Совет не может согласиться с доводом представителя адвоката В., адвоката П., о малозначительности проступка адвоката В., поскольку этим проступком нарушены охраняемые законом гарантии неприкосновенности персональных данных гражданина.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката В. за допущенное нарушение, Совет учитывает, что он ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал ошибочность своих действий, совершенных по грубой неосторожности. Совет также учитывает, что Ро., чьи персональные данные были разглашены адвокатом В., с жалобами о нарушении своих прав не обращался, а представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве основано на обращении Р., правам которого никакого вреда действиями адвоката В. не причинено.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату В. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату В. ...меру дисциплинарной ответственности в виде

замечания за нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокатура действует на основе принципов законности...»), подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами») и п. 1, 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности... уважать права других лиц»), что выразилось в опубликовании адвокатом В. не позднее 29 января 2021 г. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своей странице в социальной сети Twitter по адресу... в нарушение положений ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», светоконии протокола допроса свидетеля Ро. от 23 января 2021 г., без обезличивания содержащихся на титульном листе данного протокола персональных данных указанного лица, включая фамилию, имя, отчество, дату рождения, место жительства и номер сотового телефона свидетеля, полученного адвокатом В. в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей.

2.2. Размещение на интернет-сайте адвоката видеосюжета с изображением доверителя и его дочери с указанием их персональных данных, подготовленного и ранее показанного средством массовой информации, не влечет дисциплинарной ответственности.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Глав-

ного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 26 февраля 2021 г. ...основанному на обращении Г. от 1 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката К.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседание Совета не явился, письменно заявил об ознакомлении с Заключением Квалификационной комиссии и полном согласии с ним, а также ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие...

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. ...также заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в отношении адвоката К. в ее отсутствие...

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников, поскольку они извещены надлежащим образом, своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии и ознакомились с ним, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В обращении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве указывается, что на интернет-сайте адвоката К. (<https://...>) без согласия доверителя раз-

мещен видеосюжет с Г. и ее дочерью, где имеется их изображение, указываются фамилия, имя, отчество, информация о факте обращения за юридической помощью. К обращению приложены скриншоты с указанного интернет-сайта.

Адвокат К. все выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения последовательно отрицает, указывая, что он являлся представителем гражданки Г. как потерпевшей по уголовному делу. 13 июля 2018 г. на региональном телеканале «...» вышла передача, посвященная нарушениям в расследовании указанного уголовного дела, в которой заявительница Г. и адвокат К. принимали участие. Правообладатель передачи, телеканал «...», самостоятельно разместил видеозапись этой передачи в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте YouTube, в связи с чем она получила широкое распространение в сети «Интернет» путем перепостов, в частности, на сайте «Б.» в Яндекс.Дзен. и в социальных сетях... так как имела большой общественный интерес. После официального размещения передачи в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» адвокат К. разместил на своем сайте этот видеоконтент. При этом заявительница Г. не обращалась к нему по вопросу удаления данной видеозаписи с его интернет-сайта. Адвокат К. отрицает, что им делались публичные высказывания, в которых бы сообщались фамилия, имена, отчества доверителей, а также об обстоятельствах обращения Г. за юридической помощью, а также не совершалось иных действий по раскрытию адвокатской тайны.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в действиях адвоката К. отсутствуют нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной

этики адвоката, в том числе нарушения требований п. 2 ст. 3, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 2, 3 ст. 5, п. 2, 3 ст. 6, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства приведенные выше объяснения адвоката К. подтвердились. В том числе, установлено, что не позднее 13 июля 2018 г. Г. и ее дочь согласились стать участниками съемок указанной телепередачи, в ходе которой они добровольно сообщили о сложностях в расследовании уголовного дела по факту гибели их родственницы. Данный видеосюжет 13 июля 2018 г. вышел в эфир... издания... в информационно-коммуникационной сети «Интернет» на русском сегменте портала www.youtube.com.

В представленных Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве скриншотах страниц с сайта... отсутствуют какие-либо сведения о фамилии, имени, отчестве доверителей адвоката К., включая гражданку Г. и ее дочь, а равно отсутствуют сведения о каких-либо фактах обращения к адвокату К. со стороны Г. за юридической помощью.

Из содержания сюжета, опубликованного... изданием... следует, что в нем принимал участие и адвокат К., который прокомментировал качество работы следственных органов по данному делу. При этом, вопреки утверждениям в представлении, никаких сведений о фамилиях, имени, отчестве доверителей адвоката К., а равно о каких-либо фактах обращения к нему за юридической помощью со стороны Г. адвокатом сообщено не было. Фамилии и имена участников телесюжета... издания... называются либо за кадром самими журналистами, либо выводятся сотрудниками средства

массовой информации в виде текста непосредственно на экране.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что к изготовлению данного сюжета, указанию в нем различных персональных данных Г. и ее дочери, размещению этого сюжета в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» адвокат К. не имеет никакого отношения. Публичное размещение телевизионного сюжета было осуществлено средством массовой информации... издания...

Подпункты 1 и 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ определяют, что согласие лица для обнародования и дальнейшего использования видеозаписи, где он изображен, не требуется, если изображение гражданина используется в общественных или иных публичных интересах, а равно в том случае, если такое изображение получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения. В соответствии с п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде. Сам сюжет снят в публичном месте – на улице города, при этом каких-либо данных о тайном (скрытом) ведении видеосъемки Г. и ее дочери не усматривается. Как следует из сюжета, Г. очевидно понимает, что происходит съемка, демонстрирует для фиксации видеосъемки различные документы. Кроме того, сам факт съемки такого телесюжета не отрицается ею и в обраще-

нии в Министерство юстиции Российской Федерации от 1 февраля 2021 г.

Каких-либо доказательств, опровергающих презумпцию добросовестности адвоката К., Главным управлением Министерства юстиции по Российской Федерации по городу Москве не представлено. Напротив, все представленные доказательства очевидно свидетельствуют о том, что впервые видеоизображение Г. и ее дочери было осуществлено... изданием... после чего этот же сюжет, с сохранением всех идентификационных данных правообладателя данного видеоконтента, был размещен адвокатом К. на своем персональном сайте.

Таким образом, Совет по результатам рассмотрения дисциплинарного производства приходит к выводу о том, что сам факт размещения адвокатом К. на своем профессиональном сайте видеосюжета с изображением Г. и ее дочери, размещенного до этого в публичном пространстве, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Ин-

тернет», средством массовой информации... издание... дисциплинарного нарушения не образует, и такое размещение не требовало получения адвокатом согласия Г.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката К. не опровергнута, а выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения не обоснованы.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 26 февраля 2021 г. ...основанному на обращении Г. от 1 февраля 2021 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.3. Адвокату объявлено замечание за неявку в судебное заседание без уважительных причин.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному определению) судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда от 25 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката С.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. адвокатом С. допущено нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), выразившееся в том, что адвокат С. без уважительных причин не явился 25 февраля 2021 г. в судебное заседание судебной коллегии по уголовным делам М. об-

ластного суда по делу... для осуществления защиты П. в ходе рассмотрения апелляционных жалоб осужденного П. и его защитников – адвокатов П.В., С.А., А. на приговор С. городского суда М. области от 9 декабря 2020 г., отдав по своему усмотрению предпочтение участию в иных мероприятиях.

Адвокат С., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил 19 июля 2021 г. письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного дела в его отсутствие, поскольку «не имеет технической возможности и навыка использования видео-конференц-связи на облачной платформе»,

выразил «полное доверие позиции уважаемых коллег и принятому ими решению», указав, что более по данному вопросу ничего добавить не может...

Учитывая изложенное и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных обстоятельствах дела.

Так, в производстве судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда находилось дело... по апелляционным жалобам осужденного П. и его защитников – адвокатов П.В., С.А., А. на приговор С. городского суда М. области от 9 декабря 2020 г.

16 февраля 2021 г. осужденный П. и его защитники по соглашению П.В., С.А. и А. были извещены о дате, месте и времени судебного заседания суда апелляционной инстанции, однако сообщили, что у них отсутствует соглашение об оказании юридической помощи П. в суде апелляционной инстанции. 18 февраля 2021 г. П. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, был назначен защитник, адвокат М. 24 февраля 2021 г. между родственниками П. и адвокатом С., осуществляющим свою деятельность в Адвокатском кабинете... было заключено Соглашение... об оказании юридической помощи П. в суде апелляционной инстанции.

В этот же день адвокат С. обратился в судебную коллегию по уголовным делам М. областного суда с ходатайством следующего содержания:

«24 февраля 2021 г. со мной заключено соглашение на защиту интересов П. в объеме уголовного дела по ст. 159, 198 УК РФ (С. суд). Мне предоставлено адвокатское досье, в которое входит материалы уголовного дела (фотокопии) в объеме более 70 томов. С данными материалами могу знакомиться с 24.02.2021. Для ознакомления мне необходимо время не менее 2-х месяцев, прошу учесть, что после прочтения материалов дела, мне необходимо выработать совместную позицию с подзащитным. 25.02.2021 г. у меня была запланирована служебная командировка за пределы Москвы и М. области, в связи с чем я не могу явиться 25.02.2021 г. в М. областной суд и заявить настоящее ходатайство лично.

На основании вышеизложенного, прошу: 1. Отложить судебное заседание в отношении П. 2. Предоставить адвокату С. для ознакомления и изучения материалов уголовного дела в объеме более 70 томов, сроком не менее 2-х месяцев».

Кроме того, 24 февраля 2021 г. адвокат С. направил в судебную коллегию по уголовным делам М. областного суда телеграмму следующего содержания: *«24 февраля 2021 принял поручение на защиту П. по апелляционной жалобе по уголовному делу с фотокопиями материалов дела начал знакомиться ходатайство предоставить два месяца изучить более 70 домов и ордер защитника помещены в почтовый ящик м. в настоящее время убыл в двухнедельную плановую командировку адвокат С. и 8...».*

25 февраля 2021 г. адвокат С. не явился в судебное заседание судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда по рассмотрению дела... по апелляционным жалобам осужденного П. и его защитников – адвокатов П.В., С.А., А. на приговор С. городского суда М. области от 9 декабря 2020 г. Судебное заседание

проходило при участии защитника по назначению, адвоката М. В этот же день апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда приговор С. городского суда М. области от 9 декабря 2020 г. оставлен без изменения, а апелляционные жалобы – без удовлетворения.

В протоколе судебного заседания по рассмотрению дела... в апелляционном порядке от 25 февраля 2021 г. указано: *«...Судебная коллегия, совещаясь на месте определила: в удовлетворении ходатайства об отложении судебного разбирательства, в связи с неявкой адвоката С. и его ходатайством о предоставлении времени для ознакомления с материалами дела отказать, поскольку суд расценивает заключение соглашения с адвокатом накануне судебного заседания как злоупотребление осужденным и адвокатом С. правами, считает данные действия преднамеренным затягиванием рассмотрения дела, поскольку у осужденного и его родственников имелась реальная возможность решить вопрос о заключении соглашения с адвокатом заблаговременно».*

Неявку в судебное заседание судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда 25 февраля 2021 г. адвокат С. в ходе дисциплинарного разбирательства объяснил тем, что у него заранее была запланирована важная двухнедельная служебная командировка, а также 24 февраля 2021 г. им было заявлено ходатайство об отложении судебного заседания на два месяца для ознакомления с материалами уголовного дела в отношении П., содержащимися более чем в 70 томах.

Из письменных объяснений адвоката С. усматривается, что ему было известно о судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда, назначенном на 25 февраля 2021 г. При этом накануне судеб-

ного заседания он принял поручение на осуществление защиты П. и направил в суд ходатайство об отложении судебного заседания на два месяца в связи с необходимостью ознакомления с материалами уголовного дела, а также в связи с его отъездом 25 февраля 2021 г. в заранее запланированную служебную командировку.

В то же время адвокат С. не представил суду документов, подтверждающих его профессиональную занятость 25 февраля 2021 г., не позволявшую ему явиться в судебное заседание. Не представлено адвокатом С. доказательств, подтверждающих его нахождение в служебной поездке, и впоследствии, при разбирательстве дисциплинарного дела в Квалификационной комиссии. При этом, исходя из объяснений самого адвоката С., он якобы прервал поездку 1 марта 2021 г. и вернулся в город Москву для ознакомления с протоколом судебного заседания судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда по делу... Следовательно, у него имелась возможность самостоятельно регулировать период своего нахождения за пределами города Москвы и М. области с тем, чтобы принять участие в судебном заседании по делу, в котором он являлся защитником по соглашению.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокат С., являясь защитником П. и зная о том, что на 25 февраля 2021 г. назначено заседание судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда по рассмотрению апелляционных жалоб осужденного П. и его защитников – адвокатов П.В., С.А., А. на приговор С. городского суда М. области от 9 декабря 2020 г., в нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката без уважительных причин не явился в указанное судебное заседание, то есть не выполнил свою

профессиональную обязанность, чем проявил неуважение к суду.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), Совет учитывает умышленный характер данного нарушения.

Одновременно с этим Совет учитывает, что С. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. Кроме того, Совет учитывает, что, несмотря на неявку адвоката С., срыва судебного заседания 25 февраля 2021 г. не произошло, а апелляционные жалобы осужденного П. и защитников – адвокатов П.В., С.А., А. были рассмотрены при участии защитника по назначению – адвоката М.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату С. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в

наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение им ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), выразившееся в том, что адвокат С. без уважительных причин не явился 25 февраля 2021 г. в судебное заседание судебной коллегии по уголовным делам М. областного суда по делу... для осуществления защиты П. в ходе рассмотрения апелляционных жалоб осужденного П. и его защитников – адвокатов П.В., С.А., А. на приговор С. городского суда М. области от 9 декабря 2020 г., отдав по своему усмотрению предпочтение участию виновных мероприятиях.

2.4. Защитнику по назначению объявлено замечание за неявку в судебное заседание, вызванную выдвижением им необоснованного требования о размещении в АИС АПМ новой заявки об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Ч. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. ...возбужденное по обращению судьи Т. районного суда города Москвы П.

Квалификационная комиссия 9 июня 2021 г. вынесла Заключение:

– о нарушении адвокатом Ч. ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в том, что адвокат Ч. без уважительной

причины не явился 25 февраля 2021 г. в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по уголовному делу... о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по обращению (жалобе) судьи Т. районного суда города Москвы П. от 25 февраля 2021 г. ... вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат Ч. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен; на вопросы пояснил, что теперь ему понятно отсутствие необходимости повторной заявки для назначения защитника в подобной ситуации.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав адвоката Ч., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве старшего следователя СО по Т. району СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве С. находилось уголовное дело... по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 318 УК РФ.

27 января 2021 г. в целях обеспечения права на защиту Ш. следователь СО по Т. району СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве С. разместил в АИС АПМ заявку... на обеспечение Ш. защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, которая была распределена адвокату Ч.

28 января 2021 г. адвокат Ч. явился к месту производства процессуальных действий и предоставил ордер от 28 января 2021 г. ...выданный на защиту Ш. в СО по Т. району СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве. В этот же день следователь СО по Т. району СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве С. вынес постановление о направлении уголовного дела... в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

11 февраля 2021 г. в Т. межрайонной прокуратуре города Москвы адвокат Ч. получил копию постановления о направлении уголовного дела... в суд для

применения принудительных мер медицинского характера.

15 февраля 2021 г. уголовное дело о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера в связи с совершением им действий, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 318 УК РФ, зарегистрировано в Т. районном суде города Москвы и ему присвоен номер №...

Срок содержания Ш. под стражей истек 28 февраля 2021 г.

Из содержания телефонограммы секретаря судебного заседания Т. районного суда города Москвы С.К. от 19 февраля 2021 г. усматривается, что она по номеру мобильного телефона +7(...)... уведомила адвоката Ч. о необходимости явки 25 февраля 2021 г., в 16.00 час., в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера в связи с совершением им деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 318 УК РФ. Адвокат Ч. подтвердил свое участие в судебном заседании.

В докладной записке секретаря судебного заседания Т. районного суда города Москвы С.К. от 25 февраля 2021 г. указано, что в 11.29 час. в Т. районный суд города Москвы позвонил адвокат Ч. и сообщил, что для его участия 25 февраля 2021 г. в судебном заседании необходимо разместить в АИС АПМ заявку об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты Ш. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. В этот же день секретарь судебного заседания Т. районного суда города Москвы С.К. разместила в АИС АПМ заявку...

Согласно сводному отчету по заявке... секретарь судебного заседания Т. районного суда города Москвы С.К. 25 февраля 2021 г., в 11.41 час., разме-

стила заявку об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 25 февраля 2021 г., в 16.00 час., для осуществления защиты Ш. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. В этот же день в 16.43 час. заявку принял адвокат Б.

Из содержания телефонограммы секретаря судебного заседания Т. районного суда города Москвы С.К. от 25 февраля 2021 г. усматривается, что в 13.38 час. судья Т. районного суда города Москвы П. лично уведомила по номеру мобильного телефона +7(...)... адвоката Ч. о необходимости его явки 25 февраля 2021 г., в 16.00 час., в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера в связи с совершением им действий, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 318 УК РФ, поскольку адвокат Ч. осуществлял защиту Ш. на стадии предварительного расследования в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а заявка, размещенная менее чем за 24 часа до судебного заседания, с небольшой вероятностью будет принята другим адвокатом.

В докладной записке секретаря судебного заседания Т. районного суда города Москвы С.К. от 25 февраля 2021 г. указано, что в 16.00 час. адвокат Ч. не явился в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера в связи с совершением им действий, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 318 УК РФ. В этот же день, в период времени с 16.00 час. по 16.35 час., адвокат Ч. не отвечал С.К. на ее неоднократные звонки и сообщения в мессенджере WhatsApp, поскольку его мобильный телефон был выключен.

25 февраля 2021 г. адвокат Ч. не явился в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... В связи с неявкой адвоката Ч. судебное заседание было отложено на 13.00 час. 26 февраля 2021 г.

В протоколе судебного заседания от 25 февраля 2021 г. по уголовному делу... указано, что «... защитник Ч. – не явился, о причинах неявки не сообщил, дозвониться до него не представилось возможным, поскольку с 16.00 час. его телефон выключен».

Рассматривая доводы обращения судьи Т. районного суда города Москвы П. от 25 февраля 2021 г. о том, что адвокат Ч. 25 февраля 2021 г. не явился в указанное судебное заседание, не уведомил суд об уважительности причин неявки, тем самым сорвал судебное разбирательство по уголовному делу и фактически отказался от защиты Ш., Совет отмечает, что в силу подп. 1 и 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, а также если обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 2, 3, 4 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

Дознаватель, следователь или суд принимают меры по назначению (замене) защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3, 4 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

Одним из основных принципов назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве является принцип непрерывности защиты, который применительно к назначению адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением

случаев, предусмотренных законодательством, настоящим Порядком и Региональными правилами (п. 3.4).

В соответствии с Рекомендациями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации об обеспечении непрерывности защиты по назначению, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г., эффективная квалифицированная юридическая помощь при защите по уголовному делу подразумевает постоянное и системное оказание ее обвиняемому (подозреваемому) с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 17 Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., «Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов».

Утвержденный Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 г. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве основан на принципе непрерывности защиты, который, в частности, означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств (п. 1).

Руководствуясь принципом непрерывности защиты, адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению в досудебном производстве, в соответствии с п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката не вправе отказаться от защиты в суде первой инстанции, включая подготов-

ку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда (п. 2).

Освобождение адвоката от участия в уголовном деле в качестве защитника по назначению допускается исключительно в случаях, предусмотренных законом (принятие соответствующим должностным лицом в соответствии с требованиями закона мотивированного процессуального решения об отводе защитника при наличии законных оснований для этого, принятие отказа обвиняемого (подозреваемого) от защитника, вступление в дело адвоката по соглашению, ранее не принимавшего участия в деле, приостановление статуса адвоката и др.) и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а также при наличии иных уважительных причин (например, тяжелая продолжительная болезнь, препятствующая осуществлению профессиональных обязанностей, передача дела по подследственности или подсудности в иное территориальное образование и т.п.) (п. 6).

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, по состоянию на 25 февраля 2021 г. был определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК

РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176, доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2019. Выпуск № 3(146). С. 2–8) и на сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где доступен по ссылке <http://www.advokatymoscow.ru/upload/files/Правила%20АИС%20АПМ.pdf>

В соответствии с п. 10 Правил уведомления об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу 51.advokatymoscow.ru в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в АИС АПМ.

В Инструкции инициатора по работе в АИС АПМ (утверждена приказом Президента Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2019 г. № 98/к), действующей по состоянию на 25 февраля 2021 г., указано: «Важно: после распределения поручения и вступления в дело адвокат уведомляется о последующих процессуальных действиях/судебных заседаниях в обычном порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. Создавать новую заявку после завершения процессуального действия/судебного заседания не требуется, в том числе при необходимости участия адвоката в последующих стадиях рассмотрения дела» (с. 11).

Как усматривается из материалов дисциплинарного производства, адвокат Ч. 28 января 2021 г. принял заявку... на обеспечение Ш. защитника в поряд-

ке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, и в тот же день вступил в уголовное дело... находящееся в производстве СО по Т. району СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве, по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 318 УК РФ, предоставив ордер... от 28 января 2021 г.

19 февраля 2021 г. адвокат Ч. был уведомлен о необходимости его явки 25 февраля 2021 г. в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера, однако в судебное заседание не явился.

Адвокат Ч. не отрицает, что был извещен более чем за пять суток о времени и месте судебного заседания, а также свою неявку в судебное заседание.

Таким образом, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии о том, что 25 февраля 2021 г. судебное заседание Т. районного суда не состоялось по вине адвоката Ч., который в нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, в отсутствие уважительных причин не явился 25 февраля 2021 г. в судебное заседание Т. районного суда, то есть не выполнил свою профессиональную обязанность, чем проявил неуважение к суду.

Как следует из содержания письменных и устных объяснений адвоката Ч. и подтверждается материалами дисциплинарного производства, он не отказывался от защиты Ш., а ошибочно считал необходимым условием явки в судебное заседание размещение в АИС АПМ новой заявки.

При таких обстоятельствах Совет признает, что поведение адвоката Ч. необоснованно расценено заявителем как фактический отказ адвоката от осуществления защиты подсудимого Ш.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Ч. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно совершено впервые, по грубой неосторожности, по причине недостаточно глубокого знания нормативных документов, регулирующих порядок участия адвоката в уголовном судопроизводстве в качестве защитника по назначению. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату Ч. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение им ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в том, что адвокат Ч. без уважительной причины не явился 25 февраля 2021 г. в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по уголовному делу... о применении к Ш. принудительных мер медицинского характера.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по обращению (жалобе) судьи Т. районного суда города Москвы П. от 25 февраля 2021 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.5. Защитнику по назначению объявлено замечание за неявку в судебное заседание, связанную с его участием в процессуальных действиях по другому делу, в которое он вступил по более поздней заявке.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. ...возбужденное по обращению судьи Т. районного суда города Москвы Т. от 17 марта 2021 г.

Квалификационная комиссия 9 июня 2021 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ш. ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в том, что адвокат Ш. не явился 17 марта 2021 г. в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по уголовному делу... в отношении Д. и Т.Л., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, необоснованно отдав предпочтение участию в помещении ФКУ СИЗО... УФСИН России по городу Москве в производстве процессуальных действий по уголовному делу... находящемуся в производстве СЧ СУ УМВД России по К. области.

Адвокат Ш., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство от 28 июля 2021 г. о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие... в котором также указал, что с Заключением Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г. ознакомлен и согласен с ним в полном объеме.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из

участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. в его отсутствие.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Т. районного суда города Москвы находилось уголовное дело... по обвинению Д. и Т.Л. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

С 24 февраля 2021 г. защиту Т.Л. осуществлял защитник по назначению, адвокат Ш., на основании распределенной ему через АИС АПМ заявки и ордера от 24 февраля 2021 г. №...

24 февраля 2021 г. Т. районный суд города Москвы продлил Д. и Т.Л. срок содержания под стражей и отложил судебное заседание на 14.00 час. 17 марта 2021 г. для соблюдения требований, установленных ч. 4 ст. 231 УПК РФ, уведомив адвоката Ш. о дате и времени судебного заседания, о чем последний выдал собственноручную расписку.

Согласно сводному отчету по заявке... адвокат Ш. 16 марта 2021 г., в 20.07 час., принял заявку начальника СЧ СУ УМВД России по К. области Л. об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 17 марта 2021 г., в 12.00 час., для осуществления защиты П. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ.

Как усматривается из справки начальника отдела СЧ СУ УМВД России

по К. области Л. от 29 марта 2021 г., производство процессуальных действий с обвиняемым П. по уголовному делу... находящемуся в производстве СЧ СУ УМВД России по К. области, планировалось в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве 17 марта 2021 г., в 12.00 час. В связи с длительным проходом на территорию ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и отсутствием свободных следственных кабинетов производство процессуальных действий с П. проходило при участии адвоката Ш. 17 марта 2021 г., в период времени с 13.30 час. по 15.30 час.

17 марта 2021 г. адвокат Ш. не явился в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... В связи с неявкой адвоката Ш. судебное заседание было отложено на 18 марта 2021 г., в 12.30 час. В протоколе судебного заседания от 17 марта 2021 г. по уголовному делу... указано: «Защитник-адвокат Ш. – не явился, извещен надлежащим образом, сведений об уважительности неявки в суд не представил, в 14 часов 05 минут по телефону сообщил, что занят на следственных действиях и не планировал участвовать в судебном заседании».

Адвокат Ш. неявку в судебное заседание Т. районного суда города Москвы 17 марта 2021 г. объяснил участием в этот день в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в производстве процессуальных действий с П. по уголовному делу... находящемуся в производстве СЧ СУ УМВД России по К. области. При этом, как указано выше, судебное заседание Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... в отношении Д. и Т.Л. было назначено на 14.00 час. 17 марта 2021 г., а производство процессуальных действий в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве по уголовно-

му делу... в отношении П. назначено на 12.00 час. 17 марта 2021 г. Адвокат Ш. указанные обстоятельства, как и свое извещение более чем за пять суток о дате судебного заседания Т. районного суда города Москвы, назначенного на 17 марта 2021 г., не отрицал.

В соответствии с Разъяснением Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 16 февраля 2018 г., по общему правилу при совпадении даты следственных действий с датой судебного заседания адвокат должен отдать приоритет участию в судебном заседании, заблаговременно уведомив об этом дознавателя, следователя и согласовав с ними новую дату проведения следственных действий.

С учетом изложенного Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат Ш., зная о назначенном на 17 марта 2021 г. судебном заседании Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела... по обвинению Д. и Т.Л. с его участием, 16 марта 2021 г. необоснованно принял заявку... об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 12.00 час. 17 марта 2021 г. для осуществления защиты П., а в связи с задержкой в проведении процессуальных действий с участием П., не являвшихся неотложными, необоснованно по своему усмотрению отдал предпочтение участию в нем перед судебным заседанием Т. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела в отношении Д. и Т.Л.

Таким образом, 17 марта 2021 г. судебное заседание Т. районного суда не

состоялось по вине адвоката Ш., который в нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката в отсутствие уважительных причин не явился в это судебное заседание, тем самым не выполнил свою профессиональную обязанность и проявил неуважение к суду.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Ш. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание как его умышленный характер, так и то, что адвокат Ш. нарушение допустил впервые, признал его. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренно-

му п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение им ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в том, что адвокат Ш. не явился 17 марта 2021 г. в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по уголовному делу... в отношении Д. и Т.Л., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, необоснованно отдав предпочтение участию в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в производстве процессуальных действий по уголовному делу... находящемуся в производстве СЧ СУ УМВД России по К. области.

2.6. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку выдвинутое судьей дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката от защиты, выразившемся в отказе от выступления в судебном заседании при обсуждении ходатайства прокурора о продлении срока содержания подсудимого под стражей, не нашло подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием адвоката Ш., представителя адвоката Ш., адвоката М. ...рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи Т. областного суда Б. от 5 марта 2021 г. ...в отношении адвоката Ш.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 июня 2021 г. адвокатом Ш. допущено нарушение взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добро-

совестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя...») и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя... в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в отказе адвоката Ш. 3 февраля 2021 г. в заседа-

нии В. межрайонного суда Т. области от высказывания своей позиции по ходатайству государственного обвинителя о необходимости продления его подзащитному подсудимому М.Д. срока содержания под стражей.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился. Считает Заключение ошибочным, поскольку оно противоречит существу защиты обвиняемых. Поддержал свои ранее поданные письменные возражения на Заключение.

На вопрос членов Совета о причине непосещения им подзащитного М.Д. в период отложения дела 22 января 2021 г. вплоть до дня судебного заседания 3 февраля 2021 г. адвокат Ш. ответил: *«Я действительно приехал в ИВС перед судебным заседанием 3 февраля 2021 г. для того, чтобы с ним посоветоваться. Нам не было необходимости долго совещаться, достаточно было полчаса общения, поэтому я приехал в ИВС с утра, перед судебным заседанием, когда для этого было достаточно времени. Эти консультации не требовали какого-то длительного времени и обдумывания, и поэтому я не считал нужным для консультации приезжать в предыдущие дни, а совместил это с датой судебного заседания, которое было назначено на 14 часов. И так уже делал в предыдущие заседания. Этого времени вполне хватало».*

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката Ш. поступили возражения на Заключение Квалификационной комиссии на 10 листах с приложением заявления М.Д. от 5 марта 2021 г. и фрагмента протокола судебного заседания В. межрайонного суда Т. области от 3 февраля 2021 г.

В «Возражениях» адвокат Ш. просит прекратить дисциплинарное производ-

ство, возбужденное на основании частного постановления судьи Т. областного суда Б. от 5 марта 2021 г., как «незаконное и необоснованное, посягающее на независимость адвоката и препятствующее адвокатской деятельности в РФ». Указывает, что его доверитель полностью доволен качеством его работы, что подтверждается его письменным заявлением, а постановление районного суда от 3 февраля 2021 г. о продлении срока содержания обвиняемого под стражей было отменено судом апелляционной инстанции как незаконное и необоснованное. Квалификационной комиссией не был установлен и описан факт причинения кому-либо ущерба от его (адвоката Ш.) действий и, соответственно, не установлен обязательный признак объективной стороны дисциплинарного проступка, что говорит об отсутствии события дисциплинарного проступка. И даже если действия адвоката содержат формальные признаки какого-либо дисциплинарного проступка, но отсутствует ущерб кому-либо, то за такие действия адвокат не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

В «Возражениях» также указывается, что адвокат Ш. в этом деле в очередной раз столкнулся с систематическим нарушением прав адвокатов и их доверителей сотрудниками конвойной службы полиции. Нарушая права обвиняемых на получение квалифицированной юридической помощи, включая право на свидание с защитником в условиях ИВС, они *«выдвигают новые непредусмотренные законом условия для свидания с доверителем (например, оформление повторного ордера, и прочее)».*

Адвокат Ш. указывает, что по его жалобам было вынесено несколько решений Верховного Суда РФ и других судов, которыми такие действия сотрудников конвойной службы признаются

незаконными. В обоснование своей позиции он также ссылается на решения ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ.

Описав далее обстоятельства защиты доверителя М.Д., адвокат Ш. перечисляет нарушения, допускаемые сотрудниками конвойной службы ОМВД «...», а также указывает, что его многочисленные мотивированные обращения по этому поводу в органы прокуратуры и МВД РФ не имели успеха.

В ходе рассмотрения в суде ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей обвиняемому М. возможность для конфиденциального общения с ним не была предоставлена ни в ИВС, ни в зале судебного заседания или конвойном помещении суда, несмотря на неоднократные просьбы об этом. Поэтому М., лишенный возможности получить помощь адвоката, не высказал свою позицию по ходатайству гособвинителя и просил адвоката Ш. поддержать его позицию по этому вопросу и также не высказываться по существу ходатайства прокурора, что не противоречит закону. Адвокат Ш. отмечает, что в сложившейся ситуации было неизвестно, желает или не желает возражать его доверитель против продления срока содержания под стражей, имеет ли он возможность внести залог, хочет ли ходатайствовать о домашнем аресте, и если да, то по какому адресу. Не имея данной информации, адвокат Ш. заявил суду о невозможности высказать позицию по существу ходатайства государственного обвинителя.

Т. областной суд в апелляционном порядке отменил постановление о продлении срока содержания под стражей для М.Д. в связи с нарушением его права на защиту, однако при этом указал, что адвокат Ш. самоустранился от защиты обвиняемого, чем нарушил законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. По мнению

судьи Б., адвокат, вопреки закону, не возражал против требований государственного обвинителя и не привел благоприятные для подзащитного мотивы. Таким образом, вина за нарушения закона В. межрайонным судом Т. области и сотрудниками полиции была возложена на адвоката, обвиненного в нарушении закона и Кодекса профессиональной этики адвоката, с чем адвокат Ш. категорически не может согласиться. Считает, что Квалификационной комиссией были неправильно установлены фактические обстоятельства дела. Из представленного протокола судебного заседания от 3 февраля 2021 г. следует, что М.Д. не смог получить помощь защитника, поскольку конвойная служба полиции в зале суда незаконно запретила ему общаться с адвокатом Ш. письменными документами конфиденциально. Кроме того, суд первой инстанции отказался реагировать на эти незаконные действия конвоя и вопреки требованиям ст. 15 и 16 УПК РФ не обеспечил подсудимому получения в перерыве судебного заседания юридической помощи защитника.

Обязанность адвоката Ш. как защитника подсудимого – поддержать позицию своего доверителя. Отказ подсудимого от высказывания своей позиции по ходатайству гособвинителя о продлении срока содержания его под стражей не противоречит закону, поскольку это право обвиняемого, а не обязанность. Тем самым возникла обязанность адвоката Ш. поддержать эту позицию доверителя в его интересах, что и было сделано, и привело к желаемому для доверителя результату – отмене незаконного и необоснованного постановления о продлении срока его содержания под стражей. Суд апелляционной инстанции был вынужден признать, что имеет место существенное нарушение права на защиту подсудимого М.Д.

При этом адвокат Ш. не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что действия сотрудников ИВС затрагивают только его право на свидание с доверителем, и эти действия могут быть обжалованы в отдельном процессе. Он также не согласен с толкованием Комиссией позиций ЕСПЧ, касающихся нарушений ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Представитель адвоката Ш., адвокат М., в заседании Совета поддержала позицию своего доверителя и просила Совет обратить внимание на следующее.

По мнению адвоката М., *«руками адвокатского сообщества поставили цель окоротить строптивого и очень принципиального адвоката»* Ш. Полагает, что адвокат по общему правилу обязан выступать с возражениями по ходатайству о продлении меры пресечения. Однако, по мнению адвоката М., он не может этого сделать в единственном случае: если получил прямой запрет от своего доверителя выступать по этому вопросу. В своем обращении от 5 марта 2021 г. его подзащитный М.Д., наряду с другими лестными характеристиками деятельности адвоката Ш., пишет: «Он всегда точно озвучивает мою позицию по делу». Исходя из этого утверждения, следует презюмировать, что адвокат Ш. выполнял требования своего подзащитного, избравшего такую позицию. Следует также констатировать и то, что, избрав такую позицию, они добились отмены неправосудного решения суда первой инстанции по мере пресечения, и, возможно, это было их целью. Суд апелляционной инстанции, отменяя незаконное судебное решение, возложил ответственность за незаконность судебного акта суда первой инстанции на адвоката. Однако требование об обеспечении конфиденциальности обще-

ния М.Д. со своим защитником не было обеспечено именно судом ни в зале суда, ни в ИВС.

По мнению адвоката М., придя в ИВС, адвокат не обязан каждый раз предъявлять новый ордер. Такое требование имеет своей целью и умалить роль адвоката и свести роль адвокатского ордера до пустой бумажки. Ордера должны быть документами строгой отчетности, и выписывать их «пачками» непозволительно, тем более на одну стадию процесса. У каждого лица, содержащегося под стражей, есть личное дело, и оно сопровождает его повсюду: и в ИВС, и в СИЗО, и должностные лица хорошо осведомлены о наличии там ордера адвоката. При этом именно адвокат Ш. многократно добивался решений Верховного Суда России и других судов, в частности, В. областного суда, об избыточности такого требования. В. областной суд признал это требование воспрепятствованием адвокатской деятельности. И именно невозможность конфиденциального общения вынудила подсудимого М.Д. запретить своему адвокату выступать.

По мнению адвоката М., конечная цель частного постановления в отношении адвоката Ш. – лишить М.Д. защиты независимым и эффективным адвокатом, а не восстановить его права. При этом хотят убрать этого адвоката руками адвокатского сообщества.

Изучив и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет признает фактические обстоятельства дела правильно установленными Квалификационной комиссией, однако не соглашается с ее выводом, исходя из следующего.

Установлено, что адвокат Ш. с 3 сентября 2020 г. в В. межрайонном суде Т. области осуществлял защиту подсуди-

мого М.Д. 22 января 2021 г. в судебном заседании государственным обвинителем было заявлено ходатайство о продлении М.Д. срока содержания под стражей. В этот же день подсудимым М.Д. и его защитником Ш. было заявлено ходатайство об отложении судебного разбирательства для согласования позиции по ходатайству прокурора. Протокольным решением суда данное ходатайство было удовлетворено, и для предоставления возможности защитнику согласовать свою позицию с подсудимым суд объявил перерыв в судебном заседании до 14.00 час. 3 февраля 2021 г.

Адвокат Ш. предпринял попытку встретиться со своим подзащитным 3 февраля 2021 г., в 11.00 час., то есть в день, на 14.00 час. которого было назначено продолжение судебного разбирательства. При этом адвокат Ш. в очередной раз не был допущен в ИВС МО МВД России «...» по причине своего отказа в повторном представлении ордера, подтверждающего его полномочия защитника М.Д., поскольку такой ордер имелся в личном деле М.Д.

В судебном заседании 3 февраля 2021 г. защитником Ш. было вновь заявлено ходатайство об отложении судебного заседания, поддержанное его подзащитным М.Д., для предоставления возможности конфиденциального общения адвоката с доверителем, в удовлетворении которого судом было отказано со ссылкой на достаточность ранее предоставленного защитнику времени для согласования позиции с подзащитным М.Д. в отношении ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей.

Как следует из протокола судебного заседания по уголовному делу... по обвинению М.Д., последний заявил, что не может высказать позицию по существу ходатайства государственного обвинителя, не получив необходимую

ему консультацию защитника, а также из-за плохого самочувствия, и просил суд отложить решение данного вопроса. После этого на предложение суда защитнику Ш. высказать свою позицию по заявленному государственным обвинителем ходатайству о продлении срока содержания под стражей, адвокат Ш. указал, что *«не имеет возможности высказаться, не зная позиции своего доверителя»*. Суд удалился в совещательную комнату, по выходу из которой огласил постановление от 3 февраля 2021 г. о продлении подсудимому М.Д. срока содержания под стражей на три месяца.

Апелляционным постановлением Т. областного суда от 5 марта 2021 г. постановление В. межрайонного суда Т. области от 3 февраля 2021 г. было отменено, и материал направлен на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе. Т. областным судом было указано на нарушение права на защиту подсудимого М.Д. как судом первой инстанции, не обеспечившей реализацию его права на конфиденциальную консультацию защитника, так и адвокатом Ш., который, по мнению суда, злоупотребил своими полномочиями защитника и самоустранился от осуществления защиты путем отказа от высказывания своей позиции по вопросу, касающемуся ограничения конституционных прав подзащитного.

Квалификационная комиссия согласилась с выдвинутым заявителем дисциплинарным обвинением и вынесла заключение о нарушении адвокатом Ш. взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, которое, по мнению Комиссии, выразилось в отказе адвоката 3 февраля 2021 г. в заседании В. межрайонного суда Т. области от выска-

звания своей позиции по ходатайству государственного обвинителя о необходимости продления подсудимому М.Д. срока содержания под стражей.

С этим выводом Комиссии Совет согласиться не может.

Подпунктом 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлена обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Поскольку данное предписание закона является обеспечительным по своему назначению и имеет объектом охраны права и интересы доверителя, то по сложившейся дисциплинарной практике только ему, вступившему в фидуциарные договорные отношения с адвокатом на основании соглашения об оказании юридической помощи, предоставлено право оценивать качество исполнения адвокатом этой обязанности.

Между тем в материалах настоящего дисциплинарного дела отсутствуют данные о наличии у доверителя адвоката Ш. – М.Д. каких-либо претензий к оказываемой ему адвокатом правовой помощи, в том числе и в судебном заседании 3 февраля 2021 г. Напротив, доверитель М.Д. письменно подтвердил, что полностью удовлетворен работой своего защитника. Так, в его заявлении в Адвокатскую палату города Москвы от 5 марта 2021 г. сказано: *«Претензий к работе адвоката не имею, он качественно и квалифицированно оказывает мне юридическую помощь и защищает мои права».*

При указанных обстоятельствах Совет признает недопустимой и безосновательной квалификацию рассматриваемых действий адвоката Ш. в судебном заседании 3 февраля 2021 г., согласованных с доверителем, как нарушение

подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По той же причине эти действия адвоката Ш. ошибочно признаны Комиссией нарушающими требования п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя...»).

Совет в рассматриваемом аспекте не может согласиться с мнением Квалификационной комиссии о том, что практикой Европейского Суда по правам человека признается безусловная обязанность государства контролировать действия или бездействие защитника, его способность эффективным образом представлять интересы обвиняемого. Вопреки этому мнению, в решениях ЕСПЧ, как приведенных в Заключение, так и в иных (дела «Камасинский против Австрии», «Альварес Санчес против Испании», «Рутковски против Польши», «Ананьев против Российской Федерации»¹, «Рожков против Российской Федерации»², «Чекалла против Португалии», «Орлов против Российской Федерации»³, и др.), речь преимущественно идет об оценке профессионального поведения адвока-

¹ См.: Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев против Российской Федерации» (Ananyev v. Russia) от 30 июля 2009 г., жалоба № 20292/04 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 11.

² См.: Постановление Европейского Суда по делу «Рожков против Российской Федерации» (Rozhkov v. Russia) от 19 июля 2007 г., жалоба № 64140/00 // Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 4.

³ См.: Постановление Европейского Суда по делу «Орлов против Российской Федерации» (Orlov v. Russia) от 21 июня 2011 г., жалоба № 29652/04 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 1.

тов, вступивших в дела по назначению властей, что и дает заявителям жалоб в ЕСПЧ повод предъявлять претензии государству, обеспечивавшему им юридическую помощь. При этом Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что *«осуществление защиты представляет собой вопрос взаимоотношений обвиняемого и защитника»*, тогда как соответствующие национальные органы обязаны вмешаться только в том случае, если ошибка назначенного адвоката очевидна или на нее обращают их внимание иным образом (см. Постановления ЕСПЧ по делам «Камасинский против Австрии», «Дауд против Португалии», «Сабиров против Российской Федерации»⁴). По этой причине Совет соглашается с доводом адвоката Ш., указавшего в своих «Возражениях», что: *«В отношении адвокатов, которые защищают обвиняемого по соглашению об оказании юридической помощи, контроль за недостатками работы адвоката Судом возлагается на самих обвиняемых, которые согласны с действиями адвоката...»*.

В связи с изложенными обстоятельствами Совет приходит к выводу о том, что, во-первых, заявитель в настоящем дисциплинарном производстве – судья Т. областного суда Б., не являющийся доверителем адвоката Ш., не наделен правом выдвигать дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. *«фактически самоустранился от осуществления защиты»*, и при этом *«ненадлежащее исполнение адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М.Д. нарушило право на защиту последнего»*, а, во-вторых, противоположная позиция самого М.Д., высказанная им как в судебном заседа-

нии, так и в письменном заявлении в Адвокатскую палату города Москвы, свидетельствует о необоснованности этого обвинения.

Совет также напоминает, что Конституционный Суд РФ в Определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал: *«Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»*).

Давая оценку дисциплинарному обвинению в нарушении адвокатом Ш. требования ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя... в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), выразившемся, согласно Заключению Квалификационной комиссии, в *«отказе адвоката Ш. 3 февраля 2021 г. в заседании В. межрайонного суда Т. области от высказывания своей позиции по*

⁴ См.: Постановление Европейского Суда по делу «Сабиров против Российской Федерации» (Sabirov v. Russia) от 11 февраля 2010 г., жалоба № 13465/04 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 8.

ходатайству государственного обвинителя о необходимости продления его подзащитному подсудимому М.Д. срока содержания под стражей», Совет приходит к следующему выводу.

Оценка профессионального поведения адвоката Ш. в данной части должна даваться с учетом всей совокупности существенных обстоятельств, правильно установленных Квалификационной комиссией. Адвокатом Ш. предпринимались неоднократные и активные попытки оказать надлежащую помощь своему доверителю М.Д., в том числе и для выработки позиции по существу заявленного государственным обвинителем ходатайства о продлении срока содержания под стражей. Так, из протокола судебного заседания В. межрайонного суда Т. области под председательством судьи У. по уголовному делу... видно, что подсудимый М.Д. не менее 20 раз в течение двух судебных заседаний, 15 и 22 января 2021 г., безуспешно пытался обратить внимание председательствующего на необходимость проконсультироваться со своим защитником: *«Подсудимый на вопрос председательствующего: Я вам пока не могу сказать, потому что не получил юридическую помощь, мне надо посоветоваться, как посоветуюсь, так вам и отвечу (стр. 9); Я вам уже сказал, что мне надо пообщаться с адвокатом, получить юридическую помощь (стр. 10); Ну как я могу выразить свое мнение, если я не проконсультирован, мне же нужно проконсультироваться, обсудить позицию. Всё должно быть по закону (стр. 12); Я пока не поговорю с адвокатом, ни на какие вопросы я вам не отвечу. Я должен обсудить со своим адвокатом свою позицию (стр. 12); Подсудимый на предложение председательствующего задать вопросы потерпевшему: Вопросы задам после консультации своего адвоката. Вопросов*

много (стр. 17); Вопросы задать желаю, но мне надо проконсультироваться с адвокатом. У меня и к потерпевшему, и к потерпевшей вопросов много, но надо консультацию получить (стр. 26); Не имею возможности ответить на вопрос суда. Только после консультации моего адвоката (стр. 44)», и т.п.

При этом намерения подсудимого получить предусмотренную законом помощь защитника расценены судом как нарушение порядка ведения судебного заседания, о чем свидетельствует следующий фрагмент протокола:

«Подсудимый на вопрос председательствующего: В настоящий момент я желаю получить консультацию адвоката. А как я могу задать вопрос, если вы мне не дадите поговорить с адвокатом.

Председательствующий предупреждает подсудимого о недопустимости нарушения порядка судебного заседания (стр. 26)».

На неоднократные попытки защитника Ш. получить согласие суда хоть в какой-то форме проконсультировать доверителя по поводу возникающих у него в ходе процесса вопросов, также следовали неизменные отказы суда. Так, в ответ на ходатайство об отложении судебного заседания, предоставлении перерыва для конфиденциального общения с подзащитным и об обеспечении такой возможности либо в здании суда, либо в ИВС (стр. 4–5) суд постановил: *«Отказать в удовлетворении ходатайства защитника Ш. и подсудимого М.Д. о предоставлении М.Д. возможности получить квалифицированную помощь его защитника в зале судебного заседания, в ходе судебного заседания и ИВС в перерывах судебного заседания на конфиденциальной основе, в том числе посредством обмена с адвокатом письменными документами, как необоснованное» (стр. 6).*

Аналогичные решения принимались судом неоднократно, в том числе вопреки позиции прокурора.

Так, на вопрос председательствующего: «...Ходатайствуете об объявлении перерыва для предоставления вам возможности конфиденциального общения?»

Защитник: Да, конечно, я заявлял об этом. Мне необходимо оказать юридическую помощь и конфиденциально пообщаться с моим подсудимым в данном судебном заседании. Поэтому прошу обеспечить такую возможность сейчас, сегодня и в дальнейшем судебном заседании и также поясняю, что в принципе на сегодняшний день мне достаточно 15–20 минут в надлежащих условиях пообщаться с моим подсудимым...

Государственный обвинитель: Думаю, им надо пообщаться...

Суд на месте постановил: с учетом длительности нахождения уголовного дела в производстве суда, достаточности времени общения защитника с подсудимым и согласования позиции с подсудимым до начала судебного заседания, отказать защитнику Ш. и подсудимому М.Д. в удовлетворении ходатайства об объявлении перерыва в судебном заседании (стр. 7–8).

Суд систематически не позволял защитнику оказывать правовую помощь своему доверителю. Так:

«...Защитник на вопрос председательствующего: Я действительно поддерживаю, что подсудимому надо дать возможность получить юридическую помощь конфиденциально, если подсудимому необходима помощь адвоката, то конечно нужно предоставить... Суд на месте определил: с учетом длительности нахождения дела в производстве суда и достаточного времени для согласования позиции подсудимого и защитника, отказать в удовлетворении хода-

тайства о предоставлении перерыва в судебном заседании для возможности согласования позиции подсудимого с защитником (стр. 20)...

...Защитник: Прошу объявить перерыв и предоставить мне возможность для свидания с подсудимым М.Д. наедине и конфиденциально либо в здании суда, либо в ИВС, либо в другом месте для оказания юридической помощи и согласования позиции перед судебным заседанием... Суд на месте постановил: с учетом длительности нахождения уголовного дела в производстве суда, достаточности времени для ознакомления с материалами дела и согласования позиции защитника с подсудимым до начала судебных заседаний, отказать стороне защиты в удовлетворении ходатайства об объявлении перерыва в судебном заседании (стр. 37–38).

С учетом сложившейся в судебном заседании ситуации, подтвержденной содержанием протокола судебного заседания, и следует, по мнению Совета, оценивать события в судебном заседании 3 февраля 2021 г., когда, как и неоднократно ранее, председательствующим судьей были отвергнуты попытки подсудимого получить правовую помощь защитника, а адвоката Ш. – оказать такую («Суд на месте постановил: в удовлетворении ходатайства стороны защиты об объявлении перерыва в судебном заседании для обеспечения конфиденциального общения защитника с подсудимым отказать, с учетом длительности нахождения уголовного дела в суде, а также с учетом даты прошлого судебного заседания и достаточности времени для согласования позиции защитника с подсудимым до начала судебного заседания» (стр. 44)).

В сложившейся ситуации одной из основных и при этом совершенно правомерных целей стороны защиты было добиться от суда создания условий для

оказания адвокатом Ш. своему доверителю М.Д. квалифицированной юридической помощи, и их действия были подчинены именно достижению этой цели. Требовалось проведение конфиденциальных консультаций подзащитного либо в ИВС, где он содержался в период судебного разбирательства, либо непосредственно в суде, о чем настойчиво и многократно заявлялось судье У., которая эти просьбы раз за разом игнорировала.

Ситуация не изменилась и в ходе рассмотрения в судебном заседании ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей подсудимому М.Д. Так, в протоколе судебного заседания указано:

«Председательствующий выясняет мнение защитника и подсудимого по ходатайству государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей.»

Защитник: Я высказался.

(Председательствующий): Мнения есть у вас?

Защитник: Я не имею возможности высказаться, не зная позицию своего доверителя.

Подсудимый: Не имею возможности ответить на вопрос суда, только после консультации моего адвоката.

...Председательствующий объявляет об удалении в совещательную комнату для вынесения постановления (стр. 45).»

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что высказывание адвоката Ш. (*«не имею возможности высказаться, не зная позицию своего доверителя»*), в сочетании с очередным заявлением подсудимого суду о необходимости *«консультации моего адвоката»*, является не отказом изложить свою позицию и тем более не самоустранением от защиты и приведения доводов в пользу подзащитного, а кон-

статацией невозможности это сделать в силу воспрепятствования деятельности защитника и нарушения права подсудимого на защиту со стороны суда, что подтвердил и суд апелляционной инстанции. Такая позиция адвоката Ш. одновременно являлась и продолжением попыток процессуальными средствами добиться предоставления возможности надлежащего конфиденциального общения обвиняемого с адвокатом путем объявления перерыва.

То обстоятельство, что и в данном случае законные требования подсудимого и его защитника об обеспечении права на защиту остались без должного реагирования суда, вместо этого удалившегося для вынесения постановления о продлении срока содержания М.Д. под стражей, не свидетельствует о нарушении адвокатом Ш. каких-либо норм процессуального законодательства, равно как и законодательства об адвокатской деятельности и требований профессиональной этики.

При этом Совет считает необходимым подчеркнуть, что, занимая анализируемую позицию в судебном заседании 3 февраля 2021 г., адвокат Ш. руководствовался не «запретом» доверителя на высказывание позиции, а собственной профессиональной оценкой сложившейся ситуации, в которой он действительно был лишен судом возможности обсудить с доверителем, сформулировать и представить суду более конкретные доводы по существу заявленного государственным обвинителем ходатайства. В материалах дисциплинарного производства не содержится доказательств уклонения или отказа адвоката Ш. от исполнения каких-либо обязанностей защитника, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе и в судебном заседании 3 февраля 2021 г.

Совет соглашается с заявителем в оценке действий В. межрайонного суда Т. области, высказанной в апелляционном постановлении Т. областного суда от 5 марта 2021 г., где сказано, что право подсудимого М.Д. иметь предусмотренные п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ свидания с защитником наедине и конфиденциально без ограничения их продолжительности было нарушено, поскольку он не имел возможности обсудить заявленное прокурором ходатайство о продлении срока содержания под стражей с защитником. Апелляционная инстанция обоснованно констатировала факт *«лишения подсудимого возможности воспользоваться квалифицированной юридической помощью»*, вполне определенно указав виновного в этом: *«Суд первой инстанции должен был предоставить возможность консультации подсудимого с защитником»*.

Возложение ответственности за допущенное судом грубое нарушение закона на адвоката Ш., настойчиво добивавшегося соблюдения прав своего доверителя, Совет полагает недопустимым.

Что касается приведенного в Заключение Квалификационной комиссии довода о том, что *«адвокат Ш. путем предоставления дополнительного ордера имел реальную возможность обеспечить необходимую ему встречу с подзащитным в условиях ИВС...»*, то Совет, прежде всего, признает его не влияющим на правовую оценку действий адвоката Ш. в судебном заседании 3 февраля 2021 г., являющихся предметом дисциплинарного обвинения.

Кроме того, ч. 4 ст. 49 УПК РФ устанавливает, что адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера. Вступление адвоката в дело является однократным актом и не дублируется при каждом свидании с подзащитным. Адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения лишь

в случаях, предусмотренных федеральным законом (п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Требование о представлении адвокатом ордера при каждом свидании с подзащитным, содержащимся под стражей, законодательством не предусмотрено.

Как следует из материалов дисциплинарного производства (заявление адвоката Ш. от 21 октября 2020 г. на имя начальника ИВС ОМВД России «...» о приобщении к личному делу обвиняемого М.Д. ордера на защиту его интересов от 21 октября 2020 г. ... и ответ начальника МО МВД России «...» Д. от 18 февраля 2021 г. ... о том, что ордер... находится в личном деле М.Д.), для прохода в ИВС в целях посещения своего подзащитного адвокат Ш. представил ордер, и поэтому требования предъявить еще какие-либо ордера являлись незаконными. Это было особенно очевидно для адвоката Ш., ранее успешно и неоднократно добивавшегося в судебном порядке признания таких требований незаконными (см.: апелляционное определение судебной коллегии по административным делам В. областного суда от 10 июля 2018 г. № ...). Будучи уверенным в своей правоте, адвокат Ш. обоснованно обжаловал в установленном законом порядке аналогичные незаконные требования должностных лиц МО МВД России «...». В материалах дисциплинарного производства содержатся его жалобы от 3 февраля 2021 г. по этому вопросу в В. межрайонную прокуратуру Т. области, начальнику МО МВД России «...» и в В. межрайонный суд Т. области.

При таких условиях Совет не считает возможным ставить в вину адвокату Ш. неисполнение им явно незаконных требований, в том числе и в качестве способа получения доступа к подзащитному.

По указанным причинам Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной

комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства дела, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

2.7. Адвокату объявлено предупреждение за неявку без уважительных причин в судебное заседание и за непредставление суду совместно с ходатайствами об отложении судебного заседания графика своей профессиональной занятости, что повлекло за собой отложение судебного заседания.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. городского суда Р. от 1 апреля 2021 г. ...в отношении адвоката Д.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. адвокат Д. признана нарушившей:

– ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в неявке адвоката Д. без уважительных причин 19 и 23 марта 2021 г. в судебное заседание М. городского суда по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом;

– взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 12 («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), п. 1 ст. 14 («При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд...») Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в непредставле-

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. ...по обращению (частному постановлению) судьи Т. областного суда Б. от 5 марта 2021 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

нии адвокатом Д. в М. городской суд совместно с ходатайствами об отложении судебного заседания от 18 и 22 марта 2021 г. графика своей профессиональной занятости, что повлекло за собой отложение 23 марта 2021 г. судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом на 10.30 25 марта 2021 г., то есть на день, когда с участием адвоката Д. уже было назначено судебное заседание в... кассационном суде общей юрисдикции и, как следствие, отложение 25 марта 2021 г. М. городским судом судебного заседания на 14.00 в эту же дату ввиду неявки адвоката.

Одновременно с этим Квалификационной комиссией в Заключении указано о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Д., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство... о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, при

этом указав, что писать возражение на Заключение Квалификационной комиссии не будет.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося участника, поскольку ею было заявлено соответствующее ходатайство, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить правовую квалификацию действий адвоката Д.

Так, установлено, что в производстве судьи М. городского суда Р. находился материал... по рассмотрению ходатайства следователя о возбуждении перед судом ходатайства о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом. Судебное заседание по рассмотрению ходатайства было назначено на 19 марта 2021 г., в 10.30. Защитник М., адвокат Д., о дате, месте и времени судебного заседания была уведомлена судом, однако в судебное заседание не явилась, подав 18 марта 2021 г. ходатайство об отложении судебного заседания на 26 марта 2021 г. в связи с болезнью обвиняемого М., у которого открыт больничный лист, а также в связи с тем, что она была извещена о дате судебного заседания только 18 марта 2021 г., в 14.30, вследствие чего не смогла ознакомиться с материалами дела. К своему ходатайству адвокат Д. документов не приложила и график своей занятости суду не предоставила.

В связи с указанным ходатайством адвоката судебное заседание было отло-

жено на 23 марта 2021 г., тем не менее адвокат Д. и в это судебное заседание не явилась, подав 22 марта 2021 г. ходатайство о переносе судебного заседания на 27 марта 2021 г. в связи с болезнью М. и своей занятостью в других процессах. К ходатайству адвокат Д. приложила фотокопию листка нетрудоспособности М. в период с 18 по 22 марта 2021 г., где также имелась рукописная запись «...до 26.03.2021 г.», которая не была удостоверена чьей-либо подписью.

В связи с указанным ходатайством адвоката судебное заседание было отложено на 25 марта 2021 г., в 10.30. В это судебное заседание адвокат Д. также не явилась, подав 24 марта 2021 г., в 14.05, ходатайство о переносе судебного заседания на 26 марта 2021 г. в связи с болезнью М., а также своей занятостью в этот день в судебном заседании в... кассационном суде общей юрисдикции, назначенном на 12.00, приложив к ходатайству фотокопию листка нетрудоспособности М. на период с 18 по 22 марта 2021 г., где также имелась запись «...до 26.03.2021 г.», которая не была удостоверена чьей-либо подписью.

Суд частично удовлетворил ходатайство адвоката, отложив судебное заседание до 14.00 25 марта 2021 г. В указанное время в судебное заседание явились адвокат Д. и обвиняемый М.

Отвечая на вопрос председательствующего, адвокат Д. сообщила, что 25 марта 2021 г. была занята в судебном заседании... кассационного суда общей юрисдикции, назначенного на 12.20, а 19 и 23 марта 2021 г. не принимала участие в судебном заседании, поскольку ее подзащитный М. находился на больничном, при этом также сообщила, что 19 и 23 марта 2021 г. у нее не было других судебных заседаний.

В протоколе судебного заседания М. городского суда от 25 марта 2021 г. также указано, что судом по ходатай-

ству следователя была приобщена к материалу светокония листка нетрудоспособности продолжительностью до 26 марта 2021 г., выданного на имя М., а также справка из Городской поликлиники № ... города Москвы от 25 марта 2021 г. о том, что М. здоров и может принимать участие в судебном заседании и следственных действиях.

Квалификационная комиссия в своем Заключении, оценивая доводы обращения судьи М. городского суда Р., с учетом установленных фактических обстоятельств пришла к выводу, что неявки адвоката Д. в судебные заседания М. городского суда 19 и 23 марта 2021 г. по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом не были обусловлены уважительными причинами, поскольку адвокат Д. не принимала участия в иных судебных заседаниях 19 и 23 марта 2021 г. Кроме того, приняв решение не являться в судебные заседания М. городского суда, назначенные на 19 и 23 марта 2021 г., адвокат Д. в нарушение п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката не приняла мер к заблаговременному согласованию с председательствующим по делу судьей взаимоприемлемого времени нового судебного разбирательства, то есть не выполнила свою профессиональную обязанность, что и повлекло за собой назначение судебного заседания М. городского суда на один день с судебным заседанием... кассационного суда общей юрисдикции, в котором также участвовала адвокат Д.

Квалификационная комиссия также признала неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Д. в части дисциплинарного обвинения в опоздании 25 марта 2021 г. на полтора часа в судебное заседание М. городского суда (явка в 15.25 в судебное заседание, ранее отложенное на 14.00), поскольку за-

явителем не оспаривается занятость адвоката Д. в указанную дату в судебном заседании... кассационного суда общей юрисдикции, назначенном на 12.20, а доказательств наличия у адвоката фактической возможности явиться 25 марта 2021 г. после завершения судебного заседания... кассационного суда общей юрисдикции в судебное заседание М. городского суда к 14.00 не представлено. Комиссия также отметила, что о своем участии 25 марта 2021 г. в судебном заседании... кассационного суда общей юрисдикции адвокат Д. уведомила М. городской суд 24 марта 2021 г., и он имел возможность учесть это обстоятельство при отложении судебного заседания с 10.30 25 марта 2021 г. на другое время.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом Д. ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в неявке адвоката Д. без уважительных причин 19 и 23 марта 2021 г. в судебное заседание М. городского суда по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом, а также п. 1 ст. 14 («При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд...») Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в непредставлении адвокатом Д. в М. городской суд совместно с ходатайствами об отложении судебного заседания от 18 и 22 марта 2021 г. графика своей профессиональной занятости, что повлекло за собой отложение 23 марта 2021 г. судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока

содержания под домашним арестом на 10.30 25 марта 2021 г., то есть на день, когда с участием адвоката Д. уже было назначено судебное заседание в... кассационном суде общей юрисдикции и, как следствие, отложение 25 марта 2021 г. М. городским судом судебного заседания на 14.00 того же дня ввиду неявки адвоката.

Вместе с тем Совет считает излишней оценку Квалификационной комиссией этих же действий (бездействия) адвоката Д. как нарушения ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку они полностью охватываются п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, которая является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Поэтому действия (бездействие) адвоката Д., связанные с непредставлением в М. городской суд совместно с ходатайствами об отложении судебного заседания 18 и 22 марта 2021 г. графика своей профессиональной занятости, подлежат квалификации только как нарушение п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного закона).

В соответствии с п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокат и лицо, подавшее жалобу на действия (бездействие) адвоката, имеют право на объективное и справедливое ее рассмотрение».

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет принимает во внимание их умышленный характер, обусловленный очевидным пренебрежением адвокатом Д. требованиями законодательства об адвокатской деятельности, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката, а также неоднократность однородных нарушений. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Д. признала допущенные ею нарушения, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. Учитывая эти обстоятельства, Совет полагает необходимым применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

– применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве...

адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в неявке адвоката Д. без уважительных причин 19 и 23 марта 2021 г. в судебное заседание М. городского суда по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом и п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката («При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд...»), что выразилось в непредставлении адвокатом Д. в М. городской суд совместно с ходатайствами об отложении судебного заседания от 18 и 22 марта 2021 г. графика своей профессиональной занятости, что повлекло за собой отложе-

ние 23 марта 2021 г. судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому М. срока содержания под домашним арестом на 10.30 25 марта 2021 г., то есть на день, когда с участием адвоката Д. уже было назначено судебное заседание в... кассационном суде общей юрисдикции и, как следствие, отложение 25 марта 2021 г. М. городским судом судебного заседания на 14.00 в эту же дату ввиду неявки адвоката;

– прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по обращению судьи М. городского суда Р. от 1 апреля 2021 г. ... вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.8. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку применение к адвокату дополнительно к административной ответственности мер дисциплинарной ответственности стало бы возложением на него двойной публично-правовой ответственности за одно и то же деяние, что является недопустимым и неприемлемым в правовом государстве.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 23 марта 2021 г. ...основанному на информации начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве П. от 10 февраля 2021 г. ...в отношении адвоката М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката М. ...возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве от 23 марта 2021 г. № 77/08-15109, основанному на информации начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН РФ по

городу Москве П. от 10 февраля 2021 г. ...необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве Е., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, заявила 17 августа 2021 г. письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного дела в ее отсутствие, в котором также сообщила, что поддерживает в полном объеме доводы представления... Кроме того, представила в Совет Адвокатской палаты города Москвы «Возражения на заключение Квалификационной комиссии Адвокат-

ской палаты г. Москвы от 23.06.2021 по дисциплинарному делу в отношении адвоката М.»... (содержание которого будет приведено далее).

Адвокат М. в заседание Совета не явился, письменно сообщил... что с Заключением Квалификационной комиссии полностью согласен; возражения заявителя от 28 июля 2021 г. на указанное Заключение считает необоснованными, не основанными на законе и Кодексе профессиональной этики адвоката и не подлежащими удовлетворению. В связи с занятостью на следственных действиях просил провести заседание Совета Адвокатской палаты города Москвы по рассмотрению дисциплинарного производства без его участия.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело при имеющейся явке.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, 29 марта 2021 г. в Адвокатскую палату города Москвы из Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве поступило представление от 23 марта 2021 г. ...основанное на информации начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН РФ по городу Москве П. от 10 февраля 2021 г. ...в котором поставлен вопрос о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. в связи с нарушением им норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившихся в нарушении ч. 1 ст. 18

Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в соответствии с которой защитнику запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись.

Постановлением Г. районного суда города Москвы от 1 октября 2020 г. адвокат М. за эти действия привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере 1 000 рублей, который адвокат М. оплатил 2 октября 2020 г. Суд признал, что им было совершено неповиновение законному распоряжению сотрудника учреждения уголовно-исполнительной системы при исполнении им обязанностей по обеспечению безопасности и охране этих учреждений, поддержанию в них установленного режима, охране и конвоированию осужденных (подозреваемых, обвиняемых), выразившееся в обнаружении и изъятии у адвоката М. 13 июля 2020 г. в ходе его досмотра сотрудником администрации при проходе через КПП ФКУ СИЗО-... УФСИН РФ по городу Москве запрещенных к проносу на территорию СИЗО предметов: мобильного телефона REDMI, зарядного устройства для мобильного телефона и наушников к телефону. Эти действия квалифицированы судом как административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 19.3 КоАП Российской Федерации.

При разрешении настоящего дисциплинарного производства Совет, как и Квалификационная комиссия, исходит из наличия указанного судебного решения, вступившего в законную силу.

В то же время Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в представле-

нии Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве от 23 марта 2021 г. ...отсутствуют указания на какие-либо иные действия (бездействие) адвоката М., которым не была дана правовая оценка вступившим в законную силу указанным выше постановлением Г. районного суда города Москвы от 1 октября 2020 г. Иными словами, в представлении при таких обстоятельствах не указаны действия, которые требуют оценки органами адвокатского самоуправления в процедуре дисциплинарного производства.

В случае, если конкретные действия (бездействие) адвоката уже получили свое окончательное разрешение в рамках какой-либо иной юрисдикции, в том числе в решении суда по делу об административном правонарушении, то дисциплинарные органы адвокатского самоуправления лишены законной возможности повторной оценки тех же самых действий на предмет наличия оснований для дисциплинарной ответственности данного адвоката, поскольку в таких случаях указанные органы не вправе реализовать свою компетенцию по установлению факта наличия либо отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, определенную специальным Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 9 п. 3 ст. 31, п. 7 ст. 33) и принятым на его основе Кодексом профессиональной этики адвоката (ст. 19, 23, 24), поскольку эти же самые обстоятельства уже были признаны установленными вступившим в законную силу судебным решением.

С таким подходом не согласился заявитель, Главное управление Министерства юстиции РФ по городу Мо-

скве, направивший, как отмечено выше, в Совет Адвокатской палаты города Москвы «Возражения на заключение квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 23.06.2021 по дисциплинарному делу в отношении адвоката М.»... Считая, что дисциплинарное дело следует вернуть Квалификационной комиссии для нового разбирательства, представитель заявителя указал, что, по его мнению, Комиссия фактически самоустранилась от исполнения своих обязанностей по объективному рассмотрению представления и, установив факт нарушения адвокатом М. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, не дала надлежащей оценки данному факту с точки зрения вопроса о соблюдении адвокатом требований Кодекса профессиональной этики адвоката.

Автор «Возражений» не соглашается с применением в рассматриваемом случае правила *non bis in idem*, ссылаясь на фрагмент Разъяснения ФПА РФ «По вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утв. Протоколом Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 3), а именно (сноски опущены):

«2.2. Общеизвестный принцип римского права *non bis in idem* (никто не должен нести двойное наказание за одно преступление) раскрывается правоведами применительно к такому принципу юридической ответственности, как принцип справедливости...

Данный правовой принцип указывает на невозможность дважды привлечь к ответственности одного вида. При этом отсутствует запрет на привлечение лица за совершение одного деяния к разным видам ответственности. В частности, к дисциплинарной и к уголовной ответственности, а также к дисциплинарной, административной или уголовной от-

ветственности и к материальной ответственности (например, п. 32 Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ, утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495...).

О возможности различных видов ответственности за совершение одного деликта свидетельствует также наличие института гражданского иска в уголовном процессе.

Данный довод находит подтверждение также и в научной литературе, в которой приводятся следующие аргументы:

– одни и те же действия могут одновременно нарушать как установленную в организации или профессиональном сообществе дисциплину, так и общественный порядок или порядок государственного управления;

– дисциплинарные, административные и уголовные санкции имеют различную целевую направленность...

2.3. Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 50) устанавливает, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

Именно в этом контексте – запрет двойной ответственности одного вида за один и тот же проступок – данный правовой принцип закреплен в отраслевых кодексах РФ:

– “никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление” (ч. 2 ст. 6 Уголовного кодекса РФ);

– “никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение” (ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ).

Аналогичным образом сформулирована норма ст. 4 Протокола от 22 ноября 1984 г. № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод: “Никто не должен быть повторно наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за престу-

пление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом этого государства”.

2.4. Этот подход находит подтверждение в судебной практике. Так, Верховный Суд РФ указал на возможность одновременного привлечения к материальной ответственности по трудовому законодательству и к уголовной ответственности (определение Судебной коллегии ВС РФ по уголовным делам от 5 февраля 2014 г. № 18-УДП13-2...).

Суд Фрунзенского района г. Иваново в решении от 15 октября 2014 г. по делу № 2-3723/14 указал, что Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” (п. 1 ст. 17) и КПЭА не исключают возможность применения одновременно за одно и то же нарушение меры как уголовно-правовой, так и дисциплинарной ответственности (копия судебного решения приложена к письму АП Ивановской области от 8 октября 2015 г. в адрес ФПА РФ).

2.5. Высший орган адвокатского самоуправления – Всероссийский съезд адвокатов – 22 апреля 2013 г. принял Обращение “О соблюдении правил профессиональной этики”, в котором особо подчеркнул, что к профессиональным обязанностям адвоката относится не только его деятельность, непосредственно связанная с оказанием юридической помощи доверителю по конкретным поручениям. Круг обязанностей адвоката, присущих его профессии, существенно шире и включает в себя целый комплекс иных профессиональных обязанностей: соблюдение положений законодательства об адвокатуре и процессуального законодательства, норм профессиональной этики адвоката, а также решений органов адвокатского самоуправления, составной частью которых является требование соблюдения закона».

При разрешении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. Совет, как и Квалификационная комиссия, действительно следует универсально международно-признанному принципу *non bis in idem* (недопустимость повторного наказания за содеянное), получившему директивное закрепление как в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, так и в отдельных нормах кодифицированного законодательства: ч. 2 ст. 6 Уголовного кодекса РФ, ч. 5 ст. 4.1 Кодекса РФ об административных нарушениях, ч. 2 ст. 108 Налогового кодекса РФ. Данный принцип закреплен и в актах международного права, а именно в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 1 ст. 4 Протокола № 7 от 22 ноября 1984 г. к Конвенции).

Известное еще со времен древнеримского права правило *non bis in idem* использовалось и в дисциплинарной практике присяжных поверенных царской России. Отстаивая свое право самостоятельно решать вопрос о наказании членов сообщества, советы присяжных поверенных при этом исходили из нецелесообразности двойной ответственности. Так, в сборнике А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (М., 1913) приведены подобные примеры из решений, выносившихся по итогам дисциплинарных разбирательств:

– «Но явилось бы юридической неправомерностью рассмотрение одного и того же проступка разными судами в одном и том же порядке, уголовном или дисциплинарном: в этом случае могли бы столкнуться два различных приговора, и за один проступок лицо могло бы подвергнуться двойному наказанию. Это было бы нарушением основных процессуальных законов и справедливости» {32};

– дисциплинарное производство Совета может возникнуть лишь там, где проступок присяжного поверенного вызывает необходимость в применении к нему более высокой меры, чем та, которая предоставлена власти председателя (суда. – *Примечание Совета*). В данном случае председательствующий из двух мер, бывших в его распоряжении, применил низшую, т.е. признал таковую исчерпывающею. Совет усматривает, что при таких обстоятельствах присяжный поверенный понес всю полноту дисциплинарного взыскания, а потому не может вновь привлекаться за то же действие к дисциплинарному же производству {95}.

Аналогичного подхода дисциплинарные органы адвокатской корпорации придерживаются и в своей современной деятельности. Например, производство, также возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве, было прекращено, поскольку Совет и Квалификационная комиссия исходили из того, что «...одни и те же фактические обстоятельства не могут быть предметом одновременного исследования в двух видах публичного юрисдикционного процесса – дисциплинарном и уголовном. Уголовное судопроизводство как влекущее для лица наиболее серьезные ограничения прав и свобод имеет безусловный приоритет над иными видами юрисдикционного судопроизводства, включая дисциплинарное» (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 4–6(102–104). С. 73. См. также: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 7–9(105–107). С. 59; «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2016. Выпуск № 1(131). С. 43–44).

Подобный подход признается и поддерживается также и судебной прак-

тикой высших судов. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 5 февраля 2014 г. № 18-УДП13-2, приведенном в Разъяснении ФПА РФ «По вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката», на которое ссылается заявитель, говорится: «В предмет трудовых отношений, безусловно, входит материальная ответственность работника в сфере труда. Однако если работником в процессе осуществления трудовой деятельности совершено деяние, содержащее признаки преступления, то в соответствии со ст. ст. 20 и 144 УПК РФ данное деяние приобретает публичный характер, и юридическая оценка ему должна быть дана исключительно по результатам уголовного судопроизводства».

Что же касается иного примера, также приводимого в «Возражениях» как иллюстрация «возможности применения одновременно за одно и то же нарушение меры как уголовно-правовой, так и дисциплинарной ответственности», то Совет в первую очередь обращает внимание автора «Возражений» на то, что данный абзац со ссылкой на решение суда Фрунзенского района г. Иваново от 15 октября 2014 г. по делу № 2-3723/14 отсутствует в действующей редакции Разъяснения ФПА РФ (см.: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/the-explanation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-on-ethics-and-standards-in-the-application-/>). При этом изучение содержания самого решения суда показало, что уголовное дело в отношении адвоката Б. было прекращено на основании ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», и только после этого он был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката на основании представления вице-президента региональной

адвокатской палаты. Таким образом, в приведенном примере не было двойного наказания за одно и то же деяние.

Кроме того, Совет обращает внимание автора «Возражений» на то, что, хотя норма Конституции РФ, изложенная в ч. 1 ст. 50, по ее буквальному толкованию, действительно распространяется на случаи привлечения лица к уголовной ответственности, Конституционный Суд РФ не раз отмечал: это не означает, что Конституция РФ допускает неоднократное привлечение к административной или дисциплинарной ответственности за одно и то же деяние (см.: Постановление от 21 марта 2013 г. № 6-П). Данный запрет направлен на обеспечение правовой безопасности, правовой определенности и стабильности (см.: Постановление от 11 мая 2005 г. № 5-П).

Как известно из теории права, нормы, призванные воздействовать на правонарушителя, делятся на карательные (например, статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ), компенсационные (ст. 15 Гражданского кодекса РФ «Возмещение убытков», ст. 44 УПК РФ «Гражданский истец», ст. 238 Трудового кодекса РФ «Материальная ответственность работника за ущерб, причиненный работодателю»), восстановительные (ст. 396 Трудового кодекса РФ «Исполнение решения о восстановлении на работе» и т.п.) и воспитательные (ст. 91 Уголовного кодекса РФ «Содержание принудительных мер воспитательного воздействия»). При этом законодательство допускает применение за одно нарушение мер разной функциональной направленности: возмещение причиненного преступлением ущерба одновременно с уголовным наказанием, obligation уплатить налоговую недоимку наряду с пени и штрафом и т.д. Однако повторное воздействие карательного свойства не используется по причине его правовой недопустимости.

Соответственно, поскольку дисциплинарная ответственность адвоката, являясь по своей природе публично-правовой, не носит восстановительного характера, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что применение в отношении адвоката М. дополнительно к административной ответственности еще и мер дисциплинарной ответственности стало бы возложением на него двойной (повторной) публично-правовой ответственности за одно и то же деяние, что является недопустимым и неприемлемым в правовом государстве (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 10-П).

Эта позиция дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы подтверждается также прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека, который, признавая принцип *non bis in idem* в качестве фундаментального, указывает, что «применение этого принципа регулируется триединым условием тождества фактов, единства нарушителя и единства защищаемого правового интереса. Следовательно, согласно этому принципу «к одному и тому же лицу не может быть более одного раза применена санкция за однократное незаконное поведение, рассчитанная на защиту одного и того же правового актива» [здесь и далее выделено Советом] (см.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации», жалоба № 14939/03⁵).

Все вышеназванные три условия, позволяющие применить принцип *non bis in idem*, в ситуации с дисциплинарным производством в отношении адвоката М. полностью соблюдены. Тождество фактов, указанных в представлении Главного

управления Министерства юстиции РФ по городу Москве от 23 марта 2021 г. ... и в постановлении Г. районного суда города Москвы от 1 октября 2020 г., единство лица, в отношении которого ставится вопрос о привлечении к ответственности, во взаимосвязи с единством защищаемого правового интереса, заключающегося в обеспечении соблюдения установленного законом порядка в сфере деятельности следственных изоляторов, свидетельствуют о недопустимости возложения на адвоката М. дисциплинарной ответственности за то же действие (бездействие), за которое к нему уже применена санкция в виде денежного штрафа в порядке производства по делам об административных правонарушениях.

По этой причине Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в ситуации, когда за совершение данного правонарушения адвокат М. уже привлечен постановлением Г. районного суда города Москвы от 1 октября 2020 г. к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.3 КоАП РФ, и при отсутствии в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве от 23 марта 2021 г. ... указаний на какие-либо иные действия (бездействие) адвоката М., подлежащие оценке на предмет соответствия нормам законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, возможность оценки указанных в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве действий (бездействия) адвоката М. в рамках дисциплинарного производства отсутствует.

Совет также обращает внимание заявителя на то, что в настоящее время практика реализации правового принципа *non bis in idem* претерпела существенные изменения. Так, Европейский Суд по правам человека в уже упоминав-

⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1.

шемся Постановлении по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации» разъяснил: «...В соответствии с указанным принципом *одно и то же лицо не может нести более одного раза ответственность за одну и то же незаконную деятельность, направленную против тех же охраняемых интересов общества*».

В развитие именно такого подхода Конституционный Суд РФ дал весьма важное конституционно-правовое толкование правила *non bis in idem*, разъяснив, что «Положение статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конкретизированное федеральным законодателем применительно к сфере действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях посредством абсолютного запрета несения кем-либо административной ответственности дважды за одно и то же административное правонарушение, *распространяется и на случаи привлечения лица за содеянное одновременно к ответственности по статье данного Кодекса и к ответственности, хотя и предусмотренной отраслевыми федеральными законами, но по своей правовой природе являющейся публично-правовой, носящей, по общему правилу, карательный, а не восстановительный характер*» (см.: Постановление от 4 февраля 2019 г. № 8-П).

В Постановлении от 12 мая 2021 г. № 17-П Конституционный Суд Российской Федерации указал: «В трактовке правила *non bis in idem* Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что оно конкретизирует общий принцип справедливости, который относится и к основаниям публично-правовой ответственности, включая налоговую и административную, когда ее наступление с объективной стороны обусловлено одним и тем же деянием с теми же обстоятельствами его совершения. Это *исключает привлечение*

одного и того же лица к публично-правовой ответственности дважды за то же деяние...». При этом имеет значение родовая общность разных видов публично-правовой ответственности, которая, как полагает Конституционный Суд РФ, имеет в большей мере карательный, нежели восстановительный характер и установлена за совершение деяний, представляющих общественную опасность, при том, что ее отдельные виды во многом дополняют друг друга, будучи связаны схожими задачами, едиными принципами и общими целями защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка. Исходя из этого, по общему правилу, *одни и те же фактические обстоятельства не должны выступать основанием для разных последствий в части наступления публично-правовой ответственности без достаточных на то оснований*.

Следует также указать, что, опираясь как на решения Европейского Суда по правам человека, так и на собственные правовые позиции, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что правило *non bis in idem* имеет общее значение и – в виде нормативной конкретизации общепризнанного принципа справедливости, направленной на поддержание правовой безопасности, определенности и стабильности, – распространяется на законодательство об административных правонарушениях, и отметил, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод *должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе правонарушение, если они вытекают из идентичных фактов* или фактов, которые в значительной степени являются теми же (см.: Определение от 27 февраля 2020 г. № 312-О).

В принятом Конституционным Судом РФ уже после направления заяви-

телем представления по данному дисциплинарному делу Постановлении от 6 апреля 2021 г. № 10-П указывается, что, раскрывая нормативное содержание ст. 50 (ч. 1) Конституции РФ, Конституционный Суд РФ ранее последовательно констатировал, что, несмотря на ее буквальное содержание, ограниченное только уголовной ответственностью, Конституция РФ не только не допускает неоднократного привлечения к административной ответственности за одно и то же деяние, но также соответствующий запрет не может быть сведен только к собственно административной ответственности. В данном постановлении в связи с важностью данного тезиса повторено, что такой *запрет распространяется и на случаи привлечения лица за содеянное одновременно к административной ответственности по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях и к ответственности, хотя и предусмотренной отраслевыми федеральными законами, но по своей правовой природе являющейся публично-правовой, носящей, по общему правилу, карательный, а не восстановительный характер.*

Для Совета представляется очевидным, что приведенные общеобязательные разъяснения высшего органа конституционного контроля в полной мере применимы к настоящему дисциплинарному делу как не допускающие повторного привлечения к ответственности адвоката М.

Вопреки доводу «Возражений», такая позиция не противоречит Разъяснению Совета ФПА РФ, которое, как следует из его названия «По вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката» и содержания, посвящено оценке возможности возбуждения дисциплинарного производства при «наличии признаков уголовно-правового деяния или административного пра-

вонарушения в поведении адвоката, или наличии возбужденного в отношении адвоката уголовного дела, или дела об административном правонарушении». Совет не оспаривает такую возможность, свидетельством чему является, в числе прочего, возбуждение настоящего дисциплинарного производства.

Однако разрешение возбужденного дисциплинарного производства должно осуществляться на основании современной правоприменительной практики (включая конституционно-правовое истолкование) применения принципа *non bis in idem*, которая приведена выше.

В этой связи Совет напоминает, что согласно Федеральному конституционному закону от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» (ст. 6).

По этой причине дисциплинарное дело подлежит прекращению.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. ...возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 23 марта 2021 г. ...основанному на информации от начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве П. от 10 февраля 2021 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.9. Адвокату объявлено замечание за включение в соглашение с доверителем условия о том, что в случае досрочного расторжения соглашения по инициативе доверителя оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, а также за невыдачу доверителю документов, подтверждающих получение от него вознаграждения за юридическую помощь по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Ш. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 1 марта 2021 г. ...основанное на жалобе С. без даты ... в отношении адвоката Ш.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 г. адвокатом Ш. допущено:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что она включила в заключенные с доверителем С. Соглашения об оказании юридической помощи от 3 марта, от 23 апреля и от 15 октября 2019 г. п. 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении соглашений по инициативе доверителя С. оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, что противоречит императивным нормам гражданского законодательства, в частности, п. 1 ст. 782, п. 1 и 2 ст. 977, п. 1 ст. 978 ГК РФ;

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в невыдаче доверителю С. приходного кассового ордера или квитанции о получении от нее вознаграждения за юридическую помощь по

Соглашению об оказании юридической помощи от 15 октября 2019 г. в (сумме № 1) рублей.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседание Совета не явилась, заявив письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие ... в котором также указала, что доводы представления поддерживает.

Адвокат Ш. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено своевременно, с Заключением она ознакомлена и с выводами Комиссии согласна, подтвердив свои доводы, представленные в заседании Квалификационной комиссии.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Ш., признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами, однако считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части, касающейся включения адвокатом Ш. в Соглашения об оказании юридической помощи от 3 марта и 23 апреля 2019 г. п. 4.8 и 6.3. Принимая такое решение, Совет исходит из следующего.

Так, установлено, что 3 марта 2019 г. адвокат Ш. заключила Соглашение с С. на осуществление защиты С.Д. на предварительном следствии в СУ УМВД России по г.о. ...Московской области, который обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 228, ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, получив вознаграждение в (сумме № 2) рублей.

23 апреля 2019 г. адвокат Ш. заключила соглашение с С. на осуществление защиты С.Д. в Х. городском суде М. области, получив вознаграждение в (сумме № 3) рублей.

15 октября 2019 г. адвокат Ш. заключила соглашение с С. на осуществление защиты С.Д. в Х. городском суде М. области в связи с передачей уголовного дела из производства судьи П. в производство судьи Ф. на новое судебное разбирательство. Сумма вознаграждения адвоката составляла (сумму № 1) рублей.

Во все указанные соглашения об оказании юридической помощи адвокатом Ш. были включены п. 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении соглашений по инициативе доверителя С. уплаченные адвокату суммы вознаграждений возврату не подлежат.

В представлении также указано, что при заключении соглашения от 15 октября 2019 г. адвокатом Ш. не была выдана С. квитанция или приходный кассовый ордер о получении от нее вознаграждения в (сумме № 1) рублей.

Адвокат Ш. в заседании Квалификационной комиссии 23 июня 2021 г. пояснила, что согласна с дисциплинарными обвинениями относительно включения во все три соглашения об оказании юридической помощи п. 4.8 и 6.3, признав их некорректными, поскольку после ознакомления с представлением она детально изучила дисциплинарную практику Адвокатской палаты города Москвы по этому вопросу и пришла к выводу, что в данной части она допустила нарушение. Документального подтверждения факта передачи доверителю С. квитанции от 15 октября 2019 г. ...о внесении (суммы № 1) рублей у нее нет.

В связи с изложенным Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что указанные действия адвоката Ш. нельзя признать честным, разумным и

добросовестным исполнением обязанностей по отношению к доверителю С.

Квалификационная комиссия в Заключении также отметила, что одним из основных принципов адвокатской деятельности является фидуциарный характер взаимоотношений адвоката с доверителем. Включение в соглашение об оказании юридической помощи условия о неустойке и/или о невозврате выплаченного адвокату вознаграждения в случае одностороннего отказа доверителя от соглашения является недопустимым, может поставить под сомнение интересы доверителя и, как следствие, подорвать доверительный характер отношений между ним и адвокатом. Органы адвокатского самоуправления города Москвы неоднократно высказывали эту позицию, а именно: доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате только фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п. либо удержания неотработанной части внесенного вознаграждения.

Данная позиция также содержится в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2014 г. № 7 «О соглашении на оказание юридической помощи», доведенном до всеобщего сведения путем опубликования в изданиях «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2014. Выпуск № 4(125). С. 7–8; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 128–129).

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы в заключениях, а Совет Адвокатской палаты города Москвы в решениях неоднократно отмечали, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, в том числе и надлежащее оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Совет соглашается с приведенными выше выводами Квалификационной комиссии.

Вместе с тем Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части включения адвокатом Ш. в соглашения от 3 марта 2019 г. и 12 апреля 2019 г. п. 4.8 и 6.3 вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, поскольку в соответствии п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет. Возражений от адвоката Ш. против прекращения дисциплинарного производства по указанному основанию в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет

адвокатуры; неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными Кодексом профессиональной этики адвоката (преамбула и п. 2 ст. 19 Кодекса).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного закона).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ш. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет принимает во внимание их умышленный характер, обусловленный очевидным пренебрежением адвокатом Ш. требованиями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Ш. признала допущенные ею нарушения, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. Учитывая эти обстоятельства, Совет полагает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что она включила в заключенное с доверителем С. Соглашение об оказании юридической помощи от 15 октября 2019 г. п. 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении Соглашения по инициативе доверителя С. оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, что противоречит императивным нормам гражданского законодательства, в частности, п. 1 ст. 782, п. 1 и п. 2 ст. 977, п. 1 ст. 978 ГК РФ;

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в невыдаче доверителю С. приходного кассового ордера или квитанции о получении от нее вознаграждения за юридическую помощь по Соглашению об оказании юридической помощи от 15 октября 2019 г. в (сумме № 1) рублей.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 1 марта 2021 г. ...основанному на жалобе С. без даты ...в части дисциплинарного обвинения в ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности

и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что она включила в заключенные с доверителем С. Соглашения об оказании юридической помощи от 3 марта и 23 апреля 2019 г. п. 4.8 и 6.3, согласно которым при

досрочном расторжении соглашений по инициативе доверителя С. оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, что противоречит императивным нормам гражданского законодательства, в частности, п. 1 ст. 782, п. 1 и п. 2 ст. 977, п. 1 ст. 978 ГК РФ, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

2.10. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку утверждения суда о неявке адвоката в судебные заседания без уважительных причин не нашли своего подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по частному определению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 29 марта 2021 г. ...в отношении адвоката Г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по частному определению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 29 марта 2021 г. ...подлежит прекращению:

– в части ее неявок в судебные заседания судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда для участия в рассмотрении апелляционных жалоб адвокатов Г., К., М. и осужденных Ма. и Ми. на приговор К. районного суда города Москвы от 5 октября 2020 г., 1 марта 2021 г. в 15.00 час. и 10 марта 2021 г. в 11.00 час. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

– в части того, что она заблаговременно не уведомила защитника второго

осужденного, адвоката М., и представителя потерпевшего, адвоката Н., о невозможности прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании суда апелляционной инстанции, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Г., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, подала письменное заявление... в котором указала, что просит рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие в связи с занятостью в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в отношении Т. в М. областном суде, дополнительно указав, что согласна с Заключением Квалификационной комиссии.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката Г., поскольку ею было заявлено соответствующее ходатайство, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основа-

ны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, материалами дисциплинарного производства установлено, что в производстве судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда находилось уголовное дело в отношении Ма. и Ми. для рассмотрения его по апелляционным жалобам адвокатов Г., К., М. и осужденных Ма. и Ми. на приговор К. районного суда города Москвы от 5 октября 2020 г.

Защиту осужденного Ма. осуществляла адвокат Г., которая не явилась в судебные заседания 1 и 10 марта 2021 г., пояснив, что одновременно, в период с 22 октября 2020 г. по 17 марта 2021 г., осуществляла защиту подсудимого Х. по другому уголовному делу... слушавшемуся также в М. городском суде с участием коллегии присяжных заседателей.

Согласно объяснениям адвоката Г., приговор по уголовному делу в отношении Ма. и Ми. был постановлен К. районным судом города Москвы 5 октября 2020 г., а судебное заседание по рассмотрению апелляционных жалоб адвокатов было назначено на 1 марта 2021 г. Телефоннограмму секретаря суда от 5 февраля 2021 г. о дате и времени назначения судебного заседания, как указано в определении судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда она не получала. Звонок секретаря поступил ей ближе к концу февраля 2021 года. Одновременно в период с 1 по 15 марта 2021 г. по уголовному делу в отношении подсудимых Д., Х., Ш. проводились прения сторон и выслушивались последние слова подсудимых. Председательствующий судья П. обязала всех адвокатов явкой в каждое судебное заседание в период прений и последнего слова. Она обращалась к судье П. с просьбой дать возможность принять участие в рассмотрении апелляционных жалоб по уголовному делу в отношении Ма. и Ми. как 1 марта 2021 г.,

так и 10 марта 2021 г., но судьей в этом было отказано.

1 марта 2021 г. судебное заседание по уголовному делу в отношении Д., Х., Ш. было назначено на 11.00 час. и окончено в 16.05 час., а в отношении Ма. и Ми. судебное заседание было назначено на 15.00 час.

10 марта 2021 г. судебное заседание по уголовному делу в отношении Д., Х., Ш. было назначено на 12.00 час., окончено в 17.30 час., а в отношении Ма. и Ми. судебное заседание было назначено на 11.00 час.

1 марта 2021 г., примерно в 10.45 час., она подошла к залу судебного заседания по рассмотрению уголовного дела в отношении Ма. и Ми. и сообщила секретарю о том, что в 11.00 час. назначено судебное заседание по делу Д., Х., Ш., пояснив, что дело рассматривается с участием коллегии присяжных заседателей и всегда начинается в назначенное время.

По окончании судебного заседания в отношении Д., Х., Ш., в 16.05 час., она вновь подошла к залу судебного заседания, где рассматривалось уголовное дело в отношении Ма. и Ми., но секретарь суда сообщила, что судебное заседание отложено.

10 марта 2021 г., в 11.00 час., она также подошла к залу судебного заседания, где должны были рассматриваться апелляционные жалобы по уголовному делу в отношении Ма. и Ми., сообщив секретарю о своем прибытии, но судебное заседание в назначенное время не началось, и около 12.00 час., предупредив секретаря, она явилась в судебное заседание по делу Д., Х., Ш. Как следует из протокола судебного заседания по уголовному делу в отношении Ма. и Ми., судебное заседание было открыто только в 13.00 час.

17 марта 2021 г. коллегией присяжных заседателей по уголовному делу

в отношении Д., Х., Ш. был вынесен оправдательный вердикт по всем пунктам обвинения, после чего судом постановлен оправдательный приговор. Все подсудимые были освобождены из-под стражи в зале суда.

Апелляционные жалобы на приговор по уголовному делу в отношении Ма. и Ми. были рассмотрены 29 марта 2021 г. В судебном заседании адвокатом Г. были представлены справки, подтверждающие уважительность причин отсутствия в судебных заседаниях 1 и 10 марта 2021 г.

В дополнении к этим объяснениям адвокат Г. пояснила, что просила судью М. городского суда П. сообщить судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда, рассматривавшей в апелляционном порядке уголовное дело в отношении Ма. и Ми., о занятости адвоката Г. в ее процессе с участием присяжных заседателей, однако сведений о том, сообщила ли судья П. коллегии эту информацию, у нее нет.

Квалификационная комиссия, признав причину неявки адвоката Г. в судебные заседания уважительной, в своем Заключении также указала, что судебная коллегия по уголовным делам М. городского суда, направив частное определение в отношении адвоката Г. о ее неявке в судебное заседание 1 марта 2021 г., не представила доказательств надлежащего уведомления адвоката Г. именно 5 февраля 2021 г. о дате судебного заседания, назначенного на 1 марта 2021 г., в 15.00 час. Приобщение к материалам дисциплинарного производства документа, поименованного как «телефонограмма», составленного помощником судьи, с указанием фамилий адвокатов и их номеров мобильных телефонов не может являться достаточным подтверждением факта надлежащего уведомления адвоката Г. о дате судебного заседания.

Адвокат Г. отрицает сведения, содержащиеся в документе с названием «Телефонограмма», составленной помощником судьи С., о том, что 1 марта 2021 г., в 15.20 час., ею был сделан звонок на мобильный телефон адвоката Г., которая якобы сообщила о невозможности своего участия в уголовном деле в отношении Ма. и Ми. по причине занятости в другом процессе.

Как следует из справки судьи М. городского суда П. без даты... судебное заседание по уголовному делу в отношении Х. и других подсудимых закончилось только в 16.05 час., что исключало возможность разговора адвоката Г. по телефону в 15.20 час., то есть непосредственно в ходе судебного заседания.

В частном определении также не отрицается факт уведомления адвокатом Г. помощника судьи судебной коллегии о невозможности явки в судебное заседание по причине ее занятости в другом судебном заседании по уголовному делу в М. городском суде.

В представленной копии протокола судебного заседания от 1 марта 2021 г. не указано время начала и окончания судебного заседания.

Квалификационная комиссия также пришла к выводу об уважительности причины неявки адвоката Г. в судебное заседание 10 марта 2021 г., назначенное на 11.00 час., поскольку судебное заседание было открыто только в 13.00 час.

По непровергнутому утверждению адвоката Г., 10 марта 2021 г. она явилась к 11.00 час. к залу судебного заседания, где планировалось рассмотрение апелляционных жалоб адвокатов и осужденных Ма. и Ми., однако в период с 11.00 час. до 12.00 час. судебное заседание открыто не было, поэтому она была вынуждена к 12.00 час. перейти в другой зал, где было назначено рассмотрение уголовного дела в отношении Х. и других подсудимых.

Как следует из справки судьи М. городского суда П. без даты... адвокат Г. действительно с 12.00 час. до 17.30 час. участвовала в судебном заседании по осуществлению защиты Х.

В частном определении судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 29 марта 2021 г. также указано, что адвокат Г. в нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в период с 5 февраля 2021 г. по 10 марта 2021 г. заблаговременно не уведомила защитника второго осужденного, адвоката М., и представителя потерпевшего, адвоката Н., о своей невозможности прибыть в назначенное время в судебное заседание.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что данные доводы не могут рассматриваться как допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства, так как каких-либо обращений от адвоката М. и адвоката Н. о нарушении их прав и законных интересов действиями адвоката Г. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало, а полномочия судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда не предусматривают самостоятельную защиту прав указанных лиц.

Также, как следует из протоколов судебных заседаний по рассмотрению уголовного дела от 1 и 10 марта 2021 г., от адвокатов М. и Н. каких-либо ходатайств или иных обращений к суду, связанных с защитой их прав и законных

интересов, вызванных неявкой адвоката Г., не поступало.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. непровергнутой, а дисциплинарное производство – подлежащим прекращению по указанным выше основаниям.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Г., возбужденное по частному определению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 29 марта 2021 г.:

– в части ее неявок в судебные заседания судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда для участия в рассмотрении апелляционных жалоб адвокатов Г., К., М., осужденных Ма. и Ми. на приговор К. районного суда города Москвы от 5 октября 2020 г., 1 марта 2021 г. в 15.00 час. и 10 марта 2021 г. в 11.00 час. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

– в части того, что она заблаговременно не уведомила защитника второго осужденного, адвоката М., и представителя потерпевшего, адвоката Н., о своей невозможности прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании суда апелляционной инстанции, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.11. Адвокату объявлено предупреждение за невнесение полученного от доверителей вознаграждения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также за то, что он не зарегистрировал заключенное с ними соглашение в документации адвокатского образования.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя Главного управления Министерства

юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. ...адвоката М. и его представителя, адвоката Г. ...рассмо-

трел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 17 мая 2021 г. ...основанному на материалах обращения Мо. и А. ...в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 4 августа 2021 г. вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом М. допущено:

1) нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, получив от доверителей А. и Мо. 21 июля 2020 г. вознаграждение в размере (... миллионов) рублей, адвокат М. не внес его в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) нарушение положений п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, заключив с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., он не зарегистрировал его в документации адвокатского образования.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии согласна в полном объеме. Считает, что за допущенные грубейшие нарушения к адвокату М. должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат М. представил в Совет выражения на Заключение Квалификационной комиссии от 20 сентября 2021 г. ...к которым приложены копия заявления от 14 сентября 2021 г. представителя М., Ч., нотариусу города Москвы Р. о принятии в депозит нотариуса денежных средств в сумме (... миллионов) рублей для передачи Мо. и А. в равных долях каждой в счет исполнения обязательства по п. 3 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. (соглашение расторгнуто); копия чека ПАО Сбербанк от 14 сентября 2021 г. о переводе денежных средств в сумме (... миллионов) рублей на депозит нотариуса Р. В указанном заявлении адвокат М. не согласился с Заключением Квалификационной комиссии в части выявленных нарушений, повторно привел доводы своих предыдущих объяснений о том, что исполнял добросовестно и в полном объеме свои профессиональные обязанности перед доверителями Мо. и А., сообщил о том, что 14 сентября 2021 г. полученные им по Соглашению от 21 июля 2020 г. денежные средства были внесены его представителем в депозит нотариуса для передачи (возврата) Мо. и А. и просил «отменить» Заключение Квалификационной комиссии и прекратить дисциплинарное производство. 23 сентября 2021 г. в Адвокатскую палату города Москвы от представителя адвоката М., адвоката Г., поступило заявление с просьбой приобщить к ранее направ-

ленным возражениям копию справки нотариуса о принятии в депозит нотариуса денежных средств для передачи А. и Мо. ...В заседании Совета 28 сентября 2021 г. адвокат М. не поддержал свои письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии от 20 сентября 2021 г. в части несогласия с выводами Квалификационной комиссии о наличии в его действиях нарушений, полностью согласился с Заключением Квалификационной комиссии и признал допущенные нарушения.

Представитель адвоката М., адвокат Г., в заседании Совета сообщил, что в действиях адвоката М. формально присутствуют установленные Квалификационной комиссией нарушения, однако в силу того, что адвокатом М. возвращены доверителям А. и Мо. денежные средства по расторгнутому соглашению, просил признать нарушения, допущенные адвокатом М., малозначительными, поскольку ущерба доверителям не причинено, а также отсутствует ущерб авторитету адвокатуры. Кроме того, адвокат Г. просил Совет в случае непризнания допущенного адвокатом М. нарушения малозначительным не применять к нему самую строгую меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами в полном объеме, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокаты М. и З. заключили с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. Согласно абз. 2 преамбулы Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. адвокат М.

включен в реестр адвокатов города Москвы, имеет регистрационный №... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение №... от 24 ноября 2017 г., осуществляет адвокатскую деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...», внесенной в реестр адвокатских образований города Москвы. Пунктом 1 Соглашения установлено: «...по настоящему соглашению Доверитель поручает, а Адвокат берет на себя обязательства оказывать юридическую помощь Доверителю при разрешении и рассмотрении двух гражданских дел в Т. районном суде города Москвы и в Щ. районном суде города Москвы...».

Согласно п. 2.1 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. доверитель обязан «уплатить адвокату вознаграждение за оказание юридической помощи в размере: (... миллионов) рублей». 18 августа 2020 г. доверителями А. и Мо. в адрес адвоката М. направлены распоряжение от 14 августа 2020 г. об отмене доверенности и уведомление от 14 августа 2020 г. о расторжении договора (соглашения).

В Представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 17 мая 2021 г. ...в отношении адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения в ненадлежащем оформлении отношений с доверителями А. и Мо., что выразилось в неуказании в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. на принадлежность адвоката М. к адвокатской палате субъекта Российской Федерации; в неисполнении требования о регистрации Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. в документации адвокатского образования – Коллегии адвокатов города Москвы «...»; в неоформлении и невыдаче доверителям А. и Мо. документа, подтверждающего внесение полученного по Соглашению

на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. вознаграждения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также в бездействии, выразившемся в неоказании какой-либо юридической помощи по заключенному с указанными доверителями Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неисполнении адвокатом М. требований закона о регистрации Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. в документации адвокатского образования, а также в неоформлении и невыдаче доверителям А. и Мо. документа, подтверждающего внесение полученного по Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. вознаграждения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, Совет приходит к выводу о том, что указанные дисциплинарные обвинения нашли свое подтверждение.

В силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

В соответствии с п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов».

Согласно положениям подп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенным условием соглашения об оказании юридической помощи.

В силу п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В силу требований п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуски №№ 7–9(93–95). С. 17). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то

обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 1–3(99–101). С. 99).

В пункте 1 «Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем» указывается, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывает независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия, а также демонстрирует явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

В пункте 4 указанного Обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы

доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (см.: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/7777/>).

В ходе дисциплинарного производства установлено, что адвокат М. на момент заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. являлся членом Коллегии адвокатов города Москвы «...», однако заключенное между адвокатами М. и З., с одной стороны, и доверителями А. и Мо., с другой стороны, Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. в документации данного адвокатского образования не было зарегистрировано.

Согласно п. 2.1 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. доверитель обязан «уплатить адвокату вознаграждение за оказание юридической помощи в размере: (... миллионов) рублей».

В подтверждение передачи адвокату М. денежных средств «за вынесение решения в пользу семьи А.» к представ-

лению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве прилагались аудио- и видеозаписи, Заключение специалиста по результатам лингвистического исследования от 29 сентября 2020 г., а также объяснения А., Ал., Мо., Б.

Однако адвокат М. отрицал достоверность аудио- и видеозаписей, а также «Транскрипций разговоров» адвоката М. с А., Ал. и Мо., прилагаемых к заключению специалиста по результатам лингвистического исследования.

Вместе с тем факт получения указанного в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. вознаграждения признан как адвокатом М. в его письменных объяснениях от 20 июля 2021 г., так и его представителями – адвокатами Г. и З. в ходе заседаний Квалификационной комиссии 21 июля и 4 августа 2021 г.

Полученное адвокатом М. вознаграждение не было внесено им в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, вследствие чего доверителям А. и Мо. также не был выдан финансовый документ, подтверждающий внесение денежных средств, уплаченных ими в качестве вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования.

Данные обстоятельства подтверждаются ответом Коллегии адвокатов города Москвы «...» от 20 июля 2021 г. ... на запрос Адвокатской палаты города Москвы.

В заседании Квалификационной комиссии 4 августа 2021 г. представители адвоката М., адвокаты Г. и З., дали устные пояснения о причинах невнесения денежных средств в кассу адвокатского образования. Так, адвокат Г. указал, что часть полученных адвокатом М. денежных средств по Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. подлежала перечислению адво-

кату З., а часть – ООО «...», поскольку А. и Мо. заключали договор с данным обществом, однако в связи с тем, что «произошло расторжение» Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., денежные средства необходимо вернуть. Адвокат З., в свою очередь, указал, что сумма вознаграждения «не была до конца определена» и «часть денежных средств предназначалась для экспертов».

Указанные доводы представителей адвоката М. Совет не может признать обоснованными в связи с тем, что наличие у последнего каких-либо обязательств перед экспертами или перед иными лицами не освобождало его от обязанности внести полученные денежные средства в кассу адвокатского образования.

Вопреки объяснениям представителя адвоката М., адвоката Г., невнесение денежных средств в кассу адвокатского образования не может быть обосновано необходимостью их возврата доверителям А. и Мо., поскольку внесение денежных средств в кассу адвокатского образования и соблюдение адвокатом всех прочих требований по формализации отношений с доверителем не препятствуют, а, наоборот, способствуют обеспечению соблюдения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе и при реализации процедуры возврата неотработанной части вознаграждения доверителю.

При этом представитель адвоката М., адвокат З., в заседании Квалификационной комиссии 4 августа 2021 г. признал, что «в правовом виде» ООО «...» не имеет какого-либо отношения к заключенному А. и Мо. с адвокатами М. и З. Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. Доказательств наличия упомянутых адвокатом З. устных договоренностей в материалы дисциплинарного производства

не представлено, и таковые договоренности в любом случае не могли освободить адвоката М. от исполнения его обязанностей, прямо установленных законом.

Органы адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы в своей дисциплинарной практике исходят из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо по перечислению на расчетный счет адвокатского образования, адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения. В данном случае указанная возможность адвокатом М. реализована не была, а 14 августа 2020 г. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. было расторгнуто по инициативе доверителей А. и Мо.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, 18 августа 2020 г. в адрес адвоката М. направлены копия распоряжения об отмене доверенности от 14 августа 2020 г. и уведомление о расторжении договора (соглашения) от 14 августа 2020 г.

Доводы представителя адвоката М., адвоката З., о том, что Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. не расторгнуто вплоть до настоящего времени, поскольку «уведомление об отказе доверителей А. и Мо. участвовать в дальнейших взаимоотношениях с адвокатами З. и М. является их волеизъявлением, но не является фактом расторжения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г.», Советом отклоняются как лишённые правовых оснований.

Согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики ад-

воката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г. и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2014. Выпуск № 4(125). С. 10–11), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара».

Учитывая данные Разъяснения, Совет признает установленным, что Соглашение на оказание юридической помощи было расторгнуто доверителями А. и Мо. 14 августа 2020 г.

Таким образом, на момент расторжения указанного Соглашения оно не было зарегистрировано адвокатом М. в документации адвокатского образования – Коллегии адвокатов города Москвы «...», а полученные по нему денежные средства не были внесены в кассу либо на расчетный счет данного адвокатского образования. При этом в ходе дисциплинарного производства установлено, что как на момент заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., так и на момент его расторжения 14 августа 2020 г. адвокат М. являлся членом Коллегии адвокатов города Москвы «...».

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводам:

– о нарушении адвокатом М. положений подп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что, получив от

доверителей А. и Мо. 21 июля 2020 г. вознаграждение в размере (... миллионов) рублей, адвокат М. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– о нарушении адвокатом М. положений п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что, заключив с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., он не зарегистрировал его в документации адвокатского образования.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за допущенные им нарушения, Совет учитывает их умышленный и злостный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом М. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции.

Совет не может согласиться с мнением представителя адвоката М., адвоката Г., о малозначительности установленных нарушений. Совет подчеркивает, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывает независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия, а также демонстрирует явное

и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

В то же время Совет учитывает, что адвокат М. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушения признал, денежные средства заявителям возвратил, разместив их в депозит нотариуса.

При указанных обстоятельствах Совет полагает возможным предоставить адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Так, рассматривая довод заявителя об отсутствии в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. сведений о принадлежности адвоката к адвокатской палате субъекта Российской Федерации, Совет приходит к выводу о его необоснованности.

Согласно подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является «указание на адвоката

(адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате».

Данные положения направлены на исключение неопределенности относительно адвоката, принимающего поручение по соглашению об оказании юридической помощи, путем доведения указанной информации до сведения лица, заключившего данное соглашение с адвокатом, а равно и до сведения лиц, в пользу которых оно может быть заключено. Информирование доверителей адвоката о личности адвоката, оказывающего им юридическую помощь, а также о его принадлежности к адвокатскому образованию и адвокатской палате является важным условием реализации их прав.

Отсутствие в соглашении об оказании юридической помощи сведений о принадлежности адвоката к адвокатской палате не только затрудняет формирование доверительных отношений между сторонами соглашения об оказании юридической помощи, порождая сомнения относительно наличия у лица, оказывающего такую помощь, статуса адвоката, но и создает существенные препятствия к реализации права доверителей на обращение с жалобой на действие (бездействие) адвоката, поскольку согласно п. 5 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, дисциплинарное производство осуществляется только квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты, членом которой состоит адвокат.

Согласно абз. 2 преамбулы Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. адвокат М. включен в реестр адвокатов города Москвы, имеет регистрационный №... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение №... от 24 ноября 2017 г., осуществ-

ляет адвокатскую деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...», внесенного в реестр адвокатских образований города Москвы.

Таким образом, Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. содержит сведения о включении адвоката в реестр адвокатов субъекта Российской Федерации и указание на его регистрационный номер в данном реестре.

Согласно п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат может одновременно являться членом адвокатской палаты только одного субъекта Российской Федерации, сведения о нем вносятся только в один региональный реестр. Адвокат вправе осуществлять свою деятельность только в одном адвокатском образовании, учрежденном в соответствии с настоящим Федеральным законом.

При этом согласно п. 1 ст. 14 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «территориальный орган федерального органа исполнительной власти в области юстиции (далее – территориальный орган юстиции) ведет реестр адвокатов субъекта Российской Федерации (далее – региональный реестр)».

В свою очередь, согласно абз. 3 п. 14 Порядка ведения реестров адвокатов субъектов Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 апреля 2014 № 85, «Регистрационный номер не может быть присвоен другому лицу, в том числе при исключении сведений из реестра в случае изменения адвокатом членства в адвокатской палате или внесении в реестр сведений в случае прекращения статуса адвоката».

В свете изложенных положений при-
ведение в Соглашении на оказание юри-

дической помощи от 21 июля 2020 г. сведений о включении адвоката М. в реестр адвокатов города Москвы с регистрационным номером... указывает на принадлежность адвоката М. к Адвокатской палате города Москвы, исключая какую-либо неопределенность относительно данного факта.

Приведение в соглашении об оказании юридической помощи регистрационного номера адвоката в реестре адвокатов субъекта Российской Федерации обеспечивает получение лицом, заключившим данное соглашение, а равно и доверителями адвоката, которым на его основании оказывается юридическая помощь, более точных сведений по сравнению с общей информацией о принадлежности адвоката к адвокатской палате субъекта Российской Федерации. Кроме того, из положений подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не следует, в какой именно форме в соглашении об оказании юридической помощи может быть указана данная информация.

Таким образом, Совет пришел к выводу, что требования подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатом М. при заключении Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. не были нарушены.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в бездействии, выразившемся в неоказании адвокатом М. какой-либо юридической помощи А. и Мо. по заключенному с указанными доверителями Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., Совет принимает во внимание, что представленные адвокатом М. в дисциплинарное производство дополнительные материалы... свидетельствуют о том, что юридическая помощь доверителям А.

и Мо. оказывалась адвокатами М. и З. с 2019 года. Из объяснений адвоката М. и его представителей следует, что Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. было подписано с целью формализации ранее существовавших отношений с доверителями А. и Мо., однако в действительности не отражало фактически сложившиеся между сторонами правоотношения.

В частности, давая объяснения в заседании Квалификационной комиссии 4 августа 2021 г., представитель адвоката Ма., адвокат З., указал, что Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. не содержало перечня видов оказанной юридической помощи, оказанных услуг и «произведенных оплат». Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. было составлено «в такой форме, которая не соответствует установленной форме», потому что это было «требованием доверителей», которые только в такой форме согласились заключить данное соглашение.

Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях ранее неоднократно отмечали, что требования к форме и содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе, предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см., например: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 11–12(13–14). С. 18).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено при заключении адвокатом согла-

шения об оказании юридической помощи предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, адвокат должен избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуски №№ 4–6(90–92). С. 22–25; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 196).

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение вышеперечисленных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое оказывает различного рода услуги неясной правовой природы.

Исходя из этого, в силу взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию существенных условий Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. лежала на адвокате М., а значит, несоответствие содержания Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. фактическим правоотношениям лишь подтверждает выводы о допущенных адвокатом М. нарушениях норм

профессиональной этики, предписывающих необходимость надлежащей формализации отношений с доверителем.

Оспаривание адвокатом М. достоверности содержания аудио- и видеозаписей, представленных в материалы дисциплинарного производства, не позволило Квалификационной комиссии установить на их основании содержание правоотношений, фактически сложившихся между сторонами Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., а отсутствие соответствующего дисциплинарного обвинения не позволяет дать правовую квалификацию профессионального поведения адвоката М. в данной части.

В то же время представленные адвокатом М. дополнительные материалы недвусмысленно указывают на то, что адвокат М. действительно оказывал доверителям А. и Мо. юридическую помощь по ряду гражданских дел, вытекающих из вещных, наследственных и обязательственных правоотношений.

Согласно п. 1 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. «по настоящему соглашению Доверитель поручает, а Адвокат берет на себя обязательства оказывать юридическую помощь Доверителю при разрешении и рассмотрении двух гражданских дел в Т. районном суде города Москвы... и в Щ. районном суде города Москвы...».

Из представленных адвокатом М. дополнительных материалов следует, что исковые заявления по данным гражданским делам были составлены и направлены в соответствующие суды до момента заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. По данным официального портала судов общей юрисдикции города Москвы (<http://www.mos-gorsud.ru>), исковое заявление А. и Мо., подан-

ное в Т. районный суд города Москвы, зарегистрировано 29 июня 2020 г., а исковое заявление этих же истцов, поданное в Щ. районный суд города Москвы, зарегистрировано 30 июня 2020 г.

В обоих указанных исковых заявлениях адвокаты М. и З. указаны в качестве представителей истцов А. и Мо. Доверенность адвокату М. в числе иных представителей выдана доверителями А. и Мо. 29 июня 2020 г.

Согласно сведениям, опубликованным на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы, по обоим указанным гражданским делам с момента заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. и до момента его расторжения по инициативе доверителей А. и Мо. 14 августа 2020 г. судами была проведена подготовка к судебному разбирательству (беседа).

На момент расторжения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., которое произошло менее чем через месяц после его заключения, рассмотрение обоих указанных гражданских дел не было завершено.

Представитель адвоката М., адвокат Г., пояснил в ходе дисциплинарного разбирательства, что были поданы иски, однако в связи с тем, что 14 августа 2020 г. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г. было расторгнуто и доверенность была отозвана, оказание юридической помощи было прекращено. Доказательств, опровергающих объяснения адвоката М. и его представителей об оказании А. и Мо. юридической помощи по указанным гражданским делам, не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное обвинение в отношении адвоката М. в общем бездействии по Соглашению на оказание юридической помощи

от 21 июля 2020 г. и неисполнении обязательств по нему не подтверждено достаточными доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. ...меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, получив от доверителей А. и Мо. 21 июля 2020 г. вознаграждение в размере (... миллионов) рублей, адвокат М. не внес его в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– нарушение положений п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, заключив с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 г., адвокат М. не зарегистрировал его в документации адвокатского образования.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 17 мая 2021 г. ...основанному на материалах обращения Мо. и А. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.12. Совет признал, что осуществление адвокатом депутатской деятельности без использования статуса адвоката не может образовывать нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, и прекратил дисциплинарное производство.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. ...адвоката С., рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 1 июля 2021 г. ...и представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 23 июля 2021 г. ...о прекращении статуса адвоката С.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 4 августа 2021 г. дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве (далее – ГУ МЮ РФ по городу Москве) от 1 июля 2021 г. ...о прекращении статуса адвоката С. ...необходимо прекратить вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по представлению ГУ МЮ РФ по городу Москве от 23 июля 2021 г. ...о прекращении статуса адвоката С. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В Совет адвокатской палаты города Москвы от представителя ГУ МЮ РФ по городу Москве Е. поступили письменные возражения от 22 сентября 2021 г. ...на указанное Заключение Квалификационной комиссии... В «Возражениях» указано, что вопреки доводам Заключения Квалификационной комиссии в представлениях ГУ МЮ РФ по городу Москве приводятся конкретные данные о нарушении адвокатом С. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. Так, в представлении от 1 июля 2021 г. говорится о необходимости оценки необоснованных и некорректных заявлений С. на заседаниях М. городской Думы на предмет соответствия требованиям Кодекса профессиональной этики адвоката, в частности, п. 4 ст. 9. Там же ставится вопрос об оценке действий С., направленных к подрыву доверия, а именно участие 23 января 2021 г. в публичном массовом мероприятии в центральной части города Москвы, сочетающим формы митинга, пикетирования и шествия, несогласованном с органами исполнительной власти города Москвы, то есть без законных на то оснований, в связи с чем С. 22 марта 2021 г. Т. районным судом г. Москвы назначено наказание по ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 20 000 рублей.

Однако Квалификационная комиссия не оценила стенограммы заседаний М. городской Думы и протокол об административном правонарушении как доказательства, не проверила факты нарушения адвокатом С. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и не дала им оценки.

Автор «Возражений» не соглашается с доводом о том, что данных, свидетельствующих об участии в данной акции С. в качестве адвоката, не представлено.

Возражения также заявлены против довода Квалификационной комиссии о том, что положения п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката не могут распространяться на участников дисциплинарного производства.

В «Возражениях» указывается, что представление «подписано и содержит все необходимые реквизиты, указанные в статье 20 Кодекса профессиональной этики адвоката». Представления о возбуждении дисциплинарного производства или прекращении статуса адвоката, внесенные ГУ МЮ РФ по городу Москве в Адвокатскую палату города Москвы, являются основаниями для возбуждения дисциплинарного производства и последующей оценки всех приложенных доказательств и проверке выдвинутых дисциплинарных обвинений на заседании Квалификационной комиссии.

По этим основаниям представитель заявителя просит направить дисциплинарное производство в отношении адвоката С. Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

В заседании Совета представитель ГУ МЮ РФ по городу Москве Е. подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и его изучение. Указала, что представления поддерживает, а также поддерживает свои «Возражения» от 4 августа 2021 г. на Заключение Квалификационной комиссии.

На вопрос о том, считает ли она возможным для органов адвокатской корпорации оценивать депутатскую деятельность, пояснила, что, как указано в ее «Возражениях», стенограммы заседаний М. городской Думы не исследовались Квалификационной комиссией, и она считает, что их надо было исследовать,

и, если там содержались некорректные высказывания адвоката С., то они должны быть оценены с точки зрения Кодекса профессиональной этики адвоката, что входит в компетенцию Квалификационной комиссии. И нельзя разграничивать в данном случае, что одни некорректные высказывания – как депутата, а другие, более корректные, как адвоката. Статус адвоката С. в тот момент и до настоящего времени не прекращался и не приостанавливался. Следовательно, любые некорректные высказывания при всех, любых обстоятельствах должны были быть оценены с точки зрения Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ей неизвестно, было ли обращение в отношении С. в комиссию по этике М. городской Думы, которая оценивает поведение депутатов. Судя по приложенным протоколам и стенограммам заседаний, председательствующий на заседании М. городской Думы неоднократно делал замечания С. в рамках регламента.

Комментируя пояснения адвоката С., представитель ГУ МЮ РФ по городу Москве Е. обратила внимание Совета на то, что на странице 20 Заключения Квалификационной комиссии опровергаются доводы адвоката С. о том, что ему на момент разглашения материалов дисциплинарного производства не было известно о возбуждении дисциплинарного производства. Это подтверждается информацией, сообщенной самим адвокатом С. в своем видеообращении на 6 минуте 7 секунде, где он сам признается, что получил уведомление о возбуждении дисциплинарного дела.

Далее Е. уточнила, что по результатам рассмотрения Заключения Квалификационной комиссии ГУ МЮ РФ по городу Москве *«просит вынести меру ответственности в виде прекращения статуса»*.

Отвечая на вопрос о том, как в подобной ситуации разделить действия, попадающие под действие Кодекса профессиональной этики адвоката и Этического кодекса депутата М. городской Думы, представитель ГУ МЮ РФ по городу Москве Е. заявила: *«Я не уполномочена высказывать официальную позицию от Главного управления по поводу заданного вопроса, считаю, что он не относится к данному дисциплинарному производству, а относится больше к теоретическим вопросам в области адвокатуры. Поэтому, я думаю, мы не будем тратить на это время».*

В заседании Совета адвокат С. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, с ним ознакомился и с выводами согласен. Также он пояснил, что в рассматриваемых его действиях никакой связи между депутатской и адвокатской деятельностью нет, все они совершены им только как депутатом М. городской Думы, смешения и использования депутатских полномочий в адвокатской деятельности он не допускал. Его очень удивил довод представления о том, что он направлял адвокатские запросы как депутат. Естественно, он этого не делал. Как депутат он направлял только депутатские запросы в отношении людей, которые к нему обращались как к депутату, а по делам своих доверителей ни одного депутатского запроса не направлял, равно как и в отношении доверителей своих партнеров по адвокатской деятельности.

О выступлении на канале YouTube с рассказом об обращении органов юстиции пояснил, что комментировал конкретно представление ГУ Минюста по городу Москве и письмо Министерства юстиции РФ как отдельные самостоятельные документы, исходящие от органов власти, и на тот момент ему не было известно, какое принято решение по нему: возбуждено дисциплинарное

производство или нет. Он был уведомлен об этом позднее. Никакие материалы дисциплинарного производства он не комментировал и не разглашал.

Отвечая на заданные ему вопросы, адвокат С. пояснил, что решение суда об административном штрафе за участие в массовом мероприятии им обжаловалось в М. городской суд, который оставил его без изменения, и сейчас он обратился в ЕСПЧ. В кассационном порядке решение не обжаловал, так как считает это бесполезным, хорошо зная практику по «митинговым» делам.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признает фактические обстоятельства правильно и полностью установленными Квалификационной комиссией, однако полагает необходимым изменить одно из оснований прекращения дисциплинарного производства.

Так, установлено, что поводом для внесения ГУ МЮ РФ по городу Москве представления от 1 июля 2021 г. ...явилось поручение заместителя министра юстиции РФ от 6 мая 2021 г., в котором предлагалось оценить действия депутата С. на заседаниях М. городской Думы при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей, где депутат С. задавал председателю М. городского суда Е., представлявшей кандидатуры к соответствующему назначению, вопросы по уголовным делам, в которых он, возможно, принимал участие в качестве адвоката, а также иные вопросы, связанные с осуществлением адвокатской деятельности.

Дисциплинарные нарушения адвоката С., согласно представлению от 1 июля 2021 г. ...заклучались в том, что он, будучи депутатом М. городской Думы и одновременно с этим обладая статусом адвоката:

– участвуя в качестве депутата на заседаниях М. городской Думы от 30 ок-

тября, 20 ноября и 11 декабря 2019 г., 19 февраля 2020 г. при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей в городе М. на ряд судебных участков допускал необоснованные заявления в адрес судей, судебных процедур и решений, не связанные с рассматриваемым вопросом повестки дня, служащие цели создания негативного мнения у присутствующих о деятельности судей и правоохранительных органов Российской Федерации;

– направлял в органы государственной власти и различные организации депутатские запросы, связанные с допуском адвокатов к задержанным лицам и защитой интересов избирателей не только избирательного округа... от которого он избран депутатом;

– совершил правонарушение, за которое затем был привлечен Т. районным судом города Москвы к административной ответственности, а именно 23 января 2021 г. в период с 13.00 час до 19.00 час. в центральной части города Москвы принял участие в публичном массовом мероприятии в сочетании форм митинга (скандируя лозунги тематического содержания), пикетирования (используя средства наглядной агитации плакаты с надписями тематического содержания) и шествия (следуя по маршрутам Пушкинская площадь – Страстной бульвар – Петровский бульвар – Трубная площадь, далее по Цветному бульвару к станции Московского метрополитена «Цветной бульвар»), не согласованном с органами исполнительной власти города Москвы, с количеством участников около 5 000 человек.

Кроме того, в дополнительно поступившем представлении ГУ МЮ РФ по городу Москве от 23 июля 2021 г. ...указано, что адвокат С. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на сайте YouTube, 19 июля 2021 г. разместил видеобращение под

заголовком *«Депутата С. уничтожат! Месть за Н.?»*, в котором он придает гласности документы, составляющие материалы дисциплинарного производства, и призывает неопределенный круг лиц воздействовать на Квалификационную комиссию в защиту своих интересов. Однако в соответствии с п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката разглашение материалов дисциплинарного производства не допускается.

Рассматривая дисциплинарные обвинения, выдвинутые против адвоката С., Совет в первую очередь обращает внимание на то, что инкриминируемые ему заявителем действия осуществлены С. в качестве депутата законодательного органа столицы без какой-либо связи с его адвокатским статусом и адвокатской деятельностью.

Кодекс профессиональной этики адвоката в п. 5 ст. 9 указывает, что *«В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»*. При этом, согласно Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 г. № 02/18 «По вопросам применения п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» поведение адвоката вне профессиональной деятельности, которое наносит ущерб авторитету адвокатуры или подрывает доверие к ней, может квалифицироваться органами адвокатского самоуправления в качестве нарушения правил профессиональной этики при условии, что принадлежность такого лица к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведе-

ния (здесь и далее выделено Советом). Однако в представленных заявителем материалах нет доказательств того, что поведение С. носило характер адвокатской, а не депутатской деятельности, либо со всей очевидностью демонстрировало принадлежность к адвокатскому сообществу. Сам адвокат С. последовательно утверждает, что во всех рассматриваемых случаях, включая участие в массовом мероприятии, действовал исключительно как депутат, адвокатом не представлялся и на свой адвокатский статус не ссылался, депутатские полномочия в интересах своих доверителей не использовал.

Существенно также, что в компетенцию органов адвокатского самоуправления, созданных исключительно для целей реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не входит оценка поведения депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации при реализации ими депутатских полномочий. Для этого, в частности, в М. городской Думе существуют иные правовые средства и механизмы, а именно:

– Этический кодекс депутата М. городской Думы, утвержденный постановлением М. городской Думы от 23 ноября 2005 г. № 336, предусматривающий нормы добросовестной деятельности депутата, соблюдение корпоративной этики и языковые правила;

– Регламент М. городской Думы, утвержденный постановлением М. городской Думы от 16 ноября 2005 г. № 320, которым предусмотрены меры воздействия на участников заседаний, если это вызывается необходимостью;

– Комиссия по законодательству, регламенту, правилам и процедурам, действующая на основании постановления М. городской Думы от 19 ноября 2014 г.

№ 316 «Об утверждении положения о комиссиях М. городской Думы», осуществляющая, помимо прочего, контроль за соблюдением депутатами норм Регламента Думы, в том числе в заседаниях Думы.

Как правильно отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, участие С. в заседаниях М. городской Думы 30 октября, 20 ноября, 11 декабря 2019 г. и 19 февраля 2020 г. при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей было обусловлено его полномочиями именно как депутата и не имело никакого отношения к адвокатской деятельности. Вопреки утверждениям представителя заявителя, в ходе дисциплинарного разбирательства внимательно изучены протоколы заседаний и выписки из стенограмм за вышеуказанные даты, из которых следует, что С., как и целый ряд других депутатов М. городской Думы, принимал активное участие в обсуждении кандидатур мировых судей, в том числе задавая вопросы докладчику – председателю М. городского суда.

Как следует из содержания стенограмм, обсуждение проходило в активной рабочей обстановке, и каких-либо существенных замечаний С. сделано не было. Так, в протоколах заседаний от 30 октября 2019 г. № 2, от 20 ноября 2019 г. № 3, от 19 февраля 2020 г. № 2 никаких замечаний в адрес депутата С. не содержится. Что касается содержания выписок из стенограмм заседания по вопросу назначения мировых судей:

– от 11 декабря 2019 г. – на ряд вопросов депутата С. председателю М. городского суда Е. об ответственности судей за вынесение заведомо неправосудного приговора председатель Думы напомнил, что депутаты могут задавать только два вопроса подряд, либо записаться еще раз; по выступлению С. на тему о состоянии судебной системы замечаний не было;

– от 30 октября 2019 г. – на вопрос С. о мерах ответственности судьи К. пояснение председателя Думы докладчику: *«Вопрос не имеет отношения к рассматриваемому вопросу повестки дня, поэтому ответ на Ваше усмотрение»*; вопрос С. об увеличении штатной численности судей в М. – председатель Думы: это не имеет отношения к мировым судьям;

– от 20 ноября 2019 г. – на вопрос С. председателю М. городского суда Е. об ответственности судьи К. реакция председателя Думы: *«Прошу всех работать в рамках повестки дня и в рамках того вопроса, который мы рассматриваем»*;

– от 19 февраля 2020 г. – на вопрос депутата С. к председателю М. городского суда Е. об излишней строгости приговора по делу Ко. – пояснение докладчику от председателя Думы: *«Вопрос не относится к повестке дня, на него можно не отвечать»*; на вопрос депутата С. о принципах назначения уголовного наказания – председатель Думы: *«Вопрос не относится к повестке дня»*. Здесь же имеется запись: *«Председатель Думы: Коллега С., не кричите в зале, не выстувайте без микрофона, пожалуйста, соблюдайте Регламент»*. На выступление депутата С. с упоминанием того, что признания вины добиваются пытками – реакция председателя Думы: *«А какое это выступление имело отношение к повестке дня?»*. Еще одна запись: *«Председатель Думы: ...коллега С., я прошу не вводить в заблуждение ни депутатов, ни присутствующих сегодня в зале заседаний, ни наших зрителей, которые смотрят нас в Интернете. У нас есть четкий Регламент, где прописано, как принимается решение. Я бы Вам рекомендовал еще раз посмотреть наш Регламент»*.

Совет обращает внимание на то, что ни одной предусмотренной Регламентом М. городской Думы меры воздей-

ствия за нарушение правил проведения заседаний (призыв к порядку, повторный призыв к порядку с занесением соответствующей записи в протокол, порицание, порицание с лишением слова) к депутату С. за якобы его ненадлежащее поведение применено не было, хотя ряд его коллег по работе в законодательном органе при обсуждении вопросов, внесенных в повестку дня, получили замечания за пререкания с председательствующим с повторным призывом к порядку и с занесением соответствующей записи в протокол заседания (см. выписку из протокола за 30 октября 2019 г.).

Совет также отмечает, что дисциплинарное обвинение в отношении адвоката С. в части сделанных им в заседаниях М. городской Думы заявлений, *«служащих цели создания негативного мнения о присутствующих, о деятельности судей и правоохранительных органов Российской Федерации»*, изложено в представлении совершенно неконкретно. В нем не указано, какие именно выражения, по мнению заявителя, составляют дисциплинарный проступок, и почему они были нацелены на создание негативного мнения.

Между тем подп. 6 и 7 п. 2 и п. 3 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что в жалобе должны быть указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, а также что лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, **должно указать на конкретные действия (бездействие) адвоката,**

в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. Органы адвокатского самоуправления **не наделены правом формулирования и конкретизации предъявленного дисциплинарного обвинения** при том, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (см.: Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 192–193).

По этим причинам Совет не усматривает дисциплинарного проступка в действиях адвоката С. по обсуждению им в качестве депутата М. городской Думы в заседаниях 30 октября, 20 ноября и 11 декабря 2019 г., 19 февраля 2020 г. вопросов о назначении мировых судей и принимает решение прекратить в данной части дисциплинарное производство. При этом основанием его прекращения в данной части Совет, вопреки Заклчению Квалификационной комиссии, признает не отсутствие допустимого повода, а отсутствие в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В отношении подачи адвокатом С. депутатских запросов Совет, как и Квалификационная комиссия, учитывает, что такими полномочиями он наделен

Законом города М. от 13 июля 1994 г. «О статусе депутата М. городской Думы» и Законом города М. № 24 от 22 ноября 1995 г. «О порядке внесения и рассмотрения депутатского запроса».

Согласно имеющемуся в дисциплинарном деле письму руководителя Аппарата М. городской Думы от 15 марта 2021 г. ...в адрес директора Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции РФ в указанном аппарате не регистрировались и не направлялись запросы и обращения депутата С. в форме адвокатского запроса. Из того же письма следует, что депутатом С. за время его депутатской деятельности были направлены в органы государственной власти и различные организации 33 депутатских запроса.

В процессе дисциплинарного разбирательства установлено, что предметом данных депутатских запросов был самый широкий круг вопросов далеко не только юридического свойства: режим самоизоляции в период распространения коронавируса, градостроительство, обучение школьников, строительство, ремонт учебных заведений, качество питания учащихся в образовательных учреждениях, стоянки большегрузного транспорта, качество работ по устройству детских площадок, противоречия Генерального плана города М. ряду нормативно-правовых актов, необходимость прекращения деятельности мусоросжигательного завода и т.п. При этом ни в одном из этих запросов, представленных в материалы дисциплинарного производства, нет упоминаний об адвокатском статусе инициатора запроса, все они поданы депутатом С., исполнены на бланке М. городской Думы с подзаголовком «Депутатский запрос» и содержат указание на то, что запрос одобрен на заседании Думы. Доказательств того, что при обращении с каким-либо

депутатским запросом С. действовал в интересах лиц, которым он или его партнеры оказывали юридическую помощь как адвокаты, также не представлено.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что каких-либо запретов на направление депутатского запроса в защиту неограниченного круга лиц, а не только прав и законных интересов граждан, проживающих на территории избирательного округа депутата – автора запроса, действующее законодательство не содержит. Вопреки доводу представления, ч. 1 ст. 7 и ч. 1 ст. 8 Закона города М. № 14-60 от 13 июля 1994 г. «О статусе депутата М. городской Думы» каких-либо запретов в этой части также не содержат. При этом вопрос о пределах полномочий депутата при обращении с депутатским запросом в данном контексте не относится к адвокатской деятельности и не подлежит оценке на предмет соответствия требованиям профессиональной этики адвоката.

По этим причинам Совет приходит к выводу о том, что и в данном случае дисциплинарное обвинение не находит своего подтверждения, в связи с чем дисциплинарное дело в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Переходя к доводу заявителя о привлечении адвоката С. Т. районным судом города Москвы к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, Совет отмечает, что каких-либо доказательств, свидетельствующих об участии С. в данном мероприятии в качестве адвоката, в материалы дисциплинарного производства не представлено. В решении Т. рай-

онного суда города Москвы от 22 марта 2021 г. по делу... указано, что участником несанкционированного публичного массового мероприятия является депутат М. городской Думы С. В качестве документов, удостоверяющих личность С., помимо общегражданского паспорта, последним было представлено удостоверение именно депутата М. городской Думы, а не адвоката. Как следует из протокола об административном правонарушении от 20 февраля 2021 г. ... в графе «Место работы» в отношении С. указано: «Депутат М. городской Думы». В рапорте дежурного по ОМВД России по Т. району города Москвы также указано, что во время «несанкционированной публичной акции» 23 января 2021 г. был задержан депутат М. городской Думы С. Аналогичная информация содержится в рапорте без даты инспектора... отделения ООП УВД по... ГУ МВД России по городу Москве. Каких-либо данных о позиционировании С. себя как адвоката в ходе указанного массового мероприятия, а равно о каких-либо действиях, совершенных С. как адвокатом, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Давая оценку рассматриваемому дисциплинарному обвинению, Совет вновь обращается к упомянутому выше Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 г. № 02/18 «По вопросам применения п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» и отмечает, что в представленных заявителем материалах, вопреки доводам «Возражений» представителя ГУ МЮ РФ по городу Москве, отсутствуют доказательства того, что поведение С. в ходе публичной акции или при его задержании носило характер адвокатской, а не депутатской деятельности, либо со всей очевидностью демонстрировало его принадлежность к адвокатскому сообществу.

Кроме того, Совет вновь подчеркивает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы неукоснительно придерживаются в своей практике правила о недопустимости двойной (повторной) ответственности за одно и то же деяние.

В данном дисциплинарном деле соответствующие доводы подробно приведены в Заключение Квалификационной комиссии (стр. 16–19) и в полной мере разделяются Советом. При этом у Совета не вызывает сомнений, что по своему характеру, нормативной регламентации, порядку возложения и юридическим последствиям дисциплинарная ответственность является публично-правовой, а поэтому применение в отношении адвоката С. дополнительно к административной ответственности еще и меры дисциплинарной ответственности за те же самые действия означало бы привлечение его к двойной (повторной) публично-правовой ответственности за одно и то же деяние, что, согласно общеобязательной правовой позиции Конституционного Суда РФ, недопустимо и неприемлемо в правовом государстве (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 10-П; Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 312-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2021 г. № 17-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2019 г. № 8-П).

Согласно Федеральному конституционному закону от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» *«Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов го-*

сударственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» (ст. 6).

Таким образом, и в данной части в действиях адвоката С. не усматривается признаков дисциплинарного проступка.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения, изложенного в представлении ГУ МЮ РФ по городу Москве от 23 июля 2021 г. ...о прекращении статуса адвоката С. за нарушение положений п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении адвокатом С. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на сайте YouTube, видеообращения под заголовком *«Денутата С. уничтожают! Месть за Н.?»*, в котором он предаст гласности документы, составляющие материалы дисциплинарного производства, и призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию и орган юстиции субъекта Российской Федерации в защиту своих прав и законных интересов, Совет отмечает следующее.

Совет не может согласиться с доводом Квалификационной комиссии о том, что требования п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяются только на дисциплинарные органы адвокатских палат, но не распространяются на участников дисциплинарного производства, и исключает этот вывод из обоснования настоящего решения как ошибочный, не основанный на нормах закона и Кодекса профессиональной этики.

Вместе с тем, как справедливо отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, положения п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающие запрет на разглашение материалов дисциплинарного производства, корреспондируют п. 4 ст. 19 того же Кодекса, где указы-

вается, что при осуществлении дисциплинарного производства принимаются меры для охраны сведений, составляющих тайну личной жизни лиц, обратившихся с жалобой, коммерческой и адвокатской тайны.

Доктринальное толкование этих норм в их взаимосвязи состоит в следующем (см.: *Пилипенко Ю.С.* Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката». 2-е изд. М., 2013):

– *«Как правило, вся совокупность конфиденциальной информации, которая может быть задействована в ходе дисциплинарного производства, составляет адвокатскую тайну и уже по этой причине не может быть использована (разглашена) никем из лиц, участвующих в таком производстве» (стр. 381);*

– *«...Если дисциплинарное производство возбуждено по жалобе доверителя адвоката, в его ходе должны быть приняты все возможные меры для обеспечения полной конфиденциальности, исключаящие разглашение или иное использование кем-либо из участников указанных сведений» (там же);*

– *«Норма, запрещающая разглашение материалов дисциплинарного производства, в принципе имеет не столько процессуальное, сколько материальное значение. Эта норма может предполагать ответственность адвокатов – членов Совета или участников дисциплинарного производства за действия (бездействие), которые привели к нарушению конфиденциальности» (стр. 461).*

Аналогичный подход предусмотрен и *Руководством по установлению и поддержанию процедур обжалования и рассмотрения дисциплинарных вопросов*, одобренным Советом Международной Ассоциации юристов (Сингапур, октябрь 2007): процедурам, принятым каждым дисциплинарным органом по рассмотрению споров, следует пред-

усматривать меры соответствующего обеспечения конфиденциальности применительно к клиенту (п. 18).

Соответственно, оценка поведения адвоката на предмет соответствия требованию п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката должна даваться с учетом того, разглашены ли им сведения, которые носят конфиденциальный характер, затрагивающий охраняемые законом интересы того или иного участника разбирательства.

Адвокат С. не отрицает факт размещения им 19 июля 2021 г. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» видеоролика, в котором он выражает свое несогласие с доводами представления ГУ МЮ РФ по городу Москве от 1 июля 2021 г. Однако содержание выступления адвоката С. показывает, что в нем не усматривается разглашения адвокатской или какой-либо иной охраняемой законом тайны.

Материалы, которые комментировал адвокат С. в указанном выступлении (представление Главного управления Минюста РФ по городу Москве и письмо Минюста РФ), касаются его самого и являются документами публичных органов исполнительной власти, выпущенными в процессе исполнения ими своих публичных полномочий. Они не относятся к сведениям ограниченного пользования и не содержат грифа, не позволяющего открыто их цитировать и сообщать содержащиеся в них сведения неограниченному кругу лиц. Эти материалы послужили поводом для принятия решения о возбуждении настоящего дисциплинарного производства, однако они не были получены в ходе данного производства.

Апеллирование к общественному мнению как форма защиты своих прав и законных интересов не запрещено действующим законодательством. Напротив, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ гарантирует, что каждый имеет право свободно

распространять информацию любым законным способом, а ч. 2 ст. 45 Конституции РФ гарантирует право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката С. дисциплинарного нарушения и в этой части. На этот вывод не влияет то обстоятельство, что, вопреки утверждениям адвоката С., на момент записи своего выступления он уже был уведомлен о возбуждении дисциплинарного производства.

Ссылка заявителя на то, что «С. инициировал уже несколько десятков обращений в органы юстиции, оказывая таким образом давление на орган исполнительной власти», не влияет на оценку поведения адвоката С., поскольку согласно ст. 33 Конституции РФ «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления». Каких-либо доказательств того, что в указанных обращениях адвоката С. содержатся его высказывания, не соответствующие требованиям профессиональной этики, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Это же относится и к доводу заявителя о том, что адвокат С. «призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию в защиту своих интересов». Каких-либо данных о том, что поступившие в Адвокатскую палату города Москвы обращения в защиту и поддержку адвоката С. повлияли на выводы Квалификационной

комиссии, не имеется. Совет признает, что дисциплинарное разбирательство проведено Квалификационной комиссией в соответствии с требованиями ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия правильно установила фактические обстоятельства, а ее Заключение соответствует предъявляемым к нему требованиям.

По этой причине Совет находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Вместе с тем, принимая во внимание, что представление Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве относится к числу допустимых поводов для возбуждения дисциплинарного производства, Совет считает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства, прекратив его в полном объеме вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по представлениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 1 июля 2021 г. ...и от 23 июля 2021 г. ...в отношении адвоката С. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.13. Адвокату объявлено замечание за размещение недопустимой информации на своем сайте.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя Главного управления Министерства

юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. ...адвоката С., рассмотрел в закрытом заседании с ис-

пользованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 30 июля 2021 г. ...о прекращении статуса адвоката С.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 сентября 2021 г. адвокатом С. допущены:

1) нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта... наименования «С. и партнеры» без указания на принадлежность адвоката С. к Коллегии адвокатов города Москвы «...»;

2) нарушение положений подп. 1 и 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве наименования страницы... а также заголовка «У нас лучшие услуги» на страницах сайта...

3) нарушение положений подп. 2 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта... отзывов А. и Сл.;

4) нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта... утверждения «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

5) нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта... информации о том, что им «Выиграно 92% дел. Взыскано 80% долгов».

Кроме того, в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к

выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве (далее – ГУ МЮ РФ по городу Москве) Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась.

Дополнительно отметила, что просит при вынесении решения учесть тяжесть правонарушений, которые установлены Квалификационной комиссией в ходе всестороннего дисциплинарного разбирательства. Квалификационная комиссия действительно установила грубейшие нарушения Кодекса профессиональной этики адвокатов. Это, в частности, размещение в сети «Интернет» информации, не соответствующей действительности, о количестве оправдательных приговоров, выигранных делах адвоката, размещение информации о себе в превосходной степени («Лучший адвокат Москвы», «Лучшие услуги»), а также незаконное размещение отзывов о работе адвоката. Такая информация ни при каких обстоятельствах не допускается в профессиональной среде адвокатов и вводит в заблуждение доверителей. Также просит Совет учесть длительное нарушение адвокатом С. Кодекса профессиональной этики адвоката. Как установлено Квалификационной комиссией, указанная информация имела на данном сайте задолго до изготовления скриншотов, приложенных к представлению. Просит также учесть Совет пренебрежительное отношение адвоката С. к Правилам

поведения адвоката в сети «Интернет», которое утверждено Советом ФПА РФ 28 сентября 2016 г. Поддерживает представление в полном объеме и с учетом тяжести и длительности нарушений просит прекратить статус адвоката С.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Дополнительно пояснил следующее. По поводу указания на «С. и партнеры» – действительно было такое указание, но без того, что это именно коллегия адвокатов. Он и все его партнеры состояли в коллегии адвокатов «...», работали вместе. То, что это некорректно, он согласен, но цели вводить в заблуждение не преследовал и членство в коллегии адвокатов «...» не скрывал. По поводу указания на количество дел, ему тогда казалось, что примерно оно соответствовало подсчетам. Но он согласен, что не надо было это указывать. Он действительно думал, что это было удалено в 2019 году, о чем писал в своих объяснениях в Палату. Но в ходе рассмотрения в Комиссии увидел, что есть страница «Адвокат С.» (<https://...>), которая в поиске не выдается. Она действительно была, сейчас уже удалена, прямо в тот же день. И, таким образом, со всеми этими нарушениями, которые были изложены в Заклучении, он согласен. Считает, что Комиссия подошла объективно, а нарушения все устранены. Также считает важным отметить, что ни одной жалобы ни от доверителей, ни от прокуроров, судей и коллег по работе не поступало за время его адвокатской работы. В том числе, это видно из его характеристики из коллегии адвокатов «...». Она имеется в материалах дисциплинарного производства. То есть никаких пострадавших от тех нарушений, которые им допущены и которые он признает, нет. Поэтому он считает,

что, наверное, заслужил какое-то наказание, но наказание в виде прекращения статуса слишком суровое, на его взгляд, потому что никакого ущерба никому не нанесено. Обязуется больше подобное не совершать. А что касается двух отзывов, опубликованных на сайте, то они о его борьбе за прекращение деятельности мусоросжигательного завода...

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но считает необходимым частично изменить ее выводы.

Так, установлено, что в представлении ГУ МЮ РФ по городу Москве от 30 июля 2021 г. ... в отношении адвоката С. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

1) размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на своем персональном сайте, сведений об осуществлении адвокатской деятельности в Коллегии адвокатов «С. и партнеры», которая не зарегистрирована в установленном законом порядке, что по доводам представления вводит потенциальных доверителей адвоката С. в заблуждение об адвокатском образовании, где он фактически осуществляет свою деятельность, а также свидетельствует о нарушении требований п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» об осуществлении адвокатом своей деятельности только в одном адвокатском образовании;

2) размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на своем персональном сайте, оценочных характеристик адвоката и заявлений, которые могут вызвать безосновательные надежды потенциальных доверителей, включая размещение на интернет-страницах своего сайта:

– наименования «Лучшие адвокаты Москвы», а также заголовка «У нас лучшие услуги»;

– отзывов о работе адвоката С.;

– указания на то, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

– указания на то, что адвокатом С. «Выиграно 92% дел. Взыскано 80% долгов»;

– фотографии адвоката С. в форме сотрудника Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП) с указанием: «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП... поможет вернуть долг через суд», что рассматривается как позиционирование адвоката С. не только как адвоката, но и как заместителя руководителя Главного управления ФССП по... области, формирующее у потенциальных доверителей мнение о возможности реализации позиции доверителей с помощью личных связей с работниками ФССП по... области.

Согласно п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит: 1) оценочных характеристик адвоката; 2) отзывов других лиц о работе адвоката; 3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; 4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды. Разъяснение об отдельных аспектах применения приведенных положений давались Комиссией ФПА РФ по этике и стандартам в Разъяснении от 28 января 2016 г. № 03/16 и в Разъяснении от 17 апреля 2019 г. № 01/19.

Совет признает, что дисциплинарные обвинения адвоката С. в совершении

действий, нарушающих предписание ч. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, частично нашли свое подтверждение в ходе дисциплинарного разбирательства.

Установлено и не отрицается адвокатом С., что размещенный в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сайт... принадлежит ему самому. При этом на указанном сайте, на странице... с наименованием «Лучшие адвокаты Москвы», размещены фотографии адвокатов, включая С., анимация, содержащая сменяющиеся заголовки «У нас лучшие услуги», «У нас демократичные цены», «У нас индивидуальный подход»; положительные отзывы.

Кроме того, в процессе дисциплинарного разбирательства по результатам осмотра архивных копий страниц того же сайта установлено, что:

– по состоянию на 1 ноября 2020 г. и на 24 января 2021 г. в подразделе сайта «Судебное взыскание долга» была размещена фотография адвоката С. в форме сотрудника ФССП с подписью «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП... поможет вернуть долг через суд», в также подзаголовок: «Три причины обратиться к адвокату С.». В качестве первой причины указывается: «Реальный успешный опыт побед в судебных процессах по взысканию долгов совместно со штрафами, судебными расходами и моральным вредом. Выиграно 92% дел. Взыскано 80% долгов». В качестве второй причины указывается: «Реальный опыт взыскания долгов с подчиненными судебными приставами М. региона (до получения статуса адвоката С. занимал должность заместителя главного судебного пристава... занимался вопросами исполнительного производства, ареста и реализации имущества должников, возбуждения уголовных дел в отношении должников, розыска должников и их имущества)»;

– по состоянию на 1 октября 2020 г. в подразделе сайта «Адвокат (защитник) по уголовным делам» была размещена информация о том, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

– по состоянию на 20 сентября 2020 г. и на 3 марта 2021 г. на сайте имелись активные ссылки, озаглавленные как «Адвокат в суде присяжных заседателей | Лучшие адвокаты Москвы | С. и ПАРТНЕРЫ», «Протокол судебного заседания. Как не дать себя обмануть? | Лучшие адвокаты Москвы | С. и ПАРТНЕРЫ».

Относительно дисциплинарного обвинения адвоката С. в том, что на страницах сайта... были размещены сведения об осуществлении адвокатской деятельности в коллегии адвокатов «С. и партнеры», которая не зарегистрирована в установленном законом порядке, и в том, что адвокат С. осуществляет свою деятельность одновременно в коллегии адвокатов города Москвы «...» и в коллегии адвокатов «С. и партнеры», Совет, вопреки мнению Квалификационной комиссии, не усматривает в данной части дисциплинарного нарушения по следующим причинам.

Дисциплинарным разбирательством установлено, что «С. и партнеры» позиционируется на сайте адвоката С. как профессиональное объединение, а не как коллегия адвокатов или иное адвокатское образование. При этом принадлежность адвоката С. к адвокатскому образованию – коллегии адвокатов города Москвы «...» не скрывается и прямо указывается на сайте. Отнесение адвоката к тому или иному неформальному адвокатскому объединению само по себе не означает одновременное осуществление им адвокатской деятельности более чем в одном

адвокатском образовании в нарушение п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Поскольку, как прямо указывается заявителем, «С. и партнеры» не зарегистрировано в установленном порядке, а значит, вопреки утверждениям представления ГУ МЮ РФ по городу Москве, не является коллегией адвокатов или иным адвокатским образованием. При этом согласно указанному закону адвокаты могут быть членами общественных объединений адвокатов (ст. 39). Квалификационной комиссией признано установленным, и никем не оспаривается, что адвокат С. осуществляет свою адвокатскую деятельность в коллегии адвокатов города Москвы «...».

При таких обстоятельствах вывод Квалификационной комиссии о том, что упоминание словосочетания «С. и партнеры» (без указания на то, что оно является адвокатским образованием) вводит потенциальных доверителей адвоката С. в заблуждение относительно того, в каком адвокатском образовании он осуществляет свою деятельность, носит характер предположения, и его нельзя признать обоснованным. Как-либо жалоб по данному поводу в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

По этой причине Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу об отсутствии дисциплинарного нарушения в этой части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в использовании на сайте адвоката С. наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве обозначения одной из страниц, а также заголовка «У нас лучшие услуги», Совет признает, что

такие заявления причисляют адвокатов, указанных на сайте, к числу которых относится и адвокат С., к «лучшим» адвокатам города Москвы, оказывающим «лучшую» юридическую помощь («услуги»). Несмотря на то, что перевознение одного или нескольких адвокатов над другими недопустимо, именно этой цели служат вышеуказанные оценочные характеристики, указывающие на то, что юридическая помощь адвоката С. и других адвокатов, упомянутых на его сайте, лучшая. Отмечая себя и перечисленных на сайте коллег в превосходной степени, адвокат С. дает себе и им оценочную характеристику и сравнивает себя и указанных на сайте коллег с другими адвокатами.

Такое поведение адвоката образует дисциплинарный проступок, поскольку адвокатам «необходимо строго соблюдать требования ст. 17 Кодекса профессиональной этики, запрещающей использовать оценочные и сравнительные характеристики» (см.: Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 212). Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает по данному эпизоду нарушение адвокатом С. требования подп. 1 и 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката при использовании на сайте адвоката С. наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве обозначения одной из страниц, а также заголовка «У нас лучшие услуги».

Относительно размещения на сайте... отзывов А. и С., также признанного Квалификационной комиссией нарушением требований Кодекса профессиональной этики адвоката (подп. 2 п. 1 ст. 17), Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии и считает, что она и в данном случае до-

пустила ошибку в правовой оценке деяния адвоката.

Действительно, информация с отзывами других лиц о работе адвоката недопустима в силу прямого указания п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката. Однако Квалификационная комиссия в своем Заключении справедливо отметила: «...Адвокат С., в числе прочего, является депутатом М. городской Думы и общественным деятелем, о чем многократно указано на его сайте. При этом следует отметить, что содержание отзывов А. (“Что?! Как это!?! Я не поверила своим глазам, когда прочитала! Неужели справедливость существует! пусть даже это и не окончание войны над мсз... но это огромная победа!!! Е., вы Герой нашего времени, спасибо!!!”) и С. (“Е.! Вы один из немногих людей, которых я уважаю. Спасибо за честность, смелость, принципиальность!”) не позволяет прийти к однозначному выводу о том, что эти отзывы являются именно отзывами об адвокатской, а не об общественно-политической, в том числе депутатской деятельности С.».

Как следует из материалов дисциплинарного дела, С. в связи с обращениями к нему как к депутату М. городской Думы жителей районов Н., К.-У. и Не. города М. активно занимался проблемой ликвидации мусоросжигательного завода... что подтверждается направлявшимися им по этому поводу депутатскими запросами от 23 июля 2020 г. ...в адрес мэра М. и от 1 октября 2020 г. ...на имя прокурора города М. Очевидно, что с результатами именно этой работы связан один из отзывов («окончание войны над мсз ...»), и оба они не имеют никакой смысловой привязки к адвокатской деятельности С. При таких обстоятельствах Совет не считает возможным привлекать адвоката С. к дисциплинарной ответственности, поскольку она не

может наступать на основании предположения.

Дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом С. на сайте... указания на то, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора», Совет признает обоснованным. Согласно Разъяснению № 01/19 Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката такая информация относится к разряду вводящей потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний и искажения фактов.

Проведенный в ходе дисциплинарного разбирательства анализ процессуальных решений, представленных адвокатом С., вовсе не свидетельствует об удовлетворительных для доверителей результатах, особенно в части оправдательных приговоров.

Учитывая изложенное, утверждение о том, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора» содержит намеки и двусмысленности, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей и вызывать у них безосновательные надежды, и поэтому не отвечает требованию подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая допустимость размещения адвокатом С. на сайте... информации о том, что им «Выиграно 92% дел. Взыскано 80% долгов», Совет отмечает, что в соответствии с Разъяснением № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профес-

сиональной этики адвоката не соответствующая действительности информация о проценте «выигранных» дел является неправомерной.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что оцениваемое утверждение не может рассматриваться лишь как сведения о «положительном профессиональном опыте» по смыслу Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам № 03/16, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 января 2016 г.

В ходе настоящего дисциплинарного производства адвокату С. было предложено продемонстрировать доказательства достоверности утверждений о заявленных результатах оказания им юридической помощи. Однако ни методики подсчета, ни конкретных расчетов и их результатов он представить не смог.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что размещение адвокатом С. на сайте... информации о том, что им «Выиграно 92% дел. Взыскано 80% долгов» противоречит подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В части, касающейся размещения фотографии адвоката С. в форме сотрудника ФССП с указанием: «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП... поможет вернуть долг через суд», Квалификационная комиссия привела убедительный довод о том, что согласно подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов,

обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами, однако подобных утверждений текст под фотографией адвоката С. в форме сотрудника ФССП не содержит.

В упоминавшемся выше Разъяснении Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 03/16 отмечено, что адвокат может в Интернете, а также в брошюрах, буклетах и иных информационных материалах размещать сведения о наличии у него положительного профессионального опыта, а также информацию о профессиональной специализации адвоката, что само по себе не противоречит Кодексу профессиональной этики адвоката.

По этой причине, исходя из презумпции добросовестности адвоката, упомянутый текст под фотографией адвоката С. должен рассматриваться именно как указание на наличие у него соответствующего профессионального опыта, а выражение «поможет вернуть долг через суд», вопреки доводам представления ГУ МЮ РФ по городу Москве, не может формировать мнение потенциальных или реальных доверителей о том, что это будет непременно происходить с использованием адвокатом С. личных связей с сотрудниками Федеральной службы судебных приставов либо судьями. К тому же размещение на сайте полной информации о предыдущем профессиональном опыте адвоката, в том числе с приведением подтверждения ее достоверности, способствует принятию потенциальными доверителями взвешенного и информированного решения об обращении за юридической помощью конкретного адвоката.

Таким образом, Совет признает непровергнутой презумпцию добросовестности адвоката С. по дисциплинарному обвинению в размещении им своей фотографии в форме сотрудника ФССП с указанием: «Адвокат С., с опы-

том работы заместителем главного судебного пристава ФССП... поможет вернуть долг через суд».

В то же время Совет считает необходимым обратить внимание адвоката С. на нежелательность излишнего ассоциирования адвоката и его профессиональной деятельности с предыдущей работой в правоохранительных органах, в том числе путем размещения на сайте адвокатского образования изображений в форменном обмундировании или указаний на ранее занимаемые должности в правоохранительных органах.

Адвокатура как институт гражданского общества отделена от государства. Ее цели достигаются исключительно путем использования полномочий адвокатов, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и иными нормативно-правовыми актами. Поэтому не только нет необходимости, но и вредно для репутации адвокатского сообщества прямо или косвенно давать повод доверителям полагать, что их права и интересы будут защищаться адвокатом с использованием связей по его предыдущему месту работы в органах государственной власти и управления.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату С. за допущенные нарушения, Совет принимает во внимание, что он дисциплинарное нарушение совершил впервые, признал его. Кроме того, часть некорректной информации ранее уже была удалена с сайта. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства,

предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату С. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

1) нарушение положений подп. 1 и 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве обозначения страницы... а также заголовка «У нас лучшие услуги» на страницах сайта...

2) нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта... утверждения: «Адвокат С., как правило,

добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

3) нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта... информации о том, что им «Выиграно 92% дел. Взыскано 80% долгов».

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по представлению ГУ МЮ РФ по городу Москве от 30 июля 2021 г. ...о прекращении статуса адвоката С. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.14. Адвокату объявлено замечание за использование в письменном ходатайстве недопустимых выражений, содержащих оценки как личных, так и профессиональных качеств процессуального оппонента.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. ...адвоката Ч., рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 19 апреля 2021 г. ...основанному на информации из ГСУ СК России по М. области от 10 марта 2021 г. ...в отношении адвоката Ч.

Квалификационная комиссия 7 июля 2021 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ч. взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросо-

вестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле»), что выразилось в указании адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 г. по уголовному делу... в отношении А., адресованном генеральному прокурору Российской Федерации, фразы *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль,*

что сейчас и происходит со следователем Ш.».

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части указанного дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката

Адвокат Ч. в заседании Совета поддержал ранее представленные письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии... в которых выразил несогласие в части установленного Комиссией нарушения, просил Совет принять во внимание, что Актом экспертного исследования от 23 сентября 2021 г. ...выполненным лицом, обладающим специальными познаниями в области лингвистики, установлено, что смысловая направленность текста ходатайства генеральному прокурору России заключается в информировании о сложившейся ситуации с расследованием уголовного дела и побуждении разобраться в этой ситуации путем привлечения высшего органа, осуществляющего надзор за исполнением законов – прокуратуры России; в тексте ходатайства отсутствуют высказывания, содержащие угрозы применения насилия в отношении каких-либо должностных лиц; отсутствуют высказывания, содержащие унижительную оценку какого-либо лица; отсутствуют бранные, грубые слова и выражения.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии согласна в полном объеме. Считает, что за допущенные нарушения к адвока-

ту Ч. должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения. В связи с приобщением адвокатом Ч. к материалам дисциплинарного производства Акта экспертного исследования от 23 сентября 2021 г. ...сообщила, что, по ее мнению, указанное экспертное исследование не относится к предмету настоящего дисциплинарного разбирательства, предметом которого является проверка действий адвоката на соответствие требованиям ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката об уважении к лицам, участвующим в деле, и выражении возражений в корректной форме.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается в полном объеме с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

17 декабря 2020 г. адвокат Ч., являясь защитником А. по уголовному делу... находящемуся в производстве ГСУ СК России по М. области, подал в отделе личного приема Генеральной прокуратуры Российской Федерации ходатайство на имя генерального прокурора Российской Федерации в интересах подзащитного А.

В текст данного ходатайства адвокат Ч. при обосновании своей позиции включил, в частности, следующие выражения:

«что следователь К. ... фальсифицировал протоколы допросов» (страница 1, абзац 1 снизу);

«один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений» (страни-

ца 2, абзац 7, страница 3, продолжение этого же абзаца);

«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.» (страница 3, абзац 7 со страницы 2);

«следователь Ш. вступила... в корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.» (страница 3, абзац 4);

«и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» (страница 4, абзац 2);

«...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности» (страница 4, абзац 4).

Употребление данных выражений в своем ходатайстве от 17 декабря 2020 г. адвокатом Ч. не оспаривается.

В представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 19 апреля 2021 г. ...указано, что вышеизложенные фразы «могут свидетельствовать о нарушении адвокатом Ч. требований подп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре; п. 2 ст. 5, п. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса».

Оценивая вышеперечисленные выражения, использованные адвокатом Ч. в ходатайстве на имя генерального прокурора Российской Федерации от 17 декабря 2020 г., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, прихо-

дит к выводу о том, что во фразах: *«что следователь К. ... фальсифицировал протоколы допросов»*; *«один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений»*; *«следователь Ш. вступила... в корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.»*; *«и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования»* и *«...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности»*, – отсутствуют нарушения требований профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Употребление адвокатом Ч. данных выражений как самостоятельно, так и в контексте тех доводов, которые приведены им в ходатайстве, поданном в защиту прав и законных интересов подзащитного А., было обусловлено личной оценкой адвокатом Ч. деятельности сотрудников следственных органов при расследовании уголовного дела... в отношении А. На такую оценку адвокат Ч. как профессиональный участник уголовного судопроизводства имел полное право, при этом каких-либо неуважительных и оскорбительных высказываний в данной части он не допустил.

Статья 119 УПК РФ предусматривает право защитника обратиться с соответствующим ходатайством для обеспечения прав и законных интересов представляемого им лица. Адвокатом Ч.

данное право было реализовано через обращение к генеральному прокурору Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством (ст. 1, ч. 1), в котором права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства (ст. 2). Развивая эти установления, относящиеся к основам конституционного строя Российской Федерации, Конституция Российской Федерации закрепляет, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации, в том числе согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17, ч. 1) являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18).

Вместе с тем в силу статьи 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если они отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необхо-

димыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права; при допустимости ограничения того или иного конституционного права государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, четкой, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации полностью применимы к регулированию федеральным законодателем свободы мысли и слова, которая гарантируется каждому ст. 29 Конституции Российской Федерации и означает, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, и что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 1, 3 и 4).

Кроме того, эти правовые позиции применительно к реализации гражданами Российской Федерации права на свободу слова корреспондируют положениям ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со сто-

роны публичных властей и независимо от государственных границ (п. 1); осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (п. 2) (см., например, п. 1.4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 17 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” и статьи 20¹ Закона Российской Федерации “О милиции” в связи с жалобами Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина»).

Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также нормы УПК РФ наделяют органы прокуратуры полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

В этой связи обращение адвоката Ч. с информацией о нарушении закона следственными органами, допущенном при расследовании уголовного дела... в отношении А., является надлежащим исполнением профессиональных обязанностей и не нарушает взаимосвязанные положения подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, полагает, что каждая из вышеперечисленных фраз, указанная адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 г., обосновывалась им соответствующими фактическими данными со ссылками на обстоятельства и материалы уголовного дела. Проверка достоверности и обоснованности этих ссылок не относится к компетенции органов адвокатского самоуправления.

В то же время органы прокуратуры Российской Федерации обладают соответствующей компетенцией по проверке доводов о совершении теми или иными лицами, включая должностных лиц следственных органов, противоправных действий при реализации своих полномочий, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Каких-либо доказательств того, что сведения, изложенные в ходатайстве адвоката Ч. генеральному прокурору Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. о противоправных и незаконных действиях следователей ГСУ СК России по М. области и руководства этого подразделения при расследовании уголовного дела... в отношении А., не имели под собой никакой фактической основы, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. в части использования им в ходатайстве генеральному прокурору Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. фраз: *«что следователь К.... фальсифицировал протоколы допросов»; «один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина*

в совершении тяжких преступлений»; «следователь Ш. вступила... корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.»; «и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» и «...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности», – подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Оценивая фразы, употребленные адвокатом Ч. в том же ходатайстве, «следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.» (цитата: страница 3, абзац 7 ходатайства со страницы 2), Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное обвинение в этой части нашло свое подтверждение.

Деловое общение есть особый вид общения, реализуемый в совместной профессионально-предметной деятельности людей и возникающий на основе определенного вида деятельности, связанного с производством какого-либо продукта или делового эффекта (см.: Государственная служба: культура поведения и деловой этикет. М.: РАГС, 1998. С. 160).

По общему правилу делового общения формулирование претензии к кон-

кретной профессиональной деятельности оппонента исключает возможность оценки личности самого оппонента, включая его личные и профессиональные качества, так как предмет делового общения является исключительно делом.

Приведенные адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 г. оценки личности следователя Ш. очевидно не требовались с точки зрения существа защиты обвиняемого А., являлись бездоказательными. Более того, они ни при каких обстоятельствах не могли быть приняты во внимание адресатом обращения адвоката Ч. и учтены при принятии решения по заявленному им ходатайству.

Таким образом, высказывания адвоката Ч., содержащиеся в обозначенном фрагменте текста, не только не способствовали защите прав и законных интересов подзащитного А., а, напротив, создавали возможность отказа от полноценного рассмотрения ходатайства адвоката Ч., так как могли повлечь вывод о злоупотреблении правом с его стороны.

Согласно позиции Европейского Суда по правам человека ограничения свободы выражения мнения должны быть соизмеримы с целью, ради которой они были предприняты, и должны оцениваться исходя из критериев их пропорциональности (см.: Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 236).

Совет обращает внимание и на то, что, в отличие от устного выступления, требующего порой незамедлительной реакции защитника на происходящее нарушение прав и законных интересов защищаемого лица и допускающего в этой связи ярко окрашенные эмоциональные фразы и выражения, при со-

ставлении письменного документа адвокат во всех случаях имеет возможность сформулировать свои доводы в строгом соответствии с правилами делового общения, исключив недопустимые в официальной переписке эмоциональную окраску описываемых обстоятельств и оценку личности участника тех или иных правоотношений.

Совет не соглашается с позицией адвоката Ч., изложенной в возражении на Заключение Квалификационной комиссии... о том, что Актом экспертного исследования от 23 сентября 2021 г. ... приложенного к возражению адвоката Ч., подтверждается отсутствие в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие оценки являются исключительной компетенцией органов адвокатского самоуправления. Вместе с тем в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 19 апреля 2021 г. ... о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч. отсутствуют дисциплинарные обвинения в высказывании адвокатом угроз применения насилия в отношении каких-либо должностных лиц, в оскорблении какого-либо лица, в том числе с использованием бранных, грубых слов и выражений.

Однако указанные выше высказывания адвоката Ч., являясь бесполезными для защиты интересов доверителя, очевидно не соответствуют правилам делового общения, поскольку содержат оценки личности процессуального оппонента, включая личные и профессиональные качества этого лица, так как предметом делового общения в уголовном судопроизводстве являются исключительно действия (бездействие) и решения должностных лиц и органов,

осуществляющих расследование и рассмотрение уголовных дел.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Ч., указав в своем письменном ходатайстве от 17 декабря 2020 г. генеральному прокурору Российской Федерации фразу *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*, допустил нарушение взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, придерживаясь манеры поведения, соответствующей деловому общению, и проявляя уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он к дисциплинарной ответственности ранее не привлекался, допущенное им нарушение не причинило существенного вреда. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предус-

мотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ч. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле»), что выразилось в указании адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 г. по уголовному делу... в отношении А., адресованном генеральному

прокурору Российской Федерации, фразы *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 19 апреля 2021 г. ...основанному на информации из ГСУ СК России по М. области от 10 марта 2021 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Дисциплинарные производства иных категорий

3.1. Совет прекратил статус адвоката за предоставление им в целях получения оплаты ложной информации в отчете об оказании бесплатной юридической помощи, которая в действительности не была им оказана.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Д. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. ...возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... б/н от 30 июня 2021 г.

Квалификационная комиссия 7 июля 2021 г. вынесла Заключение:

– о нарушении адвокатом Д. п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им не позднее 27 мая 2021 г. в Московскую коллегия адвокатов «...»

документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об оказании с марта по май 2021 года юридической помощи гражданам К. (умер 1 ноября 2020 г.), Б. (умерла 5 августа 2020 г.) и К.Р. (умерла 10 сентября 2019 г.), которым юридическая помощь в действительности не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвока-

туре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат Д. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен частично: не согласен с квалификацией его деяния по п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как считает, что не злоупотреблял доверием; фотография из светокопии паспорта получателя юридической помощи вырезана по просьбе последнего в целях обеспечения конфиденциальности персональных данных. Просил Совет при избрании меры дисциплинарной ответственности учесть его длительный адвокатский стаж, безупречную адвокатскую деятельность, ученую степень, наличие поощрений, наград и звания «Ветеран труда», воспитание им ребенка-инвалида, просил не наказывать его строго и не лишать статуса адвоката. Сообщил, что подал заявление о прекращении статуса адвоката «в связи с уходом на пенсию».

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав доводы адвоката Д., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат участвует лично в оказании гражданам Российской Федерации юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

В целях получения оплаты за бесплатную юридическую помощь, якобы оказанную им гражданам К., Б., К.Р. в 2021 году, адвокат Д. не позднее 27 мая 2021 г. представил в Московскую коллегия адвокатов «...» предусмотренные Законом города Москвы от 4 октября 2006 г. № 49 «Об оказании адвока-

тами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» и Постановлением Правительства Москвы от 15 октября 2013 г. № 687-ПП «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в городе Москве» документы.

В ходе дисциплинарного производства адвокат Д. подтвердил указанные обстоятельства и вместе со своими письменными объяснениями от 21 июня 2021 г. представил в Адвокатскую палату города Москвы комплекты документов, ранее представлявшиеся им в Московскую коллегия адвокатов «...» для формирования сводных отчетов, об объеме правовой помощи, подлежащих направлению в Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. В числе прочего, адвокатом Д. в Адвокатскую палату города Москвы были представлены следующие документы:

– заявление К. от 3 марта 2021 г., адресованное адвокату Д. и содержащее просьбу оказать К. юридическую помощь в виде консультации в устной и письменной форме с выездом к доверителю, соглашение... от 3 марта 2021 г. об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, акт от 4 мая 2021 г. о получении гражданином К. в период с 3 марта по 4 мая 2021 г. бесплатной юридической помощи, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, справка об инвалидности от 30 июля 2013 г., копия паспорта на имя К.;

– заявление Б. от 11 марта 2021 г., адресованное адвокату Д. и содержащее просьбу оказать Б. юридическую помощь в виде консультации в устной и письменной форме с выездом к доверителю, соглашение... от 11 марта 2021 г.

об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, акт от 24 мая 2021 г. о получении гражданкой Б. в период с 11 марта по 24 мая 2021 г. бесплатной юридической помощи, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, справка об инвалидности от 17 августа 2015 г., копия паспорта на имя Б. [в представленной адвокатом светокопии паспорта фотография Б. на соответствующей странице отсутствует. – *Примечание Совета*];

– заявление К.Р. от 10 марта 2021 г., адресованное адвокату Д. и содержащее просьбу оказать К.Р. юридическую помощь в виде консультации в устной и письменной форме с выездом к доверителю, соглашение... от 10 марта 2021 г. об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, акт от 20 мая 2021 г. о получении гражданкой К.Р. в период с 10 марта по 20 мая 2021 г. бесплатной юридической помощи, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, справка об инвалидности от 11 апреля 1994 г., копия паспорта на имя К.Р.;

– аналогичные документы, подтверждающие оказание адвокатом Д. юридической помощи гражданам Б.И., В., В.В. и Г.

Согласно представленным адвокатом Д. актам в указанные выше периоды он выезжал к К. шесть раз и оказывал ему устные консультации; к Б. – шесть раз и оказывал ей устные консультации; к К.Р. – семь раз и оказывал ей устные консультации. Однако согласно справкам, представленным Департаментом труда и социальной защиты населения города Москвы, гражданин К. скончался 1 ноября 2020 г., гражданка Б. скон-

чалась 5 августа 2020 г., гражданка К.Р. скончалась 10 сентября 2019 г.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, которая сочла установленным факт предоставления адвокатом Д. в Московскую коллегия адвокатов «...» заведомо недостоверных документов об оказании бесплатной юридической помощи гражданам К., Б. и К.Р. для формирования указанным адвокатским образованием сводных отчетов и последующего получения адвокатом Д. оплаты за якобы оказанную перечисленным гражданам бесплатную юридическую помощь

Защитительную версию адвоката Д. об оказании им юридической помощи указанным лицам Совет отклоняет как явно надуманную, поскольку юридическая помощь не может оказываться умершим. При этом Совет отмечает противоречивость избранной адвокатом Д. защитительной версии. Так, в письменных объяснениях от 21 июня 2021 г. адвокат Д. указывал, что данные граждан, перечисленных в письме первого заместителя руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы... от 8 июня 2021 г. № 01-13-15204/21, и копии их документов им были получены на соответствующих приемах от лиц, обратившихся за получением бесплатной юридической помощи. В заседании же Квалификационной комиссии 7 июля 2021 г. адвокат Д. сообщил, что документы он получал от не имевших доверенностей «представителей» и родственников получателей юридической помощи. При этом в силу положений п. 1, 2 ст. 3 Закона города Москвы «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» документы, подтверждающие право на получение бесплатной юридической помощи, предостав-

ляются непосредственно гражданином адвокату (в адвокатское образование), по просьбе гражданина они могут быть также предоставлены другим лицом в случаях, перечисленных в законе, при этом полномочия представителя в указанных случаях подтверждаются в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

Вместе с тем Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, признавшей неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Д. в части дисциплинарных обвинений в представлении им документов об оказании бесплатной юридической помощи гражданам Б.И., В., В.В. и Г., поскольку утверждения о неоказании адвокатом юридической помощи перечисленным лицам какими-либо доказательствами не подтверждены, а сам адвокат Д. доводы представления в указанной части отрицает, утверждая, что юридическая помощь этим лицам была им оказана.

Давая юридическую оценку действиям адвоката Д. применительно к установленным в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства обстоятельствам, Совет отмечает, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката. Совет, вопреки доводам адвоката Д., признает, что действия адвоката Д., выразившиеся в представлении в Московскую коллегия адвокатов «...» для получения соответствующих выплат заведомо недостоверных документов, подтверждающих оказание бесплатной юридической помощи умершим гражданам, которым она в действительности не оказывалась, свидетельствуют о нарушении адвока-

том Д. требований п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный характер, неоднократность, злость и безнравственность, а также наличие корыстного мотива. Действия адвоката Д. противоречат назначению и традициям российской адвокатуры по оказанию бесплатной юридической помощи «по праву бедности», причиняют серьезный репутационный ущерб адвокатуре как институту гражданского общества. Совершенное адвокатом Д. деяние вне разумных сомнений является злоупотреблением доверием и влечет подрыв доверия к адвокату и адвокатуре в целом, что несовместимо со статусом адвоката.

Совет принимает во внимание длительный стаж профессиональной деятельности адвоката Д., наличие у него поощрений и наград, отсутствие дисциплинарных взысканий, иные приведенные адвокатом Д. обстоятельства. Однако Совет полагает невозможным применение к адвокату Д. более мягкой, чем прекращение статуса адвоката, меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и по причине того, что оставление адвоката Д. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Д. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату Д. ...меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение им п. 2 и 3 ст. 5 Кодек-

са профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им не позднее 27 мая 2021 г. в Московскую коллегия адвокатов «...» документов, содержащих несоответствующие действительности сведения об оказании с марта по май 2021 г. юридической помощи гражданам К. (умер 1 ноября 2020 г.), Б. (умерла 5 августа 2019 г.) и К.Р. (умерла 10 сентября 2020 г.), которым юридическая помощь в действительности не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь.

Установить срок, по истечении которого Д. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... б/н от 30 июня 2021 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Защита адвоката от обвинений в фальсификации доказательств и воспрепятствовании правосудию¹

№ 7У-8637/2021

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

<адрес>

16.09.2021

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции в составе:

председательствующего – Костиной О.М.,
судей Рукавишникова П.П., Акатова Д.А.,
при ведении протокола секретарем судебного заседания Кусакиной Е.А.,
прокурора Богдашкина А.П.,
оправданного Лебедева А.А.,

адвоката Резника Г.М., представившего удостоверение № и ордер № от ДД.ММ.ГГГГ адвокатского бюро «<данные изъяты>» города Москвы, осуществляющего защиту оправданного Лебедева А.А.,

рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по кассационному представлению заместителя прокурора города Москвы Малюкова В.А. на оправдательный приговор Тверского районного суда города Москвы от ДД.ММ.ГГГГ и апелляционное постановление Московского городского суда от ДД.ММ.ГГГГ.

Заслушав доклад судьи Костиной О.М., изложившей обстоятельства дела и содержание состоявшихся в отношении Лебедева А.А. судебных решений, доводы кассационного представления заместителя прокурора <адрес> Малюкова В.А. и позицию прокурора Богдашкина А.П., поддержавшего доводы кассационного представления, выступление Лебедева А.А. и его адвоката Резника Г.М., не поддержавших доводы кассационного представления и просивших об оставлении без изменения вынесенных судебных решений, судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

Приговором Тверского районного суда города Москвы от ДД.ММ.ГГГГ

Лебедев А.А., ДД.ММ.ГГГГ года рождения, уроженец села <адрес>, гражданин РФ, ранее не судимый,

оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УПК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 302 УПК РФ, в связи с отсутствием в действиях Лебедева А.А. состава преступления.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ за Лебедевым А.А. признано право на реабилитацию.

Приговором разрешен вопрос о мере пресечения оправданного и определена судьба вещественных доказательств по делу.

¹ Данный материал является продолжением серии публикаций по материалам судебного рассмотрения дела в отношении адвоката А.А. Лебедева. Начало см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2020. № 1 и 2.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от ДД.ММ.ГГГГ указанный приговор суда в отношении Лебедева А.А. оставлен без изменения.

Органом предварительного следствия Лебедев А.А. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УПК РФ, а именно в совершении вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия при следующих обстоятельствах.

Лебедев, являясь адвокатом <адрес> и осуществляя защиту обвиняемой Краснихиной, в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ, по уголовному делу, находящемуся в производстве старшего следователя по особо важным делам второго отдела управления по расследованию организованной преступной деятельности СД МВД России С***, в ходе судебного заседания по рассмотрению ходатайства следствия об изменении обвиняемой К*** меры пресечения на заключение под стражу ДД.ММ.ГГГГ в период с 16 часов 20 минут до 18 часов 50 минут, находясь в зале судебных заседаний Тверского районного суда <адрес>, с целью воспрепятствования осуществлению правосудия путем введения суда в заблуждение относительно исполнения Краснихиной меры пресечения и принятия незаконного решения по результатам рассмотрения указанного ходатайства следствия вмешался в деятельность суда, предъявив оригиналы справки ЗАО «<данные изъяты>» с недостоверными сведениями о посещении ДД.ММ.ГГГГ обвиняемой вместе с ребенком этого центра и осмотре врачом, а также кассового чека № о нахождении К*** в этот день в кафе ЗАО «<данные изъяты>» в качестве доказательств, подтверждающих необоснованность заключения К*** под стражу.

В судебном заседании суда первой инстанции Лебедев вину не признал, отрицая совершение инкриминируемого ему преступления.

Приговором суда Лебедев оправдан по всем пунктам предъявленного обвинения за отсутствием в его действиях состава преступления.

В кассационном представлении заместитель прокурора города Москвы Малюков В.А. выражает несогласие с судебными решениями, вынесенными с существенными нарушениями норм уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела, выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела и опровергаются представленными стороной обвинения доказательствами, а суд апелляционной инстанции фактически самоустранился от проверки итогового судебного решения.

Выводы суда о том, что представленные стороной обвинения доказательства не свидетельствуют о наличии в действиях Лебедева А.А. умысла на вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда, опровергаются совокупностью представленных доказательств.

Приводя положения п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ о том, что с момента вступления в уголовное дело защитник вправе использовать не запрещенные уголовно-процессуальным кодексом РФ средства и способы защиты, а согласно требованиям ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, а также п.п. 1, 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого 1 Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, Лебедев А.А. обязан при осуществлении профессиональной деятельности адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, защищать права и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом.

При этом адвокат Лебедев А.А. не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер. Закон в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

Указывает, что суд не учел, что Лебедев А.А., будучи защитником обвиняемой К***, при рассмотрении ходатайства следователя об изменении меры пресечения К*** с домашнего ареста на заключение под стражу представил суду справку, содержащую в себе сведения, не соответствующие действительности. При этом Лебедев А.А. осознавал и знал, что представленная им справка содержит недостоверную информацию. В итоговом судебном решении остался без внимания довод стороны обвинения о том, что справка содержит в себе сведения не только о сдаче анализов, но и посещении специалиста ДД.ММ.ГГГГ. Однако как из показаний допрошенных свидетелей, так и из оглашенных показаний К*** следует, что последняя в тот день каких-либо врачей не посещала, о чем Лебедеву А.А. было известно, в том числе и со слов сотрудников медицинского центра ЗАО «<данные изъяты>». О том, что К*** не только не посещала специалистов, но и не сдавала анализы в ПМЦ «данные изъяты», не мог не знать Лебедев А.А., так как сотрудниками указанного медицинского центра ему было сообщено, что анализ в тот день от К*** либо ее сына не поступало. Действующий адвокат не мог не знать, что сам факт нахождения К*** по адресу: <адрес>, – не является уважительной причиной для того, чтобы покинуть место отбывания меры пресечения в виде домашнего ареста, так как К*** разрешено находиться по этому адресу лишь с целью получения медицинской помощи.

Исходя из показаний свидетелей, допрошенных в судебном заседании (С**, Л***, Н***, С**), Лебедеву А.А. было сообщено, что его доверитель анализы ДД.ММ.ГГГГ не сдавала, за медицинской помощью в ЗАО «<данные изъяты>» не обращалась, а справка, переданная ему доверителем, составлена врачом в иной день.

Таким образом, Лебедев А.А. был осведомлен о том, что заявленное им ходатайство о приобщении данного документа является незаконным и выполнять его был не вправе как адвокат, осуществляющий защиту обвиняемой в суде.

Несмотря на это, адвокатом в ходе судебного разбирательства заявлено ходатайство о приобщении к материалам, представленным органом предварительного расследования копии справки о посещении К*** вышеназванного медицинского центра, своими действиями адвокат пытался вмешаться в деятельность суда в целях воспрепятствования правосудию.

Более того, суд апелляционной инстанции необоснованно указал на исчерпывающий перечень способов воздействия на председательствующего путем дачи указаний или «настоятельного совета», высказывания угроз, шантажа, обещания каких-либо благ, совершения посягательства на судью, его родственников или его имущество. При этом суд как первой, так и суд апелляционной инстанции фактически уклонились от оценки доводов государственного обвинителя о возможности воздействия на председательствующего по делу об изменении меры пресечения путем предоставления документов, содержащих в себе заведомо ложные сведения.

Вместе с тем, как считает прокурор, исследованными в ходе судебного заседания доказательствами достоверно установлено, что целью заявленного Лебедевым А.А. ходатайства о приобщении справки, полученной из ЗАО «<данные изъяты>», явля-

лось желание последнего оказать воздействие на суд и добиться отклонения ходатайства органа предварительного расследования об изменении К*** меры пресечения.

Также прокурор отмечает, что судом при рассмотрении уголовного дела были существенно нарушены нормы уголовно-процессуального законодательства, выразившиеся в проведении ДД.ММ.ГГГГ предварительного слушания с участием адвокатов Араева и Бочкарева, которые заявляли ходатайство об отложении судебного разбирательства, так как последние к судебному заседанию были не готовы, а поэтому у адвокатов не было возможности подготовиться к судебному разбирательству, что свидетельствует о невозможности последними в полной мере реализовать полномочия, предусмотренные ст. 53 УПК РФ.

В возражении на кассационное представление заместителя прокурора <адрес> Малюкова В.А. оправданный Лебедев А.А. и его защитник адвокат Резник Г.М. считают его несостоятельным, противоречащим требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона и не подлежащим удовлетворению.

Изучив доводы кассационного представления заместителя прокурора <адрес> Малюкова В.А., а также поданных на нее возражений оправданным Лебедевым А.А. и его адвокатом Резник Г.М., проверив материалы уголовного дела № (данные изъяты), судебная коллегия приходит к следующему.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Согласно ст. 401.6 УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в его постановлениях от 17 июля 2002 года № 13-П и от 11 мая 2005 года № 5-П, судебное решение подлежит пересмотру, если выявленные существенные нарушения, допущенные в ходе предыдущего разбирательства, неоспоримо свидетельствуют о наличии судебной ошибки, поскольку такое решение не отвечает требованиям справедливости.

Таких нарушений закона по настоящему делу не допущено.

Согласно ч. 4 ст. 7, 297 УПК РФ приговор, определение, постановление суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Таким признается судебный акт, отвечающий требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона, содержащий основанные на материалах дела выводы суда по обстоятельствам, относящимся к предмету разрешаемых вопросов.

Согласно ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

В соответствии с ч. 2 ст. 302 УПК РФ оправдательный приговор постановляется в случаях, если не установлено событие преступления, подсудимый не причастен к совершению преступления, в деянии подсудимого отсутствует состав преступления.

Состоявшиеся в отношении Лебедева А.А. судебные решения соответствуют указанным требованиям закона.

Описательно-мотивировочная часть оправдательного приговора в соответствии со ст. 305 УПК РФ содержит описание существа предъявленного обвинения, обстоятельств уголовного дела, установленных судом, кроме того, судом указаны основания оправдания Лебедева А.А. и мотивы, по которым суд отверг доказательства, представленные стороной обвинения.

Суд пришел к правильному выводу о том, что доказательства как по отдельности, так и в своей совокупности не содержат неоспоримых данных, свидетельствующих о совершении оправданным Лебедевым А.А. инкриминируемого ему преступления.

На основании анализа и оценки представленных по делу доказательств суд пришел к выводу об отсутствии в действиях Лебедева А.А. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ.

В обжалуемом решении суд подробно привел содержание как доказательств, представленных стороной обвинения, так и доказательств, представленных стороной защиты.

Приговор постановлен на основе доказательств, непосредственно исследованных судом первой инстанции в условиях состязательного процесса с участием сторон.

К выводу о том, что в деянии Лебедева А.А. отсутствует состав преступления, суд пришел в результате анализа представленных сторонами доказательств и их всесторонней оценки, изложив данный вывод в приговоре, а принятое решение мотивировал.

В приговоре получили надлежащую и мотивированную оценку все доказательства, представленные стороной обвинения, в том числе и те, на которые имеются ссылки в кассационном представлении.

Так, по смыслу статьи 294 Уголовного кодекса РФ вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия – это оказание воздействия на указанных лиц в любой форме и любым способом с целью добиться принятия определенного решения либо создать препятствия для всестороннего, полного, объективного расследования или разрешения дела. Вмешательство возможно прямое и косвенное в устной, письменной и иной форме. Это могут быть уговоры, требования, угрозы (кроме угроз, предусмотренных в ст. 296 УК РФ), шантаж, вторжение группы людей в служебные помещения, уничтожение материалов дела и т.д. Вмешательство может быть связано как с производством по конкретному делу, так и с воспрепятствованием деятельности неугодного лица; просьба или требование к судье, присяжному заседателю или народному заседателю о решении дела определенным образом, подкрепленные теми или иными обещаниями им каких-то выгод или благ; высказывание угроз; обращение к близким судьи или присяжного либо народного заседателя воздействовать на него в целях решения дела в интересах обратившегося; дача совета или указания со стороны должностного лица органа государственной власти или местного самоуправления и т.д.

Оказание воздействия на судью с целью склонения его к принятию определенного решения осуществляется, как правило, в форме активных действий: дачи указания или «настоятельного совета», высказывания угроз, шантажа, обещания каких-либо благ, совершения посягательств на судью, присяжного или арбитражного заседателя,

их родственников или их имущество. Однако не исключается возможность оказания воздействия на судью и путем бездействия (напр., путем длительного непредоставления судье жилья, неосуществления ремонта помещений суда и т.п.).

Не может расцениваться как вмешательство в деятельность суда по отправлению правосудия реализация сторонами своих процессуальных прав в форме заявления ходатайств, написания жалоб, представления суду в письменном виде предлагаемых формулировок решений, высказывания просьб о тех или иных действиях или решениях. Однако в случаях, если адресованные суду просьбы сопровождаются обещаниями отблагодарить деньгами или иными материальными благами, они могут расцениваться как подпадающие под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ.

Кроме того, как воспрепятствование осуществлению правосудия следует рассматривать также создание с этой целью помех в объективном и справедливом решении судом дела в разумные сроки путем уничтожения доказательств или иных материалов дела, невручения повесток участникам судопроизводства, недоставления в судебное заседание содержащегося под стражей подсудимого со ссылкой на якобы введенный в следственном изоляторе карантин.

При этом виновное лицо должно действовать с прямым умыслом воспрепятствовать путем реального применения своих действий принятию судьей законного справедливого решения.

Как видно по делу, Лебедев таких действий не совершал. Судом достоверно установлено из собранных по делу доказательств, представленных стороной обвинения, что Лебедев при рассмотрении судом ходатайства следователя об изменении К*** меры пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу, осуществляя свои процессуальные права по защите обвиняемой К***, в опровержение доводов следователя о необходимости изменения меры пресечения на более строгую в виде заключения под стражу представил суду переданную ему обвиняемой справку о нахождении ДД.ММ.ГГГГ его подзащитной вместе с ребенком в медицинском центре ЗАО «<данные изъяты>», выданной врачом С**, допрошенной в качестве свидетеля, а также чек от ДД.ММ.ГГГГ по обслуживанию в кафе данного центра, предоставленного Лебедеву по его устному запросу Г***, что не отрицали допрошенные в суде свидетели Х*** и Ю***. При этом показания Лебедева о том, что он лично ДД.ММ.ГГГГ наблюдал К*** на территории данного медицинского центра, где ее встретил, а также о том, что указанные сведения о посещении его подзащитной медицинского центра и кафе он намеревался подтвердить документально, ничем опровергнуты не были. Как следует из показаний допрошенных свидетелей Ю*** Х***, по просьбе Лебедева А.А. ему был предоставлен кассовый чек с указанием именно тех блюд со стоимостью, датой и временем заказа, о которых ему сообщила непосредственно К***, при этом судом достоверно установлено, что иных чеков с указанным заказом в это время в кафе не имелось. Свидетели Л***, С** и С** также подтвердили факт нахождения ДД.ММ.ГГГГ в кабинете заведующей детским отделением Лебедева А.А., где по мобильному телефону по громкой связи с К*** последняя в их присутствии подтвердила обстоятельства посещения ею ДД.ММ.ГГГГ указанного медицинского центра. Кроме того, следует отметить, что из содержания принятого судьей Тверского районного суда <адрес> от ДД.ММ.ГГГГ постановления явствует, что суд при удовлетворении ходатайства следователя об изменении обвиняемой К*** меры пресечения с домаш-

него ареста на заключение под стражу не ставил под сомнение указанные в приобщенных по ходатайству стороны защиты вышеуказанных документах сведения, кроме того, исходя из пределов доводов следователя, содержащихся в его ходатайстве, не давал оценки месту нахождения обвиняемой К*** ДД.ММ.ГГГГ. При этом суд первой инстанции правильно пришел к выводу о том, что сам факт обращения Лебедева в <данные изъяты> с требованием получить подтверждающую информацию о посещении К*** данного медицинского учреждения ДД.ММ.ГГГГ, что не отрицали и сами свидетели Л***, С** и С**, а также данные, предоставленные Лебедеву его подзащитной о посещении медицинского учреждения в указанную дату, и сообщение этих сведений суду при рассмотрении ходатайства следователя об изменении К*** меры пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу не могут служить безусловным основанием для признания Лебедева виновным в совершении вмешательства в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия.

Таким образом, вопреки доводам кассационного представления прокурора, суд на основании представленных по делу доказательств, показаний свидетелей В***, Л***, Н***, С**, подтвердившей выдачу ею справки о прохождении специалистов К*** ДД.ММ.ГГГГ и сдаче последней анализов, С**, Х***, К*** и К***, оглашенных в соответствии с ч. 1 ст. 281 УПК РФ при наличии согласия сторон показаний свидетеля К***, а также других доказательств, пришел к обоснованному выводу об отсутствии у Лебедева А.А. умысла на вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, принимая во внимание, что показания Лебедева о том, что сведения о нахождении ДД.ММ.ГГГГ Краснихиной в медицинском учреждении были представлены ему непосредственно самой обвиняемой, в связи с чем он намеревался их подтвердить документально, стороной обвинения опровергнуты не были, и надлежащим образом мотивировал свой вывод об отсутствии в действиях Лебедева А.А. состава инкриминируемого ему преступления и постановил в отношении него оправдательный приговор, приведя достаточные и относимые мотивы, не согласиться с которыми оснований у судебной коллегии не имеется.

Доводы кассационного представления об искажении и неправильной оценке судом доказательств по делу, в том числе показаний свидетелей, по существу сводятся к переоценке доказательств, которые судом были исследованы и оценены по внутреннему убеждению с соблюдением требований ст. 88 УПК РФ. Оснований для переоценки исследованных доказательств либо признания их недостаточными для вывода суда о невиновности Лебедева А.А. не установлено.

Несогласие автора представления с оценкой доказательств, данной судами первой и апелляционной инстанций, не является основанием для отмены состоявшихся по делу судебных решений.

Оснований не согласиться с выводами суда не имеется, поскольку в ходе судебного разбирательства объективно установлены все значимые по делу обстоятельства, доказательства оценены в соответствии с положениями ст. ст. 17, 87, 88 УПК РФ с точки зрения их достоверности, относимости, допустимости, а в совокупности – достаточности для разрешения дела. В приговоре суд указал, по каким основаниям принял одни доказательства и отверг другие.

При постановлении оправдательного приговора судом учтены все требования уголовного и уголовно-процессуального законов.

Уголовное дело рассмотрено судом объективно и беспристрастно. Как видно из материалов дела, судом соблюдались установленный уголовно-процессуальным законом порядок рассмотрения дела, принцип состязательности и равноправия сторон, которым предоставлялась возможность исполнения их процессуальных функций и реализации гарантированных законом прав на предоставление доказательств, заявление ходатайств, а также иных прав, направленных на отстаивание своей позиции.

Судом апелляционной инстанции в ходе судебного разбирательства не допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Законность и обоснованность приговора проверялись судом апелляционной инстанции. Из апелляционного постановления следует, что судом апелляционной инстанции дана надлежащая и полная оценка всем приведенным в представлении доводам. Оснований подвергать сомнению обоснованность этой оценки не имеется. Изложенные в кассационном представлении доводы по сути аналогичны приведенным ранее при апелляционном обжаловании приговора, нашли отражение в апелляционном постановлении, оценены и опровергнуты содержащимися в нем выводами.

Апелляционное рассмотрение уголовного дела проведено судом второй инстанции с соблюдением требований главы 45.1 УПК РФ. Заявленные ходатайства разрешены с соблюдением требований уголовно-процессуального закона. Как правильно констатировано судом апелляционной инстанции со ссылкой на положения ч. 1 ст. 10 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» о том, что всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону, не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда, при рассмотрении дела судом первой инстанции не было установлено, что ДД.ММ.ГГГГ Лебедев А.А., осуществляя защиту обвиняемой Краснихиной в Тверском районном суде г. Москвы, при рассмотрении ходатайства следователя об изменении обвиняемой меры пресечения с домашнего ареста на содержание под стражей оказывал какое-либо воздействие на председательствующего по делу с целью склонения его к принятию определенного решения в форме активных действий: дачи указания или «настоятельного совета», высказывания угроз, шантажа, обещания каких-либо благ, совершения посягательства на судью, его родственников или его имущество. Также обоснованно признан несостоятельными доводы представления прокурора об отмене оправдательного приговора по причине нарушения прав Лебедева на защиту, выразившиеся в проведении предварительного слушания ДД.ММ.ГГГГ с участием адвокатов Араева и Бочкарева, которые заявляли ходатайство об отложении судебного разбирательства в связи с тем, что они не готовы к процессу, учитывая, что по смыслу ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается. Содержание апелляционного постановления отвечает требованиям ст. ст. 389.20, 389.28 УПК РФ.

Поскольку каких-либо существенных нарушений уголовно-процессуального и уголовного законов, повлиявших на исход дела, искажающих саму суть правосудия и смысл судебных решений как акта правосудия, и которые в силу ст. 401.15 УПК РФ являлись бы основаниями для отмены либо изменения в кассационном порядке

оправдательного приговора и апелляционного постановления, судебными инстанциями не допущено, оснований для удовлетворения кассационного представления заместителя прокурора г. Москвы Малюкова В.А. не имеется.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 401.13, 401.14 ч.1 п.1 УПК РФ, судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Оправдательный приговор Тверского районного суда <адрес> от ДД.ММ.ГГГГ и апелляционное постановление Московского городского суда от ДД.ММ.ГГГГ в отношении Лебедева А.А. оставить без изменения, а кассационное представление заместителя прокурора <адрес> Малюкова В.А. – без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 20 июля 2021 г. № 38-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ШЕСТОЙ СТАТЬИ 34 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СОДЕРЖАНИИ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА Р.Р. ИДИЯТДИНОВА¹

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

с участием представителя гражданина Р.Р. Идиятдинова – адвоката А.Д. Передрука, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В. Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.Р. Идиятдинова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, объяснения представителей сторон и выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Д.В. Новака, от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В. Росинского, от Федеральной службы исполнения наказаний – В.Ю. Панченко, от Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – С.А. Голубка, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

¹ Источник публикации – информационно-правовая база данных «КонсультантПлюс».

установил:

1. Часть шестая статьи 34 «Охрана подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними» Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает, что при наличии достаточных оснований подозревать лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания сотрудники мест содержания под стражей вправе производить досмотр их вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, а также досмотр въезжающих и выезжающих транспортных средств, изъятие предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми; не подвергаются досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых и которые обладают правом контроля и надзора за местами содержания под стражей.

Конституционность приведенной нормы оспаривает гражданин Р.Р. Идиятдинов, который, будучи адвокатом, 4 апреля 2019 года посетил следственный изолятор (ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Республике Татарстан). Как следует из представленных заявителем судебных решений, пройдя через рамку металлодетектора при входе в режимное здание и сдав на контрольно-пропускном пункте сотовый телефон, запрещенный к использованию в режимной зоне, Р.Р. Идиятдинов направился в помещение, отведенное для встречи с подзащитным. При прохождении в это помещение он был остановлен младшим инспектором, который, заподозрив, что в кармане адвоката лежит телефон, предложил осмотреть предметы, находящиеся при адвокате. Требование Р.Р. Идиятдинова сообщить ему правовые и фактические основания досмотра и составить соответствующий протокол не было удовлетворено.

Заявитель, полагая, что процедурой проведенного досмотра нарушены его права, обратился в прокуратуру, а затем обжаловал действия администрации следственного изолятора в порядке административного судопроизводства, требуя признать неправомерным его досмотр без составления протокола и обязать администрацию сохранить запись с камер видеонаблюдения, расположенных на территории изолятора, и файлы видеозаписи, сделанной нагрудным видеорегистратором сотрудника, проводившего досмотр. Прокурор, проводивший проверку, пришел к выводу, что администрация следственного изолятора действовала в рамках закона. Бугульминский городской суд Республики Татарстан решением от 14 августа 2019 года в удовлетворении административного искового заявления отказал, с чем согласились вышестоящие суды (апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 20 декабря 2019 года, кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2020 года и письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 года).

Не согласившись с доводами Р.Р. Идиятдинова, суды сослались на часть шестую статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и на приказ Министерства юстиции Российской Федерации, которым утвержден порядок проведения досмотров в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы и на прилегающих к ним территориях с режимными требованиями, предписывающий составлять протокол досмотра только в случае изъятия запрещенных предметов у граждан. Не принята во внимание и ссылка заявителя в кассационной жалобе на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2008 года № 428-О-П, в котором указано, что не допускается личный досмотр адвоката, оказывающего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести в исправительное учреждение запрещенные предметы, без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о личном досмотре и без письменной фиксации хода и результатов соответствующих действий.

В этой связи Р.Р. Идиятдинов утверждает, что оспариваемая норма по смыслу, придаваемому ей подзаконным нормативным актом и судебной практикой, противоречит статье 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку на ее основе находящийся на территории следственного изолятора адвокат, осуществляющий свои профессиональные обязанности по оказанию юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, подвергается повторному (после первого – при входе в изолятор) личному досмотру без составления и вручения этому адвокату протокола, в котором были бы отражены причины досмотра, зафиксированы его ход и результаты. Кроме того, по мнению заявителя, оспариваемая норма без достаточных к тому оснований устанавливает неравенство защитников подозреваемых и обвиняемых, допуская их личный досмотр, по сравнению с лицами, осуществляющими уголовное преследование, личный досмотр которых не допускается.

1.1. Во втором предложении части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено, что не подлежат досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых и которые обладают правом контроля и надзора за местами содержания под стражей. Как следует из судебных решений по делу Р.Р. Идиятдинова, вопрос о нарушении своих прав в данном аспекте он перед судом не ставил, а потому проверка Конституционным Судом Российской Федерации конституционности этой нормы фактически означала бы ее проверку в порядке абстрактного нормоконтроля, что в силу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» недопустимо.

1.2. В ходе слушания по настоящему делу представитель заявителя дополнительно поставил под сомнение саму возможность применения досмотра в отношении адвоката. Между тем в конкретном деле заявителя вопрос о принципиальной невозможности досмотра адвоката не ставился и судом не разрешался. Заявитель настаивал лишь на необходимости надлежащей фиксации оснований, хода и результатов соответствующих действий. Следовательно, оценка оспариваемой нормы в данном аспекте была бы выходом за пределы конкретного нормоконтроля.

При этом допустимость досмотра адвоката на территории учреждений, исполняющих наказания, и на прилегающей к ним территории, где установлены режимные требования, уже констатирована Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 6 марта 2008 года № 428-О-П. Эта позиция в принципиальном плане распространяема и на досмотр в местах содержания под стражей.

1.3. В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Р.Р. Идиятдинов ставит вопрос о личном досмотре адвоката, в то время как часть шестая статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает досмотр вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей. Из представленных заявителем судебных решений следует, что факт осуществления в его отношении личного досмотра установлен не был; каким-либо образом переоценивать выводы судов о фактических обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации не имеет оснований. Это, однако, не препятствует рассмотрению настоящего дела, поскольку вопрос об оформлении оснований проведения, о фиксации хода и результатов досмотра имеет конституционно-правовое значение применительно как к личному досмотру адвоката, так и к досмотру его вещей и одежды.

В Определении от 6 марта 2008 года № 428-О-П Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, согласно которой недопустимо произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и результатов соответствующих действий.

В связи с этим содержащиеся в настоящем Постановлении правовые позиции во всяком случае не могут расцениваться как допускающие возможность личного досмотра вне установленных законом оснований.

1.4. В силу пункта 3 части 1 статьи 27.1 и статьи 27.7 КоАП Российской Федерации личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, являются мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении и при необходимости осуществляются в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения должностными лицами, указанными в его статьях 27.2 и 27.3, в том числе сотрудниками органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Задokumentированные результаты досмотра могут использоваться при привлечении к ответственности за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания (статья 19.12 указанного Кодекса).

В деле Р.Р. Идиятдинова вопрос о его привлечении к административной ответственности не ставился, а потому в настоящем Постановлении проблема соотношения досмотра, предусмотренного частью шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и досмотра, предусмотренного названными положениями указанного Кодекса, не исследуется.

1.5. Таким образом, часть шестая статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на ее основе решается вопрос о необходимости письменного оформления оснований, хода и результатов досмотра вещей и одежды адвоката при посещении им места содержания под стражей для выполнения своих профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, заключенному под стражу.

2. Согласно статье 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно; каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Право на получение такой помощи закреплено также в Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на получение квалифицированной юридической помощи признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в числе других прав и свобод, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием (статьи 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 21, 45 и 48 Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления деятельности без ущерба для их достоинства, чести и деловой репутации (постановления от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П; определения от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 29 мая 2007 года № 516-О-О и др.).

На необходимость дополнительных гарантий надлежащего осуществления адвокатом его профессиональной деятельности, направленных на защиту его личности и таких немате-

риальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация, указывается в Основных принципах, касающихся роли юристов (приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года в Гаване): в частности, юристу должна быть обеспечена возможность исполнять профессиональные обязанности без угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства (пункт 16). Согласно Рекомендациям Комитета Министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката от 25 октября 2000 года № R(2000)21 должны приниматься все меры для соблюдения, защиты и развития свободы осуществления профессии адвоката без дискриминации и без неоправданного вмешательства со стороны властей или общественности, в частности в свете соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод; адвокаты не должны опасаться каких-либо санкций или подвергаться давлению, когда они действуют в соответствии с профессиональными стандартами.

Принятые Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделлы) в равной мере распространяются на учреждения, обеспечивающие изоляцию как лиц, находящихся под следствием, так и уже осужденных (предварительное замечание 3), требуют предоставления таким лицам надлежащих условий для свиданий с адвокатом (правило 61), ставят допуск посетителей в тюремное учреждение в зависимость от согласия подвергнуться досмотру, которое может быть изменено, в связи с чем администрация вправе отказать в допуске, и запрещают унижительные процедуры досмотра и допуска (правило 60), предписывают, что для целей подотчетности тюремная администрация должна хранить соответствующие отчеты о проведенных мероприятиях с указанием их причин, лиц, их проводивших, и результатов (правило 51).

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает право адвоката при оказании юридической помощи беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, в частности в период его содержания под стражей, без ограничения числа свиданий и их продолжительности (пункт 3 статьи 6). Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данный Федеральный закон не закрепляет неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом (определения от 17 июля 2012 года № 1472-О, от 28 июня 2018 года № 1468-О, от 24 октября 2019 года № 2743-О, от 27 февраля 2020 года № 322-О и др.), а потому реализация названного права не означает посещения адвокатом мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых – каковым является следственный изолятор – без соблюдения установленных в соответствии с законом режимных требований.

Данные требования, как это вытекает из статей 21, 22, 45 и 46 Конституции Российской Федерации, должны отвечать критериям правовой определенности, точности и недвусмысленности, предусматривать гарантии личной неприкосновенности и уважения человеческого достоинства, что предполагает обеспечение каждому, считающему свои права нарушенными их применением, государственной защиты, в том числе судебной. Устанавливая и применяя режимные требования для предупреждения возможных злоупотреблений и угроз безопасности, необходимо учитывать конституционное значение квалифицированной юридической помощи, с тем чтобы возможность ее оказания не ставилась под сомнение.

3. Согласно Федеральному закону, содержащему оспариваемую норму, в местах содержания под стражей устанавливаются режимные требования, обеспечивающие соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации; обеспечение режима возлагается на администрацию и на сотрудников мест

содержания под стражей, которые несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей (статьи 15 и 32).

В связи с этим Федеральная служба исполнения наказаний поддерживает правопорядок и законность в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, и в следственных изоляторах, обеспечивает безопасность содержащихся там осужденных, лиц, заключенных под стражу, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов (подпункты 1 и 4 пункта 3 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314).

К мерам по обеспечению режимных требований относится контроль (досмотр) при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, в том числе в целях обнаружения и изъятия – в частности у адвокатов – тех предметов, веществ и продуктов питания, которые запрещены к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми. Для обеспечения пропускного режима оборудуется проходной коридор, в котором для пресечения попыток доставки осужденным и лицам, содержащимся под стражей, оружия и других запрещенных предметов устанавливаются приборы контроля и досмотра (включая стационарные металлодетектор и рентгеноскоп), информация от которых (в том числе об обнаружении запрещенных предметов) получается и записывается интегрированной системой безопасности (пункты 23 и 27 Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 сентября 2006 года № 279).

Осуществляемый с помощью таких приборов контроль (досмотр) – как элемент пропускного режима и условие допуска посетителей на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы – проводится, по существу, с согласия этих лиц, которые вправе отказаться от посещения соответствующего учреждения и тем самым от прохождения такого контроля (досмотра). Поскольку такой контроль (досмотр) рассчитан как на вход, так и на выход посетителей, они во всяком случае должны осознавать, что к ним и при выходе применяются специальные средства контроля. Входя на контрольно-пропускной пункт, посетители конклюдентно дают согласие и на последующий, осуществляемый при выходе с территории, аналогичный по содержанию и средствам контроль (досмотр). Основанием для данной административно-предупредительной меры является сам факт прохождения контрольной зоны (контрольно-пропускного пункта).

Таким образом, режимные требования направлены на защиту общего (публичного) интереса, выступают условием поддержания правопорядка и безопасности подозреваемых и обвиняемых, персонала, должностных лиц и граждан, включая адвокатов, находящихся на территории следственного изолятора. Как таковые по своей природе эти меры, в том числе применяемые к лицам в связи с выполнением ими профессиональных обязанностей, не носят характер санкций.

В отношении контроля (досмотра) адвокатов при проходе на охраняемый объект Конституционный Суд Российской Федерации в прежних решениях отметил следующее. Досмотр судебным приставом входящего в здание суда адвоката и находящихся при нем вещей при наличии оснований полагать, что у того есть предметы, вещества и средства, представляющие угрозу для безопасности окружающих, не может рассматриваться как несоразмерное ограничение прав, а адвокат не лишен возможности самостоятельно предъявить судебному приставу для осмотра находящийся в его вещах предмет, на который среагировали специальные технические средства (Определение от 24 октября 2019 года № 2940-О). Пункт же 25 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», закрепляющий право полиции требовать от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых ею объектах, осуществлять досмотр и осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей, направлен на защиту общественного порядка, безопасности,

нравственности, на устранение опасности для жизни, здоровья и имущества людей и с учетом ранее выраженных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не допускает произвольного применения и не создает непреодолимых препятствий для оказания адвокатом юридической помощи (Определение от 26 марта 2019 года № 838-О).

Направляясь для выполнения своих профессиональных обязанностей на территорию следственного изолятора, адвокат при прохождении контрольно-пропускного пункта также обязан предъявить сотрудникам этого учреждения по их требованию для осмотра находящийся в его вещах или одежде предмет, на который среагировали специальные технические средства или который замечен визуально и обладает признаками предмета, запрещенного к проносу. Такое требование не обязательно связано с подозрением в попытке проноса запрещенных предметов: оно может быть продиктовано, например, неопределенностью сигналов (изображений), генерируемых техническими средствами. При этом, если такое требование предъявляется непосредственно на контрольно-пропускном пункте и не встречает возражений у адвоката, нет оснований рассматривать его как выходящее за пределы обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при входе в следственный изолятор или выходе из него.

Соответственно, необходимость письменной фиксации оснований и хода такого контроля (досмотра) возникает только в случае обнаружения предметов, запрещенных к вносу на территорию учреждения или выносу с нее, поскольку это может повлечь для лица неблагоприятные правовые последствия, в том числе ответственность на основании закона.

4. Иную правовую природу в системе действующего регулирования имеет предусмотренный оспариваемым положением досмотр вещей и одежды адвоката, который осуществляется в связи с подозрением в попытке проноса им запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. Это подозрение может возникнуть по результатам контроля с помощью технических средств при входе на режимный объект (при выходе с него), путем визуального наблюдения, а также на основе другой информации, причем как непосредственно при прохождении контрольно-пропускного пункта, так и в других помещениях следственного изолятора. Такой досмотр может проводиться и вне зависимости от согласия досматриваемого.

У адвоката в этом случае может не быть альтернативы: подвергнуться досмотру и продолжить посещение учреждения или отказаться от прохождения досмотра и покинуть его. В частности, за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания, предусмотрена административная ответственность (статья 19.12 КоАП Российской Федерации). Предоставление лицу, заподозренному в попытке проноса такого предмета, возможности беспрепятственно и без последствий покинуть следственный изолятор создавало бы риск злоупотреблений и безнаказанности. Досмотр при наличии подозрений при выходе адвоката из следственного изолятора (т.е. после завершения встречи с подозреваемым, обвиняемым) также в любом случае обязателен и не предполагает возможности адвоката решать, проходить такой досмотр или нет, поскольку он после выполнения профессиональной задачи должен покинуть изолятор.

Во всяком случае предъявление к адвокату требования о досмотре вещей и одежды вне помещений, непосредственно предназначенных для контрольно-пропускных целей, т.е. когда обычное прохождение контроля (досмотра) с использованием технических средств (на входе) уже завершено или (в случае выхода) еще не началось, лежит за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств.

Таким образом, предусмотренный оспариваемой нормой досмотр вещей и одежды в связи с наличием достаточных оснований подозревать адвоката в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания реализуется – по содержанию и форме – за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при посещении следственного изолятора и характеризуется безальтернативной обя-

занностью адвоката выполнить соответствующее требование уполномоченного сотрудника, в том числе под угрозой принуждения или ответственности. Следовательно, в данном случае в целях защиты прав адвокатов должна быть предусмотрена возможность фиксации оснований, хода и результатов такого досмотра.

5. Особые требования к документированию личного досмотра адвоката, выявленные Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 6 марта 2008 года № 428-О-П, обусловлены спецификой этого вида досмотра. Степень же вторжения в права лица при проведении только досмотра вещей и одежды предполагается менее высокой, чем при личном досмотре.

Это позволяет досматривать вещи и одежду без вынесения специального решения и без фиксации оснований, хода и результатов досмотра, если адвокат, как и в рамках обычного порядка входа-выхода, сам предъявит вызвавшие подозрение предметы. Однако – исходя из повышенных гарантий защиты статуса адвоката – он не должен быть лишен возможности потребовать документальной фиксации досмотра вещей и одежды, осуществляемого в связи с подозрением его в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. В данном случае надлежащее оформление досмотра должно быть произведено. Возможность такого требования позволяет адвокату, в частности, реагировать на случаи, когда досмотр может, по его предположению, трансформироваться из досмотра вещей и одежды в личный досмотр безотносительно к наличию для этого правовых оснований.

Поскольку в современных условиях можно рассчитывать на то, что объекты уголовно-исполнительной системы оснащены средствами постоянной видеофиксации происходящего (в том числе с помощью стационарных видеокамер или носимых видеорегистраторов), альтернативой письменному документированию может быть хранение видеозаписи досмотра вещей и одежды – как минимум в течение срока на судебное обжалование законности такого досмотра – и предоставление ее копии адвокату по его требованию в течение данного срока. Если адвокат соглашается с этой альтернативой или сам предлагает ее, такой способ фиксации оснований, хода и результатов досмотра может быть признан достаточным.

Со своей стороны федеральный законодатель не лишен возможности более подробно урегулировать проведение досмотра в отношении лиц, посещающих места содержания под стражей.

6. Проведенный в отношении Р.Р. Идиятдинова досмотр не повлек для него таких негативных правовых последствий, для устранения которых могли бы требоваться документы об основаниях, ходе и результатах досмотра. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с пунктом 10.1 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» полагает возможным признать, что дело Р.Р. Идиятдинова не подлежит пересмотру.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть шестую статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – в части досмотра вещей и одежды адвокатов при посещении места содержания под стражей в целях оказания юридической помощи подозреваемым или обвиняемым она предполагает, что:

при таком досмотре, который в связи с подозрением в попытке адвоката пронести запрещенные предметы, вещества и продукты питания проводится за пределами обычного

прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при входе в место содержания под стражей и выходе из него, по требованию адвоката должна осуществляться письменная фиксация оснований, хода и результатов соответствующих действий;

при наличии видеофиксации досмотра вещей и одежды адвоката соответствующие записи должны сохраняться вне зависимости от требования адвоката как минимум в течение срока на судебное обжалование законности такого досмотра, а их копии должны предоставляться адвокату по его требованию в течение этого срока.

2. Конституционно-правовой смысл части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 23 сентября 2021 г. № 41-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 4 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 135, СТАТЬИ 401.6 И ПУНКТА 1 ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 401.10 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА А.П. АТРОЩЕНКО¹

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.П. Атрощенко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии с пунктом 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, а согласно статье 401.6 того же Кодекса пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были до-

¹ Источник публикации – информационно-правовая база данных «КонсультантПлюс».

пущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. В силу же пункта 1 части второй статьи 401.10 УПК Российской Федерации по результатам изучения кассационных жалобы или представления судья может вынести постановление об отказе в их передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке.

А.П. Атрощенко связывает нарушение своих конституционных прав с применением приведенных норм в его деле.

1.1. Уголовное дело в отношении А.П. Атрощенко по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 327 УК Российской Федерации, возбуждено дознавателем 24 января 2014 года, а по окончании производства по делу прокурор дважды возвращал его – для производства дополнительного дознания и для пересоставления обвинительного акта. 4 августа 2014 года оно направлено мировому судье, который также дважды вернул дело прокурору – для устранения нарушений и для пересоставления обвинительного акта. Постановлением от 22 декабря 2016 года уголовное преследование А.П. Атрощенко прекращено за отсутствием состава преступления с признанием его права на реабилитацию.

Постановлением от 13 марта 2017 года Находкинский городской суд Приморского края удовлетворил требование А.П. Атрощенко о возмещении имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, но прокурор 5 мая 2017 года отменил постановление о прекращении уголовного дела, ввиду чего и судебный акт о компенсации реабилитированному вреду отменен апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 23 мая 2017 года. Затем решение прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела признано незаконным постановлением Находкинского городского суда от 5 июня 2017 года, на которое, однако, государственный обвинитель подал представление. Представление удовлетворено апелляционным постановлением от 1 августа 2017 года, притом что и его, в свою очередь, отменил президиум Приморского краевого суда и 13 ноября 2017 года направил дело на новое апелляционное рассмотрение. В рамках нового рассмотрения Приморский краевой суд 12 декабря 2017 года оставил в итоге без изменения указанное выше судебное решение, которым отмена постановления о прекращении уголовного дела признана незаконной.

Вследствие такой процессуальной деятельности, поскольку судебный акт о компенсации вреда был отменен, А.П. Атрощенко снова обратился в суд за соответствующим возмещением. Находкинский городской суд постановлением от 5 октября 2018 года взыскал в пользу А.П. Атрощенко с Министерства финансов Российской Федерации в лице Управления Федерального казначейства по Приморскому краю за счет казны Российской Федерации расходы на оплату юридической помощи по уголовному делу (1 203 140 руб. 8 коп.), расходы, связанные с рассмотрением вопросов реабилитации (92 141 руб.), и расходы на оплату экспертных услуг (21 087 руб. 24 коп.). С этим согласились вышестоящие суды (апелляционное постановление Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 года и постановление судьи Приморского краевого суда от 26 февраля 2019 года). Но 16 августа 2019 года, уже после исполнения судебного акта о возмещении вреда, судья Верховного Суда Российской Федерации постановил передать кассационную жалобу названного Управления в Приморский краевой суд, президиум которого 28 октября 2019 года отменил решение суда второй инстанции и направил дело на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 года решение суда первой инстанции от 5 октября 2018 года изменено со снижением присужденной суммы и с поворотом его исполнения. На реабилитированного возложена обязанность возвратить 900 027 руб. 77 коп., поскольку это, по мнению суда, не ухудшает положения

А.П. Атрощенко и ведет к восстановлению прав и законных интересов Российской Федерации. В передаче жалоб на указанное апелляционное постановление для их рассмотрения в кассационной инстанции реабилитированному отказано, как и названному Управлению, которое тоже обжаловало взыскание, полагая, что его сумма даже в сниженном размере не отвечает требованиям разумности, достаточности и справедливости. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации согласился с таким отказом, как это следует из его письма от 8 декабря 2020 года.

Суды между тем не ставили под сомнение действительность расходов А.П. Атрощенко на оплату юридической помощи. Так, Находкинский городской суд определением от 29 сентября 2020 года рассрочил ему исполнение апелляционного постановления Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 года на пять лет с уплатой из возвращаемой суммы по 15 000 руб. 46 коп. ежемесячно. При этом суд учел семейное положение А.П. Атрощенко и наличие на его иждивении нетрудоспособных членов семьи, а также семейный доход и кредитные обязательства супругов, усматривая в том исключительное обстоятельство, затрудняющее исполнение судебного акта. Суд установил, что деньгами, которые были взысканы в пользу А.П. Атрощенко в сумме 1 316 368 руб. 32 коп. по постановлению Находкинского городского суда от 5 октября 2018 года и выплачены ему 7 марта 2019 года, он гасил свои долги по займам, сделанным ранее для оплаты работы адвоката. Согласно же апелляционному определению от 19 ноября 2020 года, которым Приморский краевой суд отклонил доводы жалобы названного Управления на решение о рассрочке, «материалами дела подтверждено, что обязанность по возврату А.П. Атрощенко ранее полученной крупной суммы возникла из обязательств государства возместить ущерб А.П. Атрощенко, связанный с продолжительным незаконным уголовным преследованием. ...Данная обязанность возникла не как ошибочно переведенная сумма или неосновательное обогащение, а исключительно из позиции суда апелляционной инстанции о разумности расходов на адвоката, которые реально были понесены реабилитированным». Приморский краевой суд поддержал и ту позицию, что «последующее изменение судебного решения судом апелляционной инстанции не должно изменять повышенной публично-правовой защиты лица, пострадавшего в результате незаконного уголовного преследования».

А.П. Атрощенко утверждает, что оспариваемые законоположения не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 47 (часть 1), 48, 53 и 55 (часть 2), поскольку позволяют судам, вопреки условиям договора о предоставлении юридических услуг, отказывать реабилитированному в возмещении имущественного вреда в части сумм, выплаченных адвокату за оказание юридической помощи на условиях разумной помесечной оплаты, а равно ухудшать положение реабилитированного по истечении года после вступления в законную силу решения о компенсации расходов на адвоката и рассматривать жалобу реабилитированного на апелляционное постановление о возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, на условиях выборочной, а не сплошной кассации.

1.2. В силу статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации.

Однако, оспаривая конституционность пункта 1 части второй статьи 401.10 УПК Российской Федерации, А.П. Атрощенко связывает нарушение своих прав с тем, что эта норма, по его утверждению, не подлежала применению в его деле, поскольку постановление Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 года не относится к промежуточным судебным

решениям и этот судебный акт надлежало пересматривать по правилам сплошной кассации, как это следует, по словам заявителя, из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». Тем самым в этой части обращение заявителя предполагает оценку законности конкретного судебного решения, что не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Что же касается единоличного предварительного изучения судьей поступившей кассационной жалобы, конституционность чего также ставит под сомнение А.П. Атрошенко, то по этому поводу Конституционный Суд Российской Федерации замечал во многих своих решениях, что такой порядок нельзя считать нарушающим права граждан (Постановление от 25 марта 2014 года № 8-П; определения от 29 марта 2016 года № 613-О, от 20 апреля 2017 года № 832-О, от 25 января 2018 года № 200-О, от 25 июня 2019 года № 1790-О, от 30 января 2020 года № 221-О и др.).

Это означает, что производство по настоящему делу в отношении пункта 1 части второй статьи 401.10 УПК Российской Федерации подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», поскольку жалоба А.П. Атрошенко не отвечает в этой части условиям допустимости обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Таким образом, пункт 4 части первой статьи 135 и статья 401.6 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они служат нормативным основанием для решения вопроса о размере компенсации расходов на оплату юридической помощи адвоката при возмещении реабилитированному имущественного вреда, связанного с его уголовным преследованием, в том числе о снижении размера уже уплаченного ему возмещения при пересмотре и повороте исполнения судебного решения о присуждении соответствующих сумм.

2. Конституция Российской Федерации признает право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53), гарантируя реализацию этого права обязанностью государства обеспечивать защиту, в том числе судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2), доступом к правосудию и правом потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на компенсацию нанесенного ущерба (статья 52). Этим гарантиям права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием (как обусловленным злоупотреблениями, так и не связанным с ними), корреспондируют нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5) и Протокола № 7 к ней (статья 3), которые провозглашают право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязывают государство предоставить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Государство не только должно пресекать незаконную следственную или оперативно-разыскную деятельность, необоснованное процессуальное принуждение и пр., предоставляя на то надлежащие средства прежде всего судебной защиты, но и связано обязательствами, которые закон возлагает на причинителя вреда. Обеспечивая – на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости – пострадавшим от неправомерного привлечения к уголовной ответственности лицам полное восстановление в правах, оно должно гарантировать им и максимально возможное возмещение причиненного вреда. При этом, по смыслу статьи 49 Конституции Российской Федерации, на гражданина не может быть возложена обязанность доказывать основания для возмещения вреда, непосредствен-

но сопряженная с доказыванием невинности в преступлении; он не может подвергаться излишним обременениям как более слабая сторона в такого рода правоотношениях. Предусматривая наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации ущерба специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных и обусловленные спецификой их статуса как лиц, нуждающихся в особых гарантиях защиты, государство обязано создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости решений о выплатах реабилитированным, способствовали бы скорейшему установлению размера причиненного им вреда и скорейшему его возмещению (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года № 5-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 года № 524-О-П, от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 2 июля 2013 года № 1058-О, от 2 апреля 2015 года № 708-О и др.).

3. Признавая за реабилитированным право на возмещение в том числе имущественного вреда, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет содержание и объем такого возмещения: пункт 4 части первой его статьи 135 прямо предписывает возмещать суммы, выплаченные лицом за оказание ему юридической помощи. Правоотношения по поводу такого возмещения имеют уголовно-процессуальное и в то же время гражданско-правовое (деликтно-правовое) содержание, что следует, в частности, из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года № 1-П, от 2 марта 2010 года № 5-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 15 июля 2020 года № 36-П, из его Определения от 2 ноября 2011 года № 1477-О-О и др., согласно которым порядок и условия возмещения вреда, причиненного лицу в уголовном судопроизводстве, определяют отраслевые законодательные акты, в первую очередь названный Кодекс, притом что они упрощают процедуру восстановления прав, поскольку гражданин, неправомерно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты.

Это также следует из части пятой статьи 133 УПК Российской Федерации, которая содержит ссылку на возмещение реабилитированным вреда в порядке гражданского судопроизводства, а также из части второй его статьи 135, которая распространяет исковую давность на требования о возмещении, и вместе с тем это вытекает из статьи 1082 ГК Российской Федерации, по которой лицо, ответственное за причинение вреда, должно возместить причиненные убытки согласно пункту 2 его статьи 15. Положения названного пункта включают в состав убытков и расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. При этом возмещение вреда в части таких расходов реабилитированного не изъято из-под правил статьи 1064 ГК Российской Федерации и связанных с ними положений, определяющих как общие условия деликтной (т.е. внедоговорной) ответственности за причинение вреда (наступление вреда, его причинная связь с действиями причинителя, их противоправность, вина причинителя), так и специальные условия, касающиеся особенностей причинителя и характера его действий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2019 года № 26-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года № 149-О-О и др.).

Такое возмещение подпадает и под специальные правила статей 16 и 1069 ГК Российской Федерации, в силу которых убытки (вред), причиненные в результате незаконных действий или бездействия государственных органов и их должностных лиц, возмещаются соответствующими публично-правовыми образованиями за счет их казны, включая казну Российской Федерации. Пункт 1 статьи 1070 того же Кодекса, создавая преимущества для пострадавших граждан, предусматривает, что вред, причиненный им в том числе незаконным привлечением к уголовной ответственности, возмещается в полном объеме за счет казны Российской Федерации независимо от вины должностных лиц органов дознания,

предварительного следствия, прокуратуры и суда. Тем самым приведенная норма вводит в пользу потерпевших от неправомерного уголовного преследования изъятие из общих начал гражданско-правовой ответственности, обусловленное повышенной защитой конституционных прав, прежде всего права на свободу и личную неприкосновенность (статьи 2 и 22 Конституции Российской Федерации), тогда как за иные незаконные действия или бездействие государственных органов и их должностных лиц, повлекшие причинение вреда, ответственность наступает, согласно статье 1069 ГК Российской Федерации, на общих условиях (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 года № 36-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 года № 1005-О-О и др.).

Описанные условия возмещения вреда реабилитированным следуют не только из приведенных положений гражданского законодательства, но и из корреспондирующих им норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (включая оспариваемые по настоящему делу), которые не исключают возмещения вреда по правилам гражданского и гражданско-процессуального законов, а равно применения общих начал гражданского законодательства, в частности обязанности действовать добросовестно при защите неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ, притом что добросовестность участников правоотношений и разумность их действий предполагаются (пункты 2 и 3 статьи 2, пункт 5 статьи 10 ГК Российской Федерации).

Часть пятая статьи 135 УПК Российской Федерации определяет порядок разрешения судьей требования о возмещении реабилитированному имущественного вреда со ссылкой на статью 399 того же Кодекса, распространяя тем самым на соответствующее разбирательство применимые к нему правила главы 47 УПК Российской Федерации, которые регулируют производство по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, предусматривая в том числе их разрешение по ходатайству реабилитированного. Это во всяком случае не отменяет действия гражданско-правовых правил возмещения вреда и их применения во взаимосвязи со специальными правилами уголовно-процессуального закона во исполнение приведенных выше конституционных установлений, включая предписания статей 52 и 53 Конституции Российской Федерации о возмещении государством нанесенного ущерба.

3.1. В Определении от 2 апреля 2015 года № 708-О, принятом по запросу районного суда, оспаривавшего конституционность пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют судам уменьшать до разумных пределов, исходя из принципов соразмерности и справедливости, подлежащую возмещению из бюджета в порядке реабилитации сумму, потраченную реабилитированным на оплату юридической помощи, Конституционный Суд Российской Федерации отметил следующее.

Как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, названные нормы обязывают суд включить в объем возмещения имущественного вреда, причиненного лицу в результате неправомерного уголовного преследования, все суммы, фактически выплаченные им за оказание юридической помощи, а также фактически понесенные им затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации. Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что в главе 18 УПК Российской Федерации нет специальных правил, которые позволяли бы судам по своему усмотрению уменьшать размер возмещения вреда исходя из доказанного в судебном заседании размера действительно понесенных реабилитированным расходов, и на этом основании заключил, в частности, что пункты 4 и 5 части первой статьи 135 того же Кодекса направлены на выполнение государством своей конституционной обязанности полностью возместить вред, причиненный реабилитированному действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц в ходе уголовного преследования. Более того, действующий уголовно-процессуальный порядок признания права на компенсацию имущественного вреда, прежде всего указанные положения, дает реабилитированным

преимущества в доказывании оснований и размера истребуемого возмещения, освобождая их от бремени такого доказывания и вместе с тем оставляя за ними такое право, как это следует из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года № 5-П и от 14 ноября 2017 года № 28-П, а равно из его определений от 2 апреля 2015 года № 708-О, от 23 июня 2015 года № 1397-О, от 19 июля 2016 года № 1728-О и др.

Рассматривая требования реабилитированного, суд обязан в соответствии с общими правилами доказывания установить подлежащий возмещению размер вреда, в том числе размер расходов, понесенных на оказание юридической помощи. Для этого суд вправе как по ходатайству заинтересованных лиц, так и по своей инициативе получить необходимые доказательства, включая заключение эксперта и показания свидетелей. При этом, поскольку бремя доказывания размера возмещения не возлагается на самого реабилитированного, сомнения относительно такого размера должны толковаться в его пользу. С этим не расходятся и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в абзаце третьем пункта 17 постановления от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», согласно которым уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда; при недостаточности сведений, представленных реабилитированным в подтверждение своих требований, суд оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, а при необходимости и принимает меры к их собиранию.

3.2. Изложенное вместе с тем не отрицает принципиальных оснований деликтной ответственности, среди которых причинно-следственная связь являет собой *conditio sine qua non* (непрерывное условие) обязательства возместить причиненный вред. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 2 апреля 2015 года № 708-О, по смыслу норм главы 18 УПК Российской Федерации и с учетом их толкования судебной практикой возмещению подлежат фактические расходы реабилитированного, которые непосредственно находятся в причинно-следственной связи с оказанием ему юридической помощи.

Это буквально следует не только из гражданского законодательства, но и из положений самой Конституции Российской Федерации, прежде всего ее статей 52 и 53. Они обязывают государство обеспечивать возмещение именно причиненного вреда, т.е. вреда, в отношении которого установлено, что он причинно обусловлен деяниями, в частности, органов публичной власти и должностных лиц, а не просто с ними сопряжен – косвенно или предположительно. В этом смысле причинно-следственная связь не может быть обнаружена, если расходы реабилитированного по договору о юридической помощи относятся к оплате услуг, не обусловленных защитой по уголовному делу, неуместных по смыслу позиций, которые сторона защиты реально могла поддерживать по делу подозреваемого, обвиняемого и реабилитированного впоследствии лица. Более того, если такому лицу предложены и тем более навязаны услуги, явно неуместные в защите от уголовного преследования по его делу, а он согласился их оплатить лишь из доверия к адвокату как зависимый от его мнения, то расходы на оплату и этих услуг не могут быть поставлены в причинно-следственную связь с вредом от неправомерной уголовно-процессуальной деятельности.

Соответственно, такие расходы нельзя отнести к понесенным потерпевшим на восстановление нарушенных прав согласно положениям деликтного права во взаимосвязи с уголовно-процессуальными правилами реабилитации. Не исключено, что такие расходы могут быть правоммерно обоснованы, в частности, свободой договора, что, однако, само по себе не влечет возникновения деликтных обязательств государства в отношении реабилитированного и не определяет их объем.

3.3. Кроме того, избыточное возмещение вреда не исключено, когда реабилитированный рассчитывает на выгоды, явно не оправданные назначением реабилитации. Как следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 708-О, если судом будет установлено (в том числе на основе документов, заключений экспертов, иных специалистов и других доказательств), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах рыночных значений, существовавших на момент ее оказания, то он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся – с учетом всех обстоятельств дела, объема работы, квалификации субъектов оказания юридических услуг, а также правила о толковании сомнений в пользу реабилитированного – объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи.

Изложенное, однако, не означает, что государство вправе ожидать и требовать от лиц, попавших под уголовное преследование, осуществления права на получение юридической помощи по низкой, а тем более – по наименьшей стоимости этих услуг. Следовательно, высокая стоимость помощи, полученной от адвоката, не может как таковая служить поводом к сокращению объема прав реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда, конституционно гарантированное каждому потерпевшему от незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Незаконное или необоснованное уголовное преследование само по себе может мешать потерпевшему быть осмотрительным и умеренным в расходах на оплату юридической помощи, а потому значительные затраты на услуги адвоката при защите конституционных прав и ценностей от такого преследования нельзя считать беспочвенными. К тому же обвиняемый (подозреваемый) имеет основания притязать на юридическую помощь хорошего качества и получать ее в достаточном объеме сообразно интенсивности и длительности осуществляемой против него обвинительной деятельности. Не исключено и получение адвокатских услуг без видимой процессуальной активности стороны защиты, когда она готовится квалифицированно ответить на действия стороны обвинения, предполагая их в разных вариантах постольку, поскольку уголовное преследование протекает с долгими перерывами при неясной позиции обвинения, оставляя обвиняемого (подозреваемого) в неизвестности под угрозой лишения либо ограничения принадлежащих ему прав и благ в перспективе применения уголовно-правового принуждения.

При таких обстоятельствах отказ в признании расходов реабилитированного на оплату юридической помощи нельзя считать справедливым. Нельзя считать правильным и снижение размера возмещения, присуждаемого реабилитированному, на том основании, что он, вместо отдельных услуг, ежемесячно или поквартально оплачивал серией платежей длительно получаемую юридическую помощь. Тем более такое снижение не может быть оправданным, когда длительная защита по уголовному делу обусловлена затяжным уголовным преследованием с неоднократным прекращением и возобновлением производства по делу, что вынуждает обвиняемого (подозреваемого) доказывать невиновность с избыточными затратами на отстаивание своих прав.

Несправедливо также снижение суммы возмещаемых ему затрат до размеров, которые представляются достаточными представителям причинителя вреда, особенно после реабилитации лица, пострадавшего от неправомерного уголовного преследования. Расходы, на которые лицо решается в обстановке такого преследования, нельзя считать безосновательными даже при некотором их превышении над средними, например, величинами адвокатского вознаграждения по месту ведения уголовного дела. Эти величины условны и не настолько очевидны, чтобы обвиняемый (подозреваемый) мог по ним предсказать стоимость адвокатских услуг, которую суд впоследствии посчитает разумной и справедливой в решении о возмещении реабилитированному вреда. В правоприменительной практике суждения о действительной стоимости юридических услуг сильно разнятся, поскольку зависят от оце-

ночных по этому поводу представлений. Приблизительность подобных оценок не должна приводить к ущемлению права на возмещение вреда, который причинен реабилитированному в виде расходов на юридическую помощь, и отказ в полном его возмещении означал бы умаление конституционных прав и судебной их защиты вопреки статьям 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52, 53, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Если бы законодательство и судебная практика неизменно ориентировали суды на снижение размеров возмещения вреда реабилитированным до наименьших величин, это вело бы к падению объема и качества предоставляемой юридической помощи, ограничивая право на ее получение, гарантированное каждому статьей 48 Конституции Российской Федерации. Между тем названное право не подлежит ограничению в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, как это подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 27 марта 1996 года № 8-П, от 28 января 1997 года № 2-П, от 27 июня 2000 года № 11-П и в иных своих решениях.

Оценку необходимости и достаточности возмещения расходов на оплату юридической помощи, полученной реабилитированным, определяют прежде всего конституционные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина от вреда, причиняемого государством, а также обстоятельства уголовного дела, как следует в том числе из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 708-О. Указанные обстоятельства должны быть учтены при возмещении вреда, что вытекает из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2019 года № 26-П, Определения от 17 января 2012 года № 149-О-О и других его решений, где он придавал значение не только особенностям причинителя вреда, но и характеру его действий. В Постановлении же от 14 января 2016 года № 1-П он указал на то, что принципы правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям государства гарантируют гражданам строгое исполнение законодательных предписаний уполномоченными государством органами при внимательной и ответственной оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав. В постановлениях от 22 июня 2017 года № 16-П и от 2 июля 2020 года № 32-П Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на существенное значение, которое при разрешении споров с участием публично-правовых образований имеет оценка действий или бездействия органов, уполномоченных действовать в интересах таких образований, в частности ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, совершение ошибок, разумность и осмотрительность в реализации ими своих правомочий.

3.4. Право на помощь адвоката и право на возмещение государством ущерба, причиненного неправомерным уголовным преследованием, не могут, как и другие права и свободы, осуществляться в нарушение прав и свобод иных лиц – это запрещено статьей 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В то же время злоупотребление правом со стороны реабилитированного и (или) его адвоката не может быть предположительным и должно быть установлено судом. Это соотносится не только с презумпцией добросовестности в осуществлении гражданских прав, но и со статьей 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Из сказанного, таким образом, следует, что размер присуждаемого реабилитированному возмещения не может быть ограничен (снижен) по мотивам недостаточной обоснованности или избыточности расходов на оплату услуг адвоката, если их достоверность доказана, а добросовестность реабилитированного не опровергнута.

Следовательно, пункт 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает – при конституционно-правовом истолковании этого законоположения в системе

действующего правового регулирования – отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута. Среди подобных обстоятельств могут быть учтены, например, решения, принятые самим реабилитированным в рамках свободы договора и распоряжения своим имуществом, как то: решение о дополнительном вознаграждении адвоката сверх условленного по договору, принятое по завершении уголовного дела, и т.п. Изложенное, кроме того, не исключает права представителей казны просить суд о снижении возмещения, если за услуги адвоката назначена плата в необычно высокой величине и ее явная чрезмерность доказана в сравнении с аналогичными случаями, а также если реабилитированный пользовался услугами сразу нескольких адвокатов и тем более адвокатских образований, притом что это не было обусловлено посменной работой адвокатов, их заменой ввиду долгого уголовного преследования или предоставлением неодинаковых по содержанию услуг разными адвокатами, когда существенные различия (преимущества) в их предметной специализации известны (доказаны) и с этим связано оказание ими юридической помощи специального профиля.

4. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 6 июля 1998 года № 21-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и других своих решениях пришел к следующим выводам. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости. Поскольку подобная проверка применительно к пересмотру вступивших в законную силу судебных актов как дополнительному, имеющему резервное значение способу обеспечения их законности означает, по сути, возможность преодоления их окончательности, законодатель, регулируя сферу уголовного процесса на основе статей 2, 46–53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств и располагая при этом достаточно широкой дискрецией в выборе мер по обеспечению прав всех участников уголовного судопроизводства, призван соблюдать в этой сфере баланс публичных и частных интересов и конституционно значимых ценностей. Он должен учитывать требование неопровержимости окончательных судебных решений в качестве общего правила и устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, исключая необоснованное возобновление судебного разбирательства, использовались бы лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела, и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и правовую определенность. Следовательно, закрепляя сроки, в пределах которых допустимы обжалование или отмена судебных актов, вступивших в законную силу, надлежит исходить из того, что участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей.

Так, регламентируя производство в суде кассационной инстанции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает следующие требования: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть первая статьи 401.15), а кроме того, пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня их вступления

в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401.6). В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок, а наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступать неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий (постановления от 20 июля 1999 года № 12-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.).

Правовой статус реабилитированного обусловлен тем, что он претерпел неблагоприятные последствия государственной деятельности. В Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что для обеспечения действенной и справедливой судебной защиты права реабилитированного на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, необходимы гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права этого лица на реабилитацию независимо от того, на какой стадии судопроизводства оно реабилитировано, и такие гарантии следует неукоснительно соблюдать.

В этой связи правила реабилитации должны быть направлены в том числе на то, чтобы в отношениях, проистекающих из состоявшегося уголовного преследования и реабилитации, минимизировать новые неблагоприятные претерпевания реабилитированного лица, исходящие от осуществления – пусть даже надлежащего – органами публичной власти своих полномочий касательно его и его законных интересов. В частности, каждое новое погружение лица в обстановку судебных разбирательств, имеющих генезис в событиях его уголовного преследования, может быть для него психотравмирующим, чего государство, главной целью и ценностью которого является человек, должно максимально избегать в отношениях с гражданами, тем более находящимися в таком правовом положении, как реабилитированные. В ситуации, когда в кассационной инстанции ставится вопрос о снижении размера присужденной реабилитированному суммы в возмещение расходов на оплату юридической помощи, возникает именно такой негативный эффект. Он усугубляется, когда принятое кассационной инстанцией решение влечет поворот исполнения судебного акта с возложением на лицо, пострадавшее от неправомерной уголовной репрессии, денежных обязательств перед причинителем вреда, а тем более если должнику предстоит их исполнять за счет заработка, пенсий, пособий и других подобных доходов, которые служат средствами существования гражданина и его семьи.

Учтены должны быть и другие издержки для прав и законных интересов реабилитированного в той мере, в какой эти интересы и права могут пострадать вследствие ограничения или принудительного возврата суммы присужденного ему возмещения. Сказанное, безусловно, не должно полностью исключать возможность кассационного обжалования органами, представляющими казну, решений судов о возмещении реабилитированному расходов, связанных с защитой, и не должно превращать решения суда апелляционной инстанции в окончательные, если реабилитированный полностью удовлетворен ими. Однако наличие разумных временных пределов для принятия судом кассационной инстанции решения, ухудшающего положение реабилитированного по сравнению с установленными решениями предшествующих инстанций, является, по сути, обязательным с конституционной точки зрения.

В то же время, как свидетельствуют документы по делу А.П. Атрощенко, в правоприменительной практике не исключается отмена судом кассационной инстанции решений нижестоящих инстанций со ссылкой на правила разумности, достаточности, справедливости, а также на невыяснение судом соответствия заявленной суммы возмещения сложности уголовного дела, объему выполненной адвокатом работы, количеству следственных и иных процессуальных действий и судебных заседаний, в которых адвокат принял участие, что

в дальнейшем приводит к снижению уже уплаченных реабилитированному сумм возмещения расходов, которые он понес на оплату юридической помощи, с поворотом исполнения судебного акта и с возложением на него обязанности возратить излишне полученное.

Статья 401.6 УПК Российской Федерации не выступает препятствием для этого. Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на свои правовые позиции, оправданно исходил в ряде решений из следующего. Установленные ею ограничения и условия кассационного пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, распространяются лишь на такие решения, которые определяют уголовно-правовой статус лица как виновного или невиновного в преступлении и подлежащего или не подлежащего уголовной ответственности, притом что, руководствуясь ими, к этому лицу применяется наказание или же публично-правовая санкция, структурно обособленная от наказания и выраженная, как мера уголовно-правового характера, в возложении на это лицо обязанности претерпеть дополнительные, по отношению к наказанию, правоограничения уголовно-превентивного свойства, т.е. соотносимая по своей конституционно-правовой природе с наказанием по некоторым признакам, хотя и не тождественная ему (постановления от 11 мая 2005 года № 5-П и от 7 марта 2017 года № 5-П; определения от 27 сентября 2018 года № 2190-О, от 26 ноября 2018 года № 2863-О и от 26 февраля 2021 года № 323-О).

Возвращение же присужденных сумм в порядке поворота исполнения не относится к наказаниям или иным санкциям, а решение о нем не является как таковое судебным актом, который определял бы собственно уголовно-правовой статус реабилитированного в указанном выше смысле. Между тем в системе действующего регулирования положения названной статьи – единственный ограничитель ухудшения правового и фактического положения лица в отношениях, складывающихся в связи с его уголовным преследованием либо имеющих генезис в таковом. При таких обстоятельствах отсутствие в процессуальном законе, а по существу – ввиду концентрации в этой статье ограничений на поворот к худшему – отсутствие в ней правил, препятствующих ухудшению положения реабилитированного, которому на основании вступившего в законную силу решения суда были выплачены суммы в счет возмещения расходов на оплату юридической помощи, являет собою признак конституционно значимого пробела в законодательстве, что вступает в противоречие с гарантиями охраны достоинства личности, права на получение квалифицированной юридической помощи и права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 21, часть 1; статьи 48 и 53 Конституции Российской Федерации).

4.1. Таким образом, статья 401.6 УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования не ограничивает период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и принимая во внимание правовые позиции, выраженные в настоящем Постановлении, – внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование. При этом он не лишен возможности включить соответствующие нормы не в статью 401.6 УПК Российской Федерации, а в другие его положения либо предусмотреть иной срок, ограничивающий пересмотр судебного акта о возмещении причиненного реабилитированному вреда.

До вступления в силу изменений, вытекающих из настоящего Постановления, отсутствие в статье 401.6 УПК Российской Федерации указания на то, что недопустим пересмотр судом кассационной инстанции судебного акта о возмещении реабилитированному вреда,

причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, влекущий поворот исполнения этого акта, не дает оснований осуществлять такой пересмотр за пределами года со дня вступления этого акта в законную силу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

2. Признать статью 401.6 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не ограничивает период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

3. Судебные акты по делу гражданина Атрощенко Алексея Петровича, вынесенные на основании статьи 401.6 УПК Российской Федерации, а также пункта 4 части первой статьи 135 данного Кодекса в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности пункта 1 части второй статьи 401.10 УПК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 12 октября 2021 г. № 44-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ АБЗАЦА ТРЕТЬЕГО СТАТЬИ 220 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЧАСТИ ПЯТОЙ СТАТЬИ 135 И ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 138 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА Е.С. ПЕРМЯКОВА¹

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца третьего статьи 220 ГПК Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е.С. Пермякова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно абзацу третьему статьи 220 ГПК Российской Федерации суд прекращает производство по делу в случае, если имеется вступившее в законную силу и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда или определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон.

¹ Источник публикации – информационно-правовая база данных «КонсультантПлюс».

В соответствии с частью пятой статьи 135 УПК Российской Федерации требование о возмещении реабилитированному имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, а в силу части первой статьи 138 данного Кодекса в том же порядке производится восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного, причем если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

1.1. Конституционность приведенных норм оспаривает гражданин Е.С. Пермяков, который приговором Железнодорожного городского суда Московской области от 13 апреля 2009 года был осужден к лишению свободы в исправительной колонии строгого режима. Освобожденный 26 марта 2012 года, он обжаловал приговор в кассационном порядке. Постановлением президиума Московского областного суда от 25 ноября 2015 года приговор отменен ввиду отсутствия в действиях Е.С. Пермякова состава преступления. За ним в соответствии со статьей 134 УПК Российской Федерации признано право на реабилитацию.

Постановлением Железнодорожного городского суда Московской области от 7 февраля 2017 года, вынесенным по правилам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, заявленные Е.С. Пермяковым требования о компенсации имущественного вреда, о восстановлении его трудовых и пенсионных прав удовлетворены в части возмещения расходов на оплату услуг адвокатов и возмещения заработной платы с 13 февраля 2009 года (момент задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу) по 4 марта того же года (момент увольнения по собственному желанию) в размере 136 891 руб. 12 коп. Заявитель, обжалуя решение суда, настаивал, чтобы ему возместили почтовые расходы, заработную плату за весь период лишения свободы – поскольку трудовой договор с работодателем по своей инициативе он не расторгал, – а кроме того, заработную плату за время поиска работы после освобождения (с 27 марта по 12 мая 2012 года). Апелляционным постановлением Московского областного суда от 11 апреля 2017 года решение нижестоящего суда изменено и в пользу заявителя взысканы почтовые расходы в размере 419 руб., в остальной части решение оставлено без изменения. Отказывая в возмещении утраченного заработка и в изменении даты и основания увольнения, суды указали, что вопрос о законности увольнения выходит за пределы рассмотрения по правилам статьи 135 УПК Российской Федерации и подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, а доказательств невозможности трудоустроиться заявитель не представил. Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 года заявителю отказано в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, с чем 19 января 2018 года согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Е.С. Пермяков также обратился в Ногинский городской суд Московской области с иском к своему бывшему работодателю об обязанности исправить в трудовой книжке запись о причине увольнения. Однако определением от 16 марта 2017 года производство по делу прекращено в связи с банкротством работодателя.

Решением того же суда от 24 апреля 2018 года удовлетворено требование Е.С. Пермякова, заявленное в рамках гражданского процесса, о компенсации морального вреда в размере 300 тыс. руб. Производство же по делу в отношении требования о возмещении утраченного заработка прекращено, поскольку, как указал суд, это требование идентично рассмотренному по правилам уголовного процесса и в соответствии с пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» не подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения апелляционным определением Московского областного суда от 17 сентября 2018 года. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля

2019 года Е.С. Пермякову отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации не нашел оснований для отмены данного определения (письмо от 28 октября 2019 года).

1.2. По мнению заявителя, оспариваемые им нормы противоречат статьям 19, 35, 37 (части 1 и 3), 45, 46 (части 1 и 2), 52, 53 и 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой препятствуют полному возмещению заработной платы гражданину в связи с незаконным привлечением его к уголовной ответственности.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации, часть пятая статьи 135 и часть первая статьи 138 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о рассмотрении судом в порядке гражданского судопроизводства требований о возмещении заработной платы, не полученной гражданином в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, если ранее в рамках уголовного процесса его требования о возмещении заработной платы удовлетворены частично и он не согласен с этим судебным решением.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53), реализация которого гарантируется обязанностью государства обеспечивать защиту, в том числе судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2), доступ к правосудию и компенсацию потерпевшим ущерба от преступлений и злоупотреблений властью (статья 52). Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5) и Протокола № 7 к ней (статья 3), признающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязывающие государство предоставить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Из названных предписаний Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов вытекает, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П, обязанность законодателя предусмотреть гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права на реабилитацию для обеспечения лицу полной, действенной и справедливой судебной защиты его права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Исходя из этой своей обязанности, законодатель установил комплексный процессуальный порядок осуществления права реабилитированного на возмещение вреда, предполагающий рассмотрение соответствующих требований по правилам как уголовного, так и гражданского судопроизводства.

3. Согласно части второй статьи 135 УПК Российской Федерации реабилитированный вправе обратиться в суд с требованием о возмещении имущественного вреда в течение сроков исковой давности, закрепленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения копии документов, которыми признано его право на реабилитацию. Часть первая той же статьи позволяет ему заявить в уголовно-процессуальном порядке широкий спектр связанных с возмещением имущественного вреда требований, включая требования о возмещении заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования.

Конституционный Суд Российской Федерации при характеристике норм главы 18 УПК Российской Федерации, посвященной реабилитации, отмечал, что они сообразно предписаниям статей 45, 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации формируют упрощенный по сравнению с исковым порядком режим правовой защиты, освобождая реабилитированного от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда и одновременно предоставляя ему возможность участвовать в доказывании объема компенсации. Такой режим направлен на создание процедурных условий для скорейшего определения размера вреда и скорейшего его возмещения и существует наряду с гражданско-правовыми правилами компенсации вреда (постановления от 2 марта 2010 года № 5-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения от 8 апреля 2010 года № 524-О-П, от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 2 июля 2013 года № 1058-О, от 2 апреля 2015 года № 708-О и др.). Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П, предусмотренная названной главой процедура с точки зрения действующей модели правового регулирования является ускоренным, сокращенным, квазиприказным производством, предназначенным для рассмотрения требований реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения. Эта процедура не предполагает наличия у судьи широких пределов усмотрения, поскольку законодатель в названной главе не закрепляет специальных правил доказывания и непосредственно определяет состав денежных средств и имущества, подлежащих возмещению (часть первая статьи 135 УПК Российской Федерации).

В соответствии со статьей 137 УПК Российской Федерации постановление судьи о производстве выплат и возврате имущества может быть обжаловано в порядке, установленном главами 45.1 и 47.1 данного Кодекса. Если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым по правилам уголовного процесса судебным решением, то часть первая статьи 138 данного Кодекса позволяет ему обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с тождественным требованием. Кроме того, в порядке гражданского судопроизводства, согласно части второй статьи 136 данного Кодекса, предъявляются иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении. Такое правовое регулирование, будучи направленным на обеспечение дополнительных гарантий восстановления имущественных и личных неимущественных прав реабилитированных, само по себе не может расцениваться как нарушающее их конституционные права в ситуации, когда положения процессуальных кодексов разрешают вопросы соотношения различных форм защиты нарушенных прав.

3.1. В силу статьи 133 УПК Российской Федерации вред, причиненный гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, в том числе с учетом статьи 15 ГК Российской Федерации, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда за счет казны Российской Федерации (пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17). Согласно же пункту 2 статьи 15 ГК Российской Федерации под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). В свою очередь, пунктом 1 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации установлено, что возмещение реабилитированному имущественного вреда включает и возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования, т.е., по сути, не полученных им доходов. Действующее законодательство, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, не ограничивает право реабилитированных на возмещение вреда только ущербом, причиненным незаконным изъятием имущества, но предполагает также возмещение

иных убытков, включая упущенную выгоду (определения от 20 октября 2005 года № 441-О, от 25 февраля 2016 года № 256-О и от 25 мая 2017 года № 1037-О).

Когда лицо осуждается к лишению свободы, трудовые отношения с ним подлежат прекращению по пункту 4 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, а в случае его реабилитации материальную компенсацию за время, в которое оно было лишено возможности трудиться и получать заработную плату, выплачивает Министерство финансов Российской Федерации. Если же лицо было уволено по иному основанию, в частности если расторжение трудового договора произошло по инициативе работника (по собственному желанию), то это само по себе не лишает реабилитированного права требовать возмещения утраченного заработка, но уже не в том размере, который был предусмотрен трудовым договором.

При несогласии лица с основанием увольнения оно не лишено права своевременно – в пределах установленного Трудовым кодексом Российской Федерации срока – обжаловать законность увольнения в суде. При этом даже в случае ликвидации (банкротства) организации-работодателя у лица имеется возможность обратиться к данным государственных и муниципальных архивов, куда в обязательном порядке передаются все документы, касающиеся финансово-экономической деятельности организации, в том числе затрагивающие права работников. Контроль за соблюдением таких правил и привлечение виновных в их нарушении к ответственности возлагаются на государство. Иными словами, реабилитированному, уволенному в период содержания под стражей или отбывания наказания в виде лишения свободы, предоставлены правовые механизмы, позволяющие доказывать незаконность увольнения из организации, прекратившей свою деятельность (ликвидация, банкротство), с целью реализации им права на полное возмещение имущественного вреда, причиненного незаконным осуждением.

4. Из буквального смысла статьи 138 УПК Российской Федерации следует, что реабилитированный после рассмотрения его требований в уголовно-процессуальном порядке (не обязательно во всех инстанциях) вправе заявить их в порядке гражданского судопроизводства, причем итоги рассмотрения требований по правилам главы 18 данного Кодекса не обязательны для суда, рассматривающего те же требования в порядке гражданского судопроизводства, и не определяют подлежащее принятию судом решение.

Вместе с тем абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации относит прекращение производства по делу к процессуальным последствиям заявления в суд тех требований, которые однажды уже были рассмотрены судом в порядке гражданского судопроизводства. Причем эта норма, а равно пункт 2 части первой статьи 134 данного Кодекса об отказе в принятии искового заявления, закрепляя совпадение сторон, предмета и оснований спора в качестве критерия тождественности заявленных требований, при наличии которой проявляет себя свойство исключительности вступивших в законную силу судебных актов, наделяют таким свойством только вступившие в законную силу решения суда и определения суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или в связи с утверждением мирового соглашения сторон, т.е. акты, касающиеся разрешения спора о праве в состязательной форме.

Такое регулирование соотносится с подходом Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно отмечавшего, что пункт 2 части первой статьи 134 и абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации исключают возможность производства по делу только в случаях, когда право на судебную защиту (право на судебное рассмотрение спора) было реализовано в состоявшемся ранее на основе принципов равноправия и состязательности сторон судебном процессе. Эти нормы направлены на пресечение рассмотрения судами тождественных требований, не содержат неопределенности и не могут расцениваться как нарушающие конституционные права. Установление же в каждом конкретном случае того, имеются ли причины для прекращения производства по делу, включая вступившее

в законную силу и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда, – исключительная прерогатива суда, которая вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и служит проявлением его дискреционных полномочий. При этом гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, являются процедуры проверки судебных актов вышестоящими судами и поводы к их отмене или изменению (определения от 18 апреля 2006 года № 93-О, от 21 октября 2008 года № 808-О-О, от 25 ноября 2020 года № 2812-О, от 26 февраля 2021 года № 257-О, от 26 апреля 2021 года № 710-О и др.).

Следовательно, исходя из фундаментального характера права на судебную защиту, правоприменители, разрешая вопрос о прекращении производства по делу в соответствии с абзацем третьим статьи 220 ГПК Российской Федерации, должны учитывать не только критерий тождества заявленных требований (стороны, предмет, основания), но и характер процедуры, в которой требования ранее рассматривались, и свойства принятого по ее итогам судебного акта, – эта процедура должна быть состязательной и основываться на всех применимых конституционных и отраслевых принципах и гарантиях надлежащего отправления правосудия.

4.1. Исходя непосредственно из текста части первой статьи 138 УПК Российской Федерации, само по себе наличие решения суда, вынесенного по правилам его глав 18 (о реабилитации) и 47 (об исполнении приговора) и вступившего в законную силу, не должно расцениваться как обстоятельство, исключающее новое (повторное) рассмотрение соответствующих требований реабилитированного уже в порядке гражданского судопроизводства, хотя право на судебную защиту и было реализовано в состоявшемся ранее на основе принципов равноправия и состязательности сторон судебном процессе, в котором рассматривались тождественные требования. В то же время поскольку это означает, по сути, возможность принятия судами разной юрисдикции взаимоисключающих решений, то такое толкование действующего регулирования может привести к преодолению обязательности судебных актов, вступивших в законную силу. Потому вопросы процессуального порядка надлежащей – с точки зрения конституционных начал – защиты прав лиц, пострадавших от незаконного или необоснованного уголовного преследования, требуют обеспечения разумного баланса между принципом беспрепятственной реализации права на реабилитацию, с одной стороны, и, с другой – принципом стабильности судебных актов и связанным с ним принципом правовой определенности. Такой баланс может быть достигнут и путем осуществления Верховным Судом Российской Федерации возложенной на него статьей 126 Конституции Российской Федерации функции давать разъяснения по вопросам судебной практики.

Так, чтобы исключить принятие судами взаимопротиворечащих решений, Пленум Верховного Суда Российской Федерации – имея в виду необходимость обеспечить правовую определенность и единообразие судебной практики в отношении требований реабилитированного о возмещении имущественного вреда – в пункте 10 постановления от 29 ноября 2011 года № 17 дал следующие разъяснения: суд, рассматривающий эти требования в порядке главы 18 УПК Российской Федерации, вправе удовлетворить их или отказать в их удовлетворении полностью либо частично в зависимости от их доказанности представленными сторонами и собранными судом доказательствами; в части требований, оставленных без рассмотрения по правилам уголовного процесса, реабилитированный вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства; требования реабилитированного в той части, в которой они были разрешены по существу по правилам уголовного процесса, не подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Это толкование процессуальных норм исходит из предположения, что предусмотренный в названной главе порядок является основным и состязательным, а его исчерпание, за исключением прямо закрепленных законом случаев, необходимо, если требования реабилитированного оставлены без рассмотрения и тот намерен обратиться в суд по правилам гражданского судопроизводства.

Данный подход к проблеме не опровергается в принципиальном плане и процитированной выше правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П, об оценке процедуры рассмотрения требований реабилитированного, предусмотренной главой 18 УПК Российской Федерации, как ускоренного, сокращенного, квазиприказного производства, поскольку не ставится под сомнение, что с точки зрения действующей модели правового регулирования она фактически является рассмотрением гражданского, а не уголовного дела, хотя и в особой форме. В силу этого судебные решения, вынесенные в рамках указанной процедуры, обладают по общему правилу свойством исключительности применительно как к уголовному, так и к гражданскому судопроизводству, что вытекает из смысла статей 134 и 220 ГПК Российской Федерации в их системной связи с главами 18 и 47 УПК Российской Федерации. Тем самым, даже сужая возможности реабилитированных реализовать право на рассмотрение тех же требований в порядке гражданского судопроизводства, соответствующие нормы не могут расцениваться как вступающие в противоречие с их правом на судебную защиту, тем более что иное вело бы к нарушению принципов равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон процесса (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), а также принципа правовой определенности.

4.2. Предоставленное суду, разрешающему требования реабилитированного по правилам главы 18 УПК Российской Федерации, право оставить отдельные его требования без рассмотрения – на наличие которого обращено внимание в приведенных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации – соотносится с указанием в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 28-П на использование уголовно-процессуального порядка восстановления прав реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения. Суды, соответственно, должны оценивать, имеет ли место такой спор и не может ли он быть более эффективным образом разрешен – для обеспечения полной, действенной и справедливой судебной защиты права реабилитированного на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, – в рамках именно гражданского судопроизводства с учетом особенностей его инструментария. Будучи предназначенными для скорейшего разрешения требований реабилитированного в условиях отсутствия такого спора, положения главы 18 УПК Российской Федерации предполагают следующее: если суд, рассматривая вопрос о возмещении реабилитированному заработной платы, не находит оснований для возмещения вреда в заявленном объеме в связи с наличием спора о праве или о фактических обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре названной главы, а в рамках гражданского процесса, то он компетентен, установив, что это отвечает целям наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, в соответствующей части оставить требования реабилитированного без рассмотрения, с тем чтобы дать ему возможность обратиться за защитой своих прав в порядке гражданского судопроизводства. Когда же несогласие реабилитированного с принятым по правилам данного Кодекса судебным решением выразилось в подаче им апелляционной или кассационной жалобы, полномочие оставить спорное требование без рассмотрения по указанным основаниям может быть реализовано вышестоящим судом с одновременной отменой решения суда нижестоящей инстанции в соответствующей части.

Таким образом, абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации, часть пятая статьи 135 и часть первая статьи 138 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования данные нормы не препятствуют реабилитированному заявить требования о возмещении заработной платы, не полученной им в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, в порядке гражданского судопроизводства, если они не были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, а равно поскольку данные нормы, исходя из их конституционно-правового смысла, не препятствуют суду, рассматривающему дело

в порядке уголовного судопроизводства, принять решение об оставлении спорного требования без рассмотрения в целях наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, если суд усматривает наличие спора о праве или о фактических обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре главы 18 УПК Российской Федерации, а в рамках гражданского процесса.

Вместе с тем законодатель не лишен возможности внести в правовой механизм реабилитации, предусмотренный названной главой, изменения, направленные на совершенствование процессуального порядка защиты права реабилитированных на компенсацию вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

5. Как следует из представленных Е.С. Пермяковым материалов, принимая решение о компенсации заработной платы, утраченной им ввиду уголовного преследования, лишь за период, предшествующий его увольнению, Железнодорожный городской суд Московской области исходил из необходимости оспаривания даты и основания увольнения в порядке гражданского судопроизводства. Между тем исковое производство по соответствующим требованиям прекращено Ногинским городским судом Московской области в связи с ликвидацией работодателя. Рассматривая впоследствии требования реабилитированного о компенсации заработной платы в рамках гражданского процесса, суд сослался на это решение, согласившись с размером компенсации, определенным в порядке реабилитации, поскольку каких-либо фактических обстоятельств, могущих послужить основанием для иного вывода, не было установлено.

Тем самым невозможность реализации права Е.С. Пермякова на полный размер возмещения, с которой он связывает нарушение своих конституционных прав, обусловлена не столько результатами предшествующего рассмотрения его требований по правилам уголовного процесса, сколько наличием решения суда о прекращении производства по другому – гражданскому делу. Оценка же выводов судов о степени существенности тех или иных обстоятельств для разрешения заявленных в конкретном деле требований не может быть дана Конституционным Судом Российской Федерации, который в силу статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

При таких обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10.1 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», приходит к выводу, что отсутствуют основания для пересмотра правоприменительных решений, вынесенных в отношении заявителя.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации, часть пятую статьи 135 и часть первую статьи 138 УПК Российской Федерации – как позволяющие реабилитированному заявлять требования о возмещении заработной платы, не полученной им в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, в порядке гражданского судопроизводства, если они не были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, а также как позволяющие судам, рассматривающим дело в порядке уголовного судопроизводства, исходя из конституционно-правового смысла данных положений в системе действующего правового регулирования принимать решение об оставлении спорного требования без рассмотрения в целях наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, если они усматривают наличие такого спора о праве или о фактических

обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре главы 18 УПК Российской Федерации, а в рамках гражданского процесса, – не противоречащими Конституции Российской Федерации.

2. В правоприменительной практике должно обеспечиваться применение абзаца третьего статьи 220 ГПК Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 УПК Российской Федерации в соответствии с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
от 19 октября 2021 г. № 2128-О

ПО ЖАЛОБЕ ГРАЖДАНИНА МИНЕНКОВА ПАВЛА СЕРГЕЕВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТАМИ 4 И 5 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 135 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи К.В. Арановского, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина П.С. Миненкова,

установил:

1. Гражданин П.С. Миненков оспаривает конституционность пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, согласно которым возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, а также иных расходов.

Как следует из представленных материалов, постановлением следователя уголовное преследование в отношении П.С. Миненкова прекращено ввиду отсутствия в деянии состава преступления (пункт 2 части первой статьи 24, пункт 2 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации), за ним признано право на реабилитацию.

Приговором мирового судьи судебного участка № 8 судебного района Центрального округа города Курска от 6 сентября 2018 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Ленинского районного суда города Курска от 18 декабря 2018 года, П.С. Миненков оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении другого преступления, за ним признано право на реабилитацию.

Постановлением Президиума Курского областного суда от 17 апреля 2019 года указанное апелляционное постановление отменено с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение в Ленинский районный суд города Курска, который апелляционным постановлением от 29 мая 2019 года оставил приговор мирового судьи без изменения, а апелляционное представление государственного обвинителя – без удовлетворения.

¹ Источник публикации – информационно-правовая база данных «КонсультантПлюс».

Постановлением Ленинского районного суда города Курска от 23 декабря 2019 года ходатайство П.С. Миненкова о возмещении имущественного вреда в размере 552 000 рублей, затраченных на оказание юридической помощи, удовлетворено частично, со взысканием в его пользу с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации 330 000 рублей. При этом, установив, в частности, что наряду с оплатой за фактически оказанные одним из адвокатов услуги заявитель производил адвокатскому образованию ежемесячную оплату за оказание юридической помощи в твердой денежной сумме (на общую сумму 185 000 рублей), суд указал, что доказательств оказания услуг на соответствующую сумму не представлено.

Оставляя указанное постановление без изменения, Курский областной суд отметил в апелляционном постановлении от 1 июня 2020 года, что, принимая решение по ходатайству реабилитированного, суд первой инстанции правильно руководствовался критериями разумности и соразмерности, которые составляют общеправовой принцип справедливости и предполагают, в частности, соответствие между трудом и его оплатой, нанесением вреда и возмещением. Из того же исходил судья Первого кассационного суда общей юрисдикции, отказавший в передаче кассационной жалобы П.С. Миненкова на указанные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции постановлением от 3 ноября 2020 года.

П.С. Миненков полагает, что пункты 4 и 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52 и 53, в той мере, в какой данные нормы позволяют суду при рассмотрении вопроса о возмещении реабилитированному лицу имущественного вреда уменьшать сумму такого возмещения – вопреки доказанному в судебном заседании размеру действительно понесенных этим лицом расходов на оплату юридических услуг, а также в отсутствие доказательств, подтверждающих доводы о необходимости снижения заявленного реабилитированным лицом размера возмещения.

2. Постановлением от 23 сентября 2021 года № 41-П Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

В этом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал, в частности, что высокая стоимость помощи, полученной от адвоката, не может как таковая быть поводом к сокращению объема прав реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда, конституционно гарантированное каждому потерпевшему от незаконного привлечения к уголовной ответственности. Незаконное или необоснованное уголовное преследование само по себе может мешать потерпевшему быть осмотрительным и умеренным в расходах на оплату юридической помощи, а потому значительные затраты на услуги адвоката при защите конституционных прав и ценностей от такого преследования нельзя считать беспочвенными. К тому же обвиняемый (подозреваемый) имеет основания притязать на юридическую помощь хорошего качества и получать ее в достаточном объеме сообразно интенсивности и длительности осуществляемой против него обвинительной деятельности. Не исключено и получение адвокатских услуг без видимой процессуальной активности стороны защиты, когда она готовится квалифицированно ответить на действия стороны обви-

нения, предполагая их в разных вариантах постольку, поскольку уголовное преследование протекает с долгими перерывами при неясной позиции обвинения, оставляя обвиняемого (подозреваемого) в неизвестности под угрозой лишения либо ограничения принадлежащих ему прав и благ в перспективе применения уголовно-правового принуждения. При таких обстоятельствах отказ в признании расходов реабилитированного на оплату юридической помощи нельзя считать справедливым.

Нельзя считать правильным и снижение размера возмещения, присуждаемого реабилитированному, на том основании, что он, вместо отдельных услуг, ежемесячно или поквартально оплачивал серией платежей длительно получаемую юридическую помощь. Тем более такое снижение не может быть оправданным, когда длительная защита по уголовному делу обусловлена затяжным уголовным преследованием с неоднократным прекращением и возобновлением производства по делу, что вынуждает обвиняемого (подозреваемого) доказывать невиновность с избыточными затратами на отстаивание своих прав.

Несправедливо также снижение суммы возмещаемых ему затрат до размеров, которые представляются достаточными представителям причинителя вреда, особенно после реабилитации лица, пострадавшего от неправомерного уголовного преследования. Расходы, на которые лицо решается в обстановке такого преследования, нельзя считать безосновательными даже при некотором их превышении над средними, например, величинами адвокатского вознаграждения по месту ведения уголовного дела. Эти величины условны и не настолько очевидны, чтобы обвиняемый (подозреваемый) мог по ним предсказать стоимость адвокатских услуг, которую суд впоследствии посчитает разумной и справедливой в решении о возмещении реабилитированному вреда. В правоприменительной практике суждения о действительной стоимости юридических услуг сильно разнятся, поскольку зависят от оценочных по этому поводу представлений. Приблизительность подобных оценок не должна приводить к ущемлению права на возмещение вреда, который причинен реабилитированному в виде расходов на юридическую помощь, и отказ в полном его возмещении означал бы умаление конституционных прав и судебной их защиты вопреки статьям 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52, 53, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2021 года № 41-П, а значит, и выраженные в нем правовые позиции и выводы сохраняют свою силу. Конституционно-правовой смысл пункта 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации, имеет общеобязательное значение, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Согласно части пятой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», если до принятия Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению жалобы, по результатам рассмотрения которой Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление о признании нормативного акта либо его отдельных положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционном Судом Российской Федерации истолковании, в Конституционный Суд Российской Федерации была подана другая жалоба по тому же предмету, дело по которой не было принято к рассмотрению или не было соединено в одном производстве с делом, по которому вынесено соответствующее постановление, Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая в принятии ее к рассмотрению на основании пункта 3 части первой статьи 43 этого Федерального конституционного закона или прекращая производство по ней, вправе указать в определении на то, что конкретное дело данного заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации, подлежит пересмотру.

Жалоба П.С. Миненкова поступила в Конституционный Суд Российской Федерации до принятия к рассмотрению жалобы гражданина А.П. Атрощенко, по результатам рассмотре-

ния которой принято Постановление от 23 сентября 2021 года № 41-П, ввиду чего правоприменительные решения по делу заявителя, основанные на положениях пункта 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в указанном Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Что касается пункта 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, то из представленных материалов не следует, что П.С. Миненков требовал возмещения иных расходов помимо сумм, затраченных на оплату оказанной ему юридической помощи, и что суды эти требования рассматривали. Конституционный Суд Российской Федерации не имеет надлежащих поводов и оснований давать по жалобе гражданина конституционно-правовую оценку закона прежде, чем состоялось применение данного закона в его конкретном деле. Конституционный Суд Российской Федерации принимает вместе с тем во внимание, что применение пункта 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, как и отказ в его применении не исключены при пересмотре дела заявителя судом общей юрисдикции.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 3 части первой статьи 43, частью первой статьи 79 и частью пятой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу гражданина Миненкова Павла Сергеевича в части оспаривания конституционности пункта 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Правоприменительные решения по делу гражданина Миненкова Павла Сергеевича, основанные на положениях пункта 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 сентября 2021 года № 41-П, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миненкова Павла Сергеевича в части оспаривания конституционности пункта 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

5. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д.ЗОРЬКИН

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 26 октября 2021 г. № 45-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТАТЬИ 151 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА С.Ф. ШИЛОВСКОГО¹**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

с участием заявителя – гражданина С.Ф. Шиловского и его представителя – адвоката О.В. Гарькуши, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук И.В. Рукавишниковой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В. Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 151 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.Ф. Шиловского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П. Маврина, объяснения представителей сторон, выступления полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю. Барщевского, а также приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Д.С. Короткова, от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В. Росинского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии со статьей 151 ГК Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его

¹ Источник публикации – информационно-правовая база данных «КонсультантПлюс».

личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (часть первая); при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства; суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (часть вторая).

1.1. Конституционность данной статьи оспаривает гражданин С.Ф. Шиловский, признанный потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданина И. по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 159 УК Российской Федерации (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину).

В марте 2017 года И., работавший в должности санитара районного отделения Бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Краснодарского края, из корыстных побуждений, имея преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, принадлежащих С.Ф. Шиловскому, путем обмана получил от него 6 000 рублей под предлогом оплаты услуги, связанной с подготовкой тела к погребению, оказываемой моргом якобы в обязательном порядке за наличные денежные средства. До момента передачи ему денег И. отказывался выдать С.Ф. Шиловскому тело его покойной матери в день похорон. Своими противоправными действиями И. причинил заявителю значительный материальный ущерб.

Постановлением Тимашевского районного суда Краснодарского края от 16 мая 2019 года предъявленный к И. в рамках уголовного дела гражданский иск С.Ф. Шиловского о взыскании компенсации морального вреда, причиненного преступлением, оставлен без рассмотрения с разъяснением заявителю права на обращение в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства. Одновременно этим постановлением уголовное дело в отношении И. прекращено в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 31 июля 2019 года названное постановление изменено: из его резолютивной части исключено указание на оставление без рассмотрения гражданского иска С.Ф. Шиловского к И. о взыскании компенсации морального вреда с разъяснением заявителю его права на обращение в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства.

Решением Тимашевского районного суда Краснодарского края от 25 сентября 2019 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 17 декабря 2019 года, С.Ф. Шиловскому отказано в удовлетворении предъявленного к И. требования о взыскании компенсации морального вреда, причиненного совершенным И. преступлением. Определением судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 года названные судебные постановления оставлены без изменения.

При этом суды первой и апелляционной инстанций указали, что преступление, предусмотренное частью второй статьи 159 УК Российской Федерации, относится к преступлениям против собственности, а потому затрагивает только имущественные права потерпевшего. В силу же пункта 2 статьи 1099 ГК Российской Федерации моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации лишь в случаях, предусмотренных законом, в то время как российское законодательство не содержит, по мнению судов, указания на возможность компенсации морального вреда, причиненного преступлением против собственности.

Доводы заявителя о том, что в связи с совершенным в отношении него преступлением он был госпитализирован и находился на стационарном лечении, а из-за необходимости

участия в следственных действиях и судебных заседаниях по уголовному делу испытывал моральное и психическое расстройство, не были приняты во внимание судами, которые, сославшись на факт отнесения совершенного в отношении С.Ф. Шиловского деяния к преступлениям против собственности, констатировали отсутствие нарушения действиями И. личных неимущественных прав заявителя, равно как и отсутствие посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

В передаче кассационной жалобы С.Ф. Шиловского для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отказано (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 года).

Как следует из доводов С.Ф. Шиловского, изложенных в его жалобе и воспроизведенных им и его представителем в ходе заседания по настоящему делу, заявитель на момент совершения в отношении него преступления, предусмотренного частью второй статьи 159 УК Российской Федерации, заведомо для И. находился в тяжелой жизненной ситуации, вызванной утратой матери как наиболее близкого ему человека. Желая отдать ей заслуженную дань уважения и достойно проводить ее в последний путь, С.Ф. Шиловский вследствие преступных действий И. был вынужден не только понести дополнительные и значительные для него материальные затраты, но и претерпеть сильные эмоциональные переживания от создания И. препятствий проведению похорон матери в установленное ранее время. В результате по сути кощунственных действий И., противоречащих не только правовым, но и принятым в обществе моральным нормам и выразившихся в крайне циничном, пренебрежительном отношении как к достоинству самого заявителя, так и к памяти близкого ему человека, С.Ф. Шиловскому были причинены физические и нравственные страдания (моральный вред).

Исходя из этого заявитель полагает, что статья 151 ГК Российской Федерации не соответствует статьям 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, – лишает граждан, потерпевших от преступлений против собственности, права на компенсацию морального вреда, причиненного такого рода преступлениями.

1.2. В силу статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. При этом Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой (часть вторая статьи 74 данного Федерального конституционного закона).

Как следует из представленных С.Ф. Шиловским судебных постановлений, вопрос об определении размера компенсации морального вреда, причиненного совершенным в отношении него преступлением, – притом что суды не признали за ним само право на такого рода компенсацию – в его конкретном деле не рассматривался, а потому и часть вторая статьи 151 ГК Российской Федерации в деле заявителя судами непосредственно не применялась. Следовательно, в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации в той мере, в какой она – по своему буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием, – служит в системе действующего правового регулирования основанием для решения вопроса о праве на компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности.

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанность государства. Основу прав и свобод человека и гражданина, действующих непосредственно, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваемых правосудием, составляет достоинство личности, которое одновременно выступает и в качестве необходимого условия существования и соблюдения этих прав и свобод. Достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1).

Право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немыслимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний, а также требований международных правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению, тем более в случаях, когда речь идет о защите человека от преступных посягательств на его права, свободы и саму личность (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2; статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации; преамбула, статьи 1 и 5 Всеобщей декларации прав человека; преамбула, статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Конституция Российской Федерации гарантирует охрану законом прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью и обязывает государство обеспечить им доступ к правосудию, компенсацию причиненного им ущерба, государственную и судебную защиту их прав и свобод и тем самым – защиту достоинства личности (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 56, часть 3).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что применительно к достоинству личности потерпевшего от преступления приведенные конституционные предписания предполагают обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы, а также защищать собственное достоинство любыми не запрещенными законом способами. Иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (Постановление от 24 апреля 2003 года № 7-П; Определение от 18 января 2005 года № 131-О и др.).

Исходя из этого государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами правового государства, верховенства права и справедливости, обязано способствовать максимально возможному возмещению потерпевшему от преступления причиненного ему вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

Такая обязанность государства в полной мере соответствует и Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), гарантирующей лицам, которым был причинен вред (включая телесные повреждения, моральный и материальный ущерб, эмоциональные страдания, существенное ущемление их основных прав и пр.) в результате действия или бездействия, нарушающего уголовный закон, в равной степени охрану

их прав законом, а также обеспечение доступа к правосудию и компенсацию причиненного вреда и в то же время предписывающей, что обеспечение потерпевшему доступа к правосудию должно сочетаться со справедливым обращением и признанием его достоинства (пункты 1 и 4) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и от 8 апреля 2021 года № 11-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 года № 1927-О, от 29 сентября 2020 года № 2032-О и др.).

3. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом (статья 8). При этом общественно опасные последствия совершенного преступления – в зависимости от конструкции его состава (материального либо формального) – могут входить или не входить в число признаков, обязательных для его признания окончанным (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 7-П).

В то же время даже включение законодателем вреда определенного вида (например, имущественного) в качестве обязательного признака состава преступления не означает, что данное деяние не способно повлечь иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), которые формально остаются за пределами законодательной конструкции состава преступления.

Так, применительно к преступлениям против собственности Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что причинение в результате такого рода преступления конкретного материального ущерба не исключает выяснения того, нарушены ли содеянным иные, помимо экономически значимых, права и интересы, охраняемые законом. Соответственно, при оценке последствий подобного преступления – за пределами стоимости утраченного имущества – могут учитываться и признаваться существенными такие обстоятельства, как эстетическое, фамильное, социально-статусное значение вещей и имущественных прав, использование потерпевшим этого имущества в качестве единственно возможного в конкретной жизненной ситуации способа удовлетворить потребность в жилище и др. (Постановление от 24 мая 2021 года № 21-П).

Указанное обстоятельство, в свою очередь, не исключает возможность возникновения в рамках реализации потерпевшим от преступления конституционного права на компенсацию причиненного ущерба (статья 52 Конституции Российской Федерации) и гражданско-правовых деликтных обязательств, связанных с возмещением морального вреда, в том числе в случаях, когда непосредственным объектом преступного посягательства выступают имущественные права потерпевшего, однако при этом преступление нарушает и его личные неимущественные права либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага.

4. Любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на достоинство личности – конституционно защищаемое и принадлежащее каждому нематериальное благо, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П и от 2 июля 2013 года № 16-П).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации к числу основных прав и свобод человека и гражданина относится и право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2). С учетом этого любое преступление против собственности (обладая – как и всякое преступление – наибольшей степенью общественной опасности по сравнению с гражданскими или административными правонарушениями, посягающими на имущественные права) не только существенно умаляет указанное конституционное право, но и фактически всегда посягает на достоинство личности. В то же время – при определенных

обстоятельствах – оно может причинять потерпевшему от преступления как физические, так и нравственные страдания (моральный вред).

Вместе с тем сам факт причинения потерпевшему от преступления против собственности физических или нравственных страданий не является во всех случаях безусловным и очевидным. К тому же характер и степень такого рода страданий могут различаться в зависимости от вида, условий и сопутствующих обстоятельств совершения самого деяния, а также от состояния физического и психического здоровья потерпевшего, уровня его материальной обеспеченности, качественных характеристик имущества, ставшего предметом преступления, его ценности и значимости для потерпевшего и т.д.

В этом смысле реализация потерпевшим от преступления против собственности конституционного права на компенсацию причиненного ущерба может включать в себя и нейтрализацию посредством возмещения морального вреда понесенных потерпевшим физических или нравственных страданий, но лишь при условии, что таковые реально были причинены лицу преступным посягательством не только на его имущественные права, но и на принадлежащие ему личные неимущественные права или нематериальные блага, среди важнейших из которых – достоинство личности.

5. Гарантируя охрану законом прав лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им ущерба. Решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя, который, в свою очередь, вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, – как в рамках уголовного судопроизводства (посредством гражданского иска в уголовном деле), так и путем искового производства по гражданскому делу с помощью гражданско-правовых инструментов возмещения вреда. Однако конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 года № 14-П, от 11 ноября 2014 года № 28-П и др.).

Осуществляя в рамках дискреционных полномочий регулирование отношений, связанных с реализацией конституционных гарантий прав лиц, потерпевших от преступлений, на доступ к правосудию и на компенсацию причиненного им ущерба, федеральный законодатель, действующий на основании статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, исходил из того, что для защиты прав и законных интересов указанных лиц в первую очередь предназначено уголовное судопроизводство (пункт 1 части первой статьи 6 УПК Российской Федерации). Именно поэтому основным средством судебной защиты прав потерпевшего является рассмотрение в рамках уголовного судопроизводства предъявленного им гражданского иска в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя процессуальный статус потерпевшего и признавая таковым, в частности, физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, наделил потерпевшего правами стороны в уголовном судопроизводстве (пункт 47 статьи 5, часть первая статьи 42).

По смыслу части первой статьи 42 УПК Российской Федерации статус лица в качестве потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им. Это связано с тем, что обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав (опре-

деления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О и др.).

Признание лица потерпевшим от преступления против собственности предполагает, что такого рода преступление, нарушая в первую очередь имущественные права потерпевшего, одновременно посягает и на такое важнейшее нематериальное благо, как достоинство личности, а также может посягать и на иные нематериальные блага либо нарушать личные неимущественные права и тем самым – при определенных обстоятельствах – может породить у этого лица физические или нравственные страдания. Их причинение потерпевшему должно влечь – наряду с возмещением причиненного ему в результате преступления имущественного ущерба – и возникновение у него права на компенсацию морального вреда в рамках предусмотренных законом процедур.

Исходя из этого Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусмотрел право физического лица предъявить в уголовном деле гражданский иск, содержащий требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен этому лицу непосредственно преступлением, а кроме того, и право предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, что, в свою очередь, влечет за собой признание потерпевшего гражданским истцом (часть первая статьи 44).

При этом названный Кодекс установил, что по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (часть четвертая статьи 42), тем самым прямо допуская возможность предъявления потерпевшим отдельного иска о компенсации морального вреда, причиненного ему преступлением, в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

6. Институт компенсации морального вреда в российской правовой системе имеет межотраслевой характер. Между тем основные правовые нормы, регулирующие отношения, связанные с компенсацией морального вреда, содержатся в гражданском законодательстве.

В частности, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав (статья 12), что – в свете предписаний статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации – позволяет рассматривать ее как гарантированную государством меру, направленную на восстановление нарушенных прав и возмещение нематериального ущерба, причиненного вследствие их нарушения.

Общий принцип компенсации морального вреда (в том числе потерпевшему от преступления) закреплен в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации, согласно которой, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

6.1. Закрепляя в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации общий принцип компенсации морального вреда, причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, законодатель не установил каких-либо ограничений в отношении действий, которые могут рассматриваться как основание для такой компенсации.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что компенсация морального вреда как самостоятельный способ защиты гражданских прав, будучи одновременно и мерой гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений – публично- или частноправовой – причиняется такой вред, не исключает возможности возложения судом на правонарушителя обязанности денежной компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), ущемляющими в том числе имущественные права гражданина, – в тех случаях и в тех пределах, в каких использование такого способа защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (Постановление от 8 июня 2015 года № 14-П; определения от 16 октября 2001 года № 252-О, от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 4 июня 2009 года № 1005-О-О, от 24 января 2013 года № 125-О, от 27 октября 2015 года № 2506-О и др.).

Соответственно, действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания были причинены в результате преступления, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 года № 1171-О, от 11 октября 2016 года № 2164-О и от 24 декабря 2020 года № 3039-О).

6.2. Сходную правовую позицию сформулировал и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», в частности, указал, что по общему правилу гражданский иск о компенсации морального вреда может быть предъявлен по уголовному делу в тех случаях, когда такой вред причинен потерпевшему преступными действиями, нарушающими его личные неимущественные права (например, права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, авторские и смежные права) либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности и др.). В то же время исходя из положений части первой статьи 44 УПК Российской Федерации и статей 151 и 1099 ГК Российской Федерации в их взаимосвязи гражданский иск о компенсации морального вреда подлежит рассмотрению судами и в тех случаях, когда в результате преступления, посягающего на чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия) (пункт 13).

Тем самым Верховный Суд Российской Федерации хотя не исключил в принципиальном плане возможность компенсации морального вреда, причиненного преступлением, нарушающим имущественные права потерпевшего, но фактически адресовал ее применение лишь к случаям, которые фигурировали в качестве примеров и в которых само по себе преступное деяние непосредственно затрагивает и личные неимущественные права либо нематериальные блага (в частности, личную неприкосновенность при разбое, неприкосновенность жилища при краже с незаконным проникновением в него, персональные данные при мошенничестве с их использованием).

Такая возможность – применительно к гражданам, потерпевшим от отдельных преступлений, которыми нарушались их имущественные права, – признавалась Верховным Судом Российской Федерации и ранее, в частности когда он пришел к выводу о том, что владелец

переносного персонального компьютера вправе защищать личные неимущественные права, нарушенные вследствие неправомерного доступа к размещенной на нем информации, путем требования компенсации морального вреда (пункт 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 года). Однако и в указанном случае возможность компенсации морального вреда признана лишь применительно к потерпевшему от конкретного преступления, и при этом акцент сделан именно на статусе информации, хранившейся в ноутбуке и составляющей личную тайну.

Между тем часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации, предусматривая возможность взыскания в судебном порядке денежной компенсации морального вреда (физических или нравственных страданий), причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, как таковая не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина любого преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет лицу физические или нравственные страдания.

В этом смысле названное законоположение, будучи направленным на защиту прав граждан, само по себе не может рассматриваться как не согласующееся с конституционными предписаниями.

7. Установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и обоснования размера денежной компенсации.

В то же время обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении физических или нравственных страданий потерпевшему от преступления против собственности, которое явным образом нарушает его личные неимущественные права либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (например, при совершении преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в тяжелой жизненной ситуации, обусловленной, в частности, утратой близкого человека). В таком случае факт причинения морального вреда потерпевшему от указанного преступления не может быть сам по себе поставлен под сомнение судом, что, в свою очередь, не может им не учитываться в ходе оценки представленных доказательств в их совокупности.

Иной же подход к решению вопроса о компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему от преступления против собственности, не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности потерпевших от преступлений, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь – самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав потерпевших от преступлений, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со статьями 2, 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем федеральный законодатель, осуществляя дискреционные полномочия, не лишен возможности внести – в порядке совершенствования действующего законодательства и на основе конституционных предписаний и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, высказанных в настоящем Постановлении, – необходимые изменения в правовое регулирование отношений по возмещению морального вреда гражд-

данам, потерпевшим от преступлений против собственности, в части распределения бремени доказывания факта причинения таким лицам морального вреда, с тем чтобы повысить действенность конституционных гарантий реализации прав потерпевших от преступлений и обеспечить максимальную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

8. По смыслу части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» во взаимосвязи с его статьями 96 и 97, если при проверке по жалобе гражданина конституционности оспариваемого им акта в порядке конкретного нормоконтроля Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что права и свободы заявителя в конкретном деле нарушены законоположениями, которым судебным толкованием придан смысл, противоречащий конституционным гарантиям этих прав и свобод, такие законоположения (применительно к конкретной ситуации) не могут быть признаны соответствующими Конституции Российской Федерации.

Как следует из судебных решений, вынесенных в отношении С.Ф. Шиловского, при рассмотрении его дела часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации применена судами во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 того же Кодекса и истолкована как не предполагающая компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния в качестве посягающего на имущественные права. При этом судами не была дана оценка фактическим обстоятельствам дела с точки зрения установления самого факта причинения потерпевшему от указанного преступления физических или нравственных страданий.

Подобное толкование части первой статьи 151 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 2 его статьи 1099 без исследования по существу вопроса о том, был ли причинен заявителю в результате совершенного в отношении него преступления против собственности моральный вред (физические или нравственные страдания), расходится с действительными целями, которым должен был следовать федеральный законодатель при осуществлении в соответствии с конституционными предписаниями правового регулирования отношений в сфере защиты нематериальных благ, в том числе посредством такого способа защиты, как компенсация морального вреда (статья 12 и глава 8 «Нематериальные блага и их защита» ГК Российской Федерации). К числу указанных целей относится в первую очередь обеспечение права любого гражданина на возмещение морального вреда, причиненного ему действиями (бездействием), нарушающими его личные нематериальные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, в частности когда такое нарушение либо посягательство является неотъемлемым последствием деяния, направленного против имущественных прав гражданина и юридически оцениваемого (квалифицируемого) как преступление против собственности.

С учетом этого часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации не согласуется с требованиями статей 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных нематериальных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, и тем самым приводит к несоразмерному ограничению права потерпевшего на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, к нарушению конституционных гарантий охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть первую статьи 151 ГК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку она сама по себе не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания.

2. Признать часть первую статьи 151 ГК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3), в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Шиловского Сергея Федоровича на основании части первой статьи 151 ГК Российской Федерации в той мере, в какой она признана настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части второй статьи 151 ГК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 28 октября 2021 г. № 32

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ¹

В связи с изменением законодательства, а также возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в редакции постановлений Пленума от 23 декабря 2010 года № 31, от 9 февраля 2012 года № 3, от 17 ноября 2015 года № 51):

1) преамбулу изложить в следующей редакции:

«В связи с вопросами, возникшими у судов при применении законодательства об условно-досрочном освобождении от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:»;

2) в абзаце втором пункта 2 после слов «пунктами «а», «б», «в» части 3» дополнить словами «, частью 3.1»;

3) в пункте 4:

а) первое предложение абзаца первого изложить в следующей редакции:

«4. В соответствии с частями 1 и 4 статьи 80 УК РФ лицу, отбывающему содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, возместившему причиненный преступлением вред (полностью или частично), суд может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания.»;

б) абзац второй дополнить предложениями следующего содержания: «При этом в соответствии с частью 2 статьи 72 УК РФ срок более мягкого вида наказания должен определяться с учетом положений части 1 статьи 71 УК РФ. Например, в случае замены лишения свободы исправительными работами, если неотбытая часть наказания в виде лишения свободы составляет 6 месяцев, то срок исправительных работ не должен превышать 1 год 6 месяцев.»;

¹ Источник публикации – информационно-правовая база данных «КонсультантПлюс».

в) дополнить абзацем третьим следующего содержания:

«Вместе с тем исходя из взаимосвязанных положений частей 2 и 4 статьи 53.1, частей 2 и 3 статьи 80 УК РФ в случае замены лишения свободы принудительными работами неотбытая часть наказания в виде лишения свободы, в том числе сроком более 5 лет, может быть заменена принудительными работами на тот же срок.»;

4) дополнить пунктом 4.1 следующего содержания:

«4.1. По смыслу статьи 80 УК РФ с момента вступления в законную силу постановления суда о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания отбывание назначенного по приговору наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы прекращается, а исполнению подлежит избранный в порядке замены более мягкий вид наказания. Возникающие в процессе исполнения данного наказания вопросы (в том числе предусмотренные статьями 79 и 80 УК РФ) подлежат самостоятельному разрешению в порядке, установленном главой 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

С учетом этого, если осужденному в соответствии с частью 2 статьи 80 УК РФ неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена принудительными работами, то в дальнейшем при наличии оснований, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 80 УК РФ, неотбытая часть наказания в виде принудительных работ может быть заменена еще более мягким видом наказания.

Уголовный закон не содержит запрета и на условно-досрочное освобождение от отбывания принудительных работ, если они были избраны осужденному в соответствии со статьей 80 УК РФ. В этом случае установленные в статье 79 УК РФ сроки, при фактическом отбытии которых возможно условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, исчисляются со дня начала отбывания принудительных работ, избранных осужденному в соответствии со статьей 80 УК РФ, а не наказания, назначенного по приговору суда.»;

5) пункт 16 изложить в следующей редакции:

«16. Судья, установив, что осужденный, его законный представитель, адвокат обратились с ходатайством об условно-досрочном освобождении или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания ранее фактического отбытия осужденным части срока наказания, предусмотренной частями 3, 3.1 и 4 статьи 79, частями 2 и 2.1 статьи 80, статьей 93 УК РФ, выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю. Указанные лица вправе вновь обратиться с ходатайством после отбытия осужденным установленной законом части срока наказания.

Если ходатайство (представление) о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания подано в отношении осужденного, отбывшего часть срока наказания, которая в соответствии с частью 2 статьи 80 УК РФ дает возможность применения только принудительных работ, однако в силу требований части 7 статьи 53.1 УК РФ этот вид наказания не может быть избран указанному лицу (например, инвалиду первой или второй группы), то судья выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю. В случае, когда указанные обстоятельства становятся известными суду в ходе рассмотрения ходатайства по существу, суд выносит постановление о прекращении производства по ходатайству.

Если в отношении осужденного, которому судом было отказано в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части

наказания более мягким видом наказания, в суд повторно поступило такое же ходатайство ранее срока, установленного частью 10 статьи 175 УИК РФ, то судья выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю. При этом указанный в законе шестимесячный срок установлен только для случаев повторной подачи аналогичных ходатайств и должен исчисляться со дня вынесения судом соответствующего постановления об отказе в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Постановление об отказе в принятии ходатайства и о возвращении его заявителю должно выноситься судьей и в случае поступления в суд ранее истечения годового срока, предусмотренного частью 12 статьи 175 УИК РФ, соответствующего ходатайства в отношении лица, которому были отменены условно-досрочное освобождение или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания.»;

б) в пункте 24:

а) в абзаце первом слова «Рассматривая соответствующее ходатайство осужденного, суд оценивает медицинское заключение специальной медицинской комиссии» заменить словами «Рассматривая соответствующее ходатайство осужденного, его законного представителя или адвоката либо представление начальника учреждения или органа, исполняющего наказание, суд оценивает заключение врачебной комиссии медицинской организации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»;

б) дополнить абзацем вторым следующего содержания:

«При рассмотрении ходатайства или представления суду следует учитывать, что положения статьи 81 УК РФ не препятствуют освобождению от наказания по болезни, в том числе если лицо отбыло незначительную часть назначенного ему наказания, либо оно отрицательно характеризуется администрацией исправительного учреждения или не имеет поощрений за время отбывания наказания, либо у него отсутствуют постоянное место жительства или социальные связи.»;

в) абзацы второй и третий считать абзацами третьим и четвертым;

7) пункт 25 изложить в следующей редакции:

«25. Решая при постановлении приговора, на стадии его проверки в апелляционном порядке или при исполнении приговора вопрос о применении отсрочки отбывания наказания к указанным в части 1 статьи 82 УК РФ лицам, суд учитывает характеристику и иные данные о личности, поведение в период отбывания наказания, условия жизни лица и его семьи, сведения о наличии у него жилья и необходимых условий для проживания с ребенком и другие данные. При этом суд должен располагать документом о наличии ребенка либо медицинским заключением о беременности женщины, а также иными документами, необходимыми для разрешения вопроса по существу.».

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в редакции постановлений Пленума от 9 февраля 2012 года № 3, от 2 апреля 2013 года № 6, от 29 ноября 2016 года № 56):

1) абзац второй преамбулы изложить в следующей редакции:

«В связи с возникшими у судов вопросами при применении законодательства, общепризнанных принципов и норм международного права, международных дого-

воров Российской Федерации и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:»;

2) пункт 6 дополнить абзацем четвертым следующего содержания:

«В исключительных случаях, как единственно возможное в конкретных условиях с учетом обстоятельств инкриминируемого деяния и данных о личности, заключение под стражу может быть избрано в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (кроме несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые).»;

3) в пункте 12:

а) абзац второй изложить в следующей редакции:

«Законные представители несовершеннолетнего, достигшего к моменту производства по делу в суде апелляционной инстанции возраста 18 лет, вправе обжаловать судебное решение и принимать участие в заседаниях суда апелляционной инстанции.»;

б) в абзаце третьем слово «второй» заменить словом «апелляционной»;

4) пункт 16 изложить в следующей редакции:

«16. При решении вопроса об уголовной ответственности несовершеннолетних и о назначении им наказания судам следует руководствоваться уголовным законом об особенностях их уголовной ответственности и учитывать положения соответствующих международных норм.

В связи с этим в каждом случае подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений статей 75–78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести) и статей 24–28.1 УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности.

В частности, по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним впервые, в ходе судебного разбирательства суду необходимо выяснять у потерпевшего, заглажен ли причиненный ему вред и не желает ли он примириться с подсудимым, а также разъяснять потерпевшему, несовершеннолетнему подсудимому и его законному представителю право и порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

Следует также учитывать сокращенные сроки давности и сроки погашения судимости, предусмотренные статьями 94, 95 УК РФ.»;

5) дополнить пунктом 16.2 следующего содержания:

«16.2. В случае поступления в суд ходатайства следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судья при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении несовершеннолетнего подозрение или предъявленное несовершеннолетнему обвинение обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные данные, подтверждающие возмещение ущерба или заглаживание иным образом причиненного преступлением вреда,

а также другие необходимые сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в соответствии с пунктом 1 части 5 статьи 446.2 УПК РФ.

Судебный штраф, назначенный несовершеннолетнему, может быть уплачен также его родителями, усыновителями или иными законными представителями с их согласия.»;

б) в абзаце втором пункта 23 слова «общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального образования» заменить словами «общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования»;

7) в пункте 29:

а) в абзаце первом слова «судам надлежит обсуждать» заменить словами «суд должен обсудить»;

б) второе предложение абзаца второго изложить в следующей редакции: «Возложение на несовершеннолетнего обязанности возвратиться в образовательную организацию для продолжения обучения возможно только при наличии положительного заключения об этом психолого-медико-педагогической комиссии, созданной органом, осуществляющим управление в сфере образования.»;

в) в абзаце третьем слова «Принимая решение» заменить словами «При принятии решения»;

8) пункт 31 изложить в следующей редакции:

«31. Если суд по находящемуся в его производстве уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, придет к выводу о том, что отсутствуют основания для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с положениями статей 75–78 УК РФ, но при этом его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных частью 2 статьи 90 УК РФ, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со статьей 90 УК РФ.

Такое решение может быть принято судом как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного слушания (часть 3 статьи 427 УПК РФ), так и по итогам судебного разбирательства (часть 1 статьи 431 УПК РФ).

Суду необходимо разъяснить несовершеннолетнему, а также его законному представителю положения части 4 статьи 90 УК РФ о том, что в случае систематического неисполнения этой принудительной меры воспитательного воздействия она подлежит отмене с направлением материалов дела в установленном порядке для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности, что следует отразить в протоколе судебного заседания.»;

9) абзац второй пункта 35 изложить в следующей редакции:

«Если несовершеннолетний за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления осужден к лишению свободы, суд вправе на основании части 2 статьи 92 УК РФ освободить его, за исключением лиц, перечисленных в части 5 статьи 92 УК РФ, от отбывания назначенного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.»;

10) в абзаце первом пункта 36 слова «органа управления образованием» исключить;

11) в пункте 37 слово «специализированное» заменить словом «специальное»;

12) абзац первый пункта 38 изложить в следующей редакции:

«38. При установлении систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия суд вправе по ходатайству специализированного государственного органа отменить постановление о применении такой меры, назначенной в порядке части 3 статьи 427 или части 1 статьи 431 УПК РФ, и направить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего на новое судебное рассмотрение. В том случае, когда мера воспитательного воздействия назначена несовершеннолетнему в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 427 УПК РФ, то есть при наличии постановления о прекращении уголовного дела, вынесенного следователем или дознавателем, суд, отменяя такое постановление, направляет дело руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для выполнения следователем (дознавателем) действий, связанных с окончанием его расследования и необходимостью составления обвинительного заключения (обвинительного акта). Указанные решения принимаются судом в порядке, предусмотренном статьей 399 УПК РФ.».

3. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в редакции постановлений Пленума от 3 ноября 2016 года № 41, от 20 сентября 2018 года № 32):

1) абзац восьмой преамбулы изложить в следующей редакции:

«В целях обеспечения единства судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:»;

2) абзац второй пункта 2.1 изложить в следующей редакции:

«Обратить внимание судов, что с учетом содержания диспозиций статей 280, 280.1, 282 УК РФ к таким данным относится, например, не только сам факт размещения в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети текста, изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки призывов к осуществлению экстремистской деятельности или действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, в том числе на направленность умысла, мотив совершения соответствующих действий.»;

3) пункт 6.2 изложить в следующей редакции:

«6.2. Ответственность по статье 280.1 УК РФ наступает при условии, если публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершены лицом в течение одного года после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние по части 1 или 2 статьи 20.3.2 КоАП РФ.

Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья 280.1 УК РФ), следует отличать от подстрекательства к преступлениям, посягающим на territori-

альную целостность государства (например, от подстрекательства определенного лица к отчуждению части территории Российской Федерации или иным действиям, предусмотренным статьей 280.2 УК РФ). Публичные призывы, предусмотренные статьей 280.1 УК РФ, не должны быть направлены на склонение определенных лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний.

Публичные призывы к вооруженному мятежу в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, нарушения территориальной целостности Российской Федерации, а равно к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти в нарушение Конституции Российской Федерации, к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, в том числе целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, квалифицируются по статье 205.2 УК РФ.;

4) в пункте 7:

а) абзац первый изложить в следующей редакции:

«7. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по статье 282 УК РФ только в том случае, если они совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц).»;

б) в абзаце втором после слов «какой-либо нации, расы,» дополнить словами «социальной группы.»;

в) абзац четвертый дополнить предложениями следующего содержания: «При этом ответственность по части 1 статьи 282 УК РФ наступает при условии, если действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства, совершены лицом в течение одного года после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние по статье 20.3.1 КоАП РФ. В случае совершения данных действий с применением насилия или с угрозой его применения, а равно лицом с использованием своего служебного положения либо организованной группой ответственность по части 2 статьи 282 УК РФ наступает независимо от того, привлекалось ли ранее виновное лицо к ответственности по статье 20.3.1 КоАП РФ.»;

5) пункт 8 изложить в следующей редакции:

«8. Преступления, предусмотренные статьями 280, 280.1, 282 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом и с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Размещение лицом в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользова-

телей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по статье 280, статье 280.1 или статье 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо цель возбудить ненависть или вражду, унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

При решении вопроса о наличии или об отсутствии у лица прямого умысла и намерения побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать в том числе форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в частности, о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и расширение пользовательской аудитории, данные о его личности (например, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений.

Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным статьями 280, 280.1 или 282 УК РФ, либо административным правонарушением (статья 20.29 КоАП РФ), должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы.

В случае, когда лицо распространяет экстремистские материалы, включенные в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности или действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо с целью возбудить ненависть либо вражду, унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, то содеянное при наличии необходимых условий должно влечь уголовную ответственность по статьям 280, 280.1 или 282 УК РФ.

Не является преступлением, предусмотренным статьями 280, 280.1 или 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты меж-

национальных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не связанных с реализацией намерения побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности или действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо с преследованием цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.»;

б) дополнить пунктом 8.2 следующего содержания:

«8.2. Обратить внимание судов на то, что фактические обстоятельства, послужившие основанием для привлечения лица к административной ответственности по статье 20.3.1 либо по части 1 или 2 статьи 20.3.2 КоАП РФ, сами по себе не определяют выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного статьей 280.1 или частью 1 статьи 282 УК РФ, поскольку такая виновность устанавливается судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дела об административном правонарушении.

По смыслу уголовного закона совершение лицом публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, или совершение им действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства, после привлечения данного лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года квалифицируется по статье 280.1 или части 1 статьи 282 УК РФ при условии, что на момент выполнения указанных действий виновный являлся лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение соответствующего аналогичного деяния. С учетом того, что в силу статьи 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания за такое административное правонарушение до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления либо со дня уплаты административного штрафа, уплаченного до дня вступления в законную силу постановления о назначении данного вида административного наказания, при рассмотрении уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 280.1 УК РФ или частью 1 статьи 282 УК РФ, суду необходимо проверять:

вступило ли в законную силу постановление о назначении административного наказания по статье 20.3.1 либо по части 1 или 2 статьи 20.3.2 КоАП РФ на момент совершения противоправных действий, указанных в диспозиции статьи 280.1 УК РФ или части 1 статьи 282 УК РФ;

исполнено ли это постановление, не прекращалось ли его исполнение;

не истек ли годичный срок со дня окончания исполнения данного постановления, а в случаях, когда лицо заплатило административный штраф до дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания, – со дня уплаты административного штрафа;

не пересматривались ли постановление о назначении лицу административного наказания и последующие постановления, связанные с его исполнением, в порядке, предусмотренном главой 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Если указанные обстоятельства препятствуют постановлению приговора или иного итогового решения, то суд возвращает уголовное дело прокурору.

Аналогичным образом следует поступать и в случае рассмотрения уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 280.1 или частью 1 статьи 282 УК РФ, в особом порядке судебного разбирательства (глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). В частности, в соответствии с частью 7 статьи 316 УПК РФ решение о рассмотрении уголовного дела о таком преступлении в особом порядке принимается только при условии, что обвинение, с которым согласился обвиняемый, является обоснованным, подтверждается собранными по уголовному делу доказательствами.»;

7) в пункте 9:

а) в абзаце первом слова «насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, является» заменить словами «насилие, применяемое при совершении преступления, или угроза применения насилия, предусмотренные пунктом «а» части 2 статьи 282 УК РФ, являются»;

б) дополнить абзацами пятым и шестым следующего содержания:

«Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, сопряженное с истязанием, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 282 УК РФ и пунктом «з» части 2 статьи 117 УК РФ.

Под угрозой применения насилия при совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 282 УК РФ, понимаются высказывания или иные действия, выражающие намерение виновного применить к потерпевшему любое физическое насилие, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства, совершенные публично, с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, охватываются пунктом «а» части 2 статьи 282 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 119 УК РФ не требуют.»;

8) пункт 15.1 дополнить абзацами третьим и четвертым следующего содержания:

«Вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации, совершенное организатором (руководителем) таких сообщества или организации, охватывается частью 1 статьи 282.1 или частью 1 статьи 282.2 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по части 1.1 статьи 282.1 или части 1.1 статьи 282.2 УК РФ.

Если вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации совершено иным участником таких сообщества или организации, то его действия квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 282.1 УК РФ или частью 2 статьи 282.2 УК РФ и частью 1.1 статьи 282.1 или частью 1.1 статьи 282.2 УК РФ.»;

9) пункт 20 изложить в следующей редакции:

«20. Под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято и вступило в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (часть 1 статьи 282.2 УК РФ), следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (напри-

мер, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Под участием в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 УК РФ) понимается совершение лицом умышленных действий, непосредственно относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.).

При рассмотрении уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 282.2 УК РФ, суду следует устанавливать, какие конкретные действия совершены виновным лицом, каково их значение для продолжения или возобновления деятельности организации, в отношении которой судом принято и вступило в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремизма, а также какими мотивами руководствовалось лицо при совершении данных действий.

В случае принятия судом и вступления в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности последующие действия лиц, не связанные с продолжением или возобновлением деятельности соответствующей экстремистской организации и состоящие исключительно в реализации своего права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе посредством индивидуального или совместного исповедования религии, совершения богослужений или иных религиозных обрядов и церемоний, сами по себе, если они не содержат признаков экстремизма, не образуют состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282.2 УК РФ.

При совершении организатором (руководителем) или участником экстремистской организации конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1, 2 или 3 статьи 282.2 УК РФ и соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации (например, частью 1 или 2 статьи 282.3 УК РФ об ответственности за финансирование экстремистской деятельности).».

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021)

(извлечения)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

2. Отсутствие высшего юридического образования у адвоката, чей статус предполагает наличие такого образования как необходимого условия для занятия адвокатской деятельностью, является основанием для признания соглашения об оказании им юридической помощи недействительным.

К. обратилась в суд с иском к Е. о признании недействительным соглашения об оказании юридической помощи и применении последствий его недействительности.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 13 мая 2014 г. К. заключила с Е., адвокатом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (далее – адвокатская палата), соглашение об оказании юридической помощи на стадии предварительного следствия в отношении своего отца С., оплатив предусмотренные договором услуги адвоката.

На протяжении нескольких месяцев адвокат Е. принимала участие в следственных действиях в отношении С. при расследовании его уголовного дела. В ноябре 2014 года С. отказался от помощи Е., ссылаясь на то, что она действует не в его интересах, а также подал на нее жалобу в адвокатскую палату.

25 марта 2015 г. в связи с жалобой другого гражданина решением совета адвокатской палаты статус адвоката Е. прекращен за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатской этики.

В обоснование иска К. ссылаясь на то, что Е. не имела высшего юридического образования, необходимого для оказания юридической помощи по уголовному делу, о чем К. не знала и не могла знать, иначе бы не заключила с ответчиком соглашение о юридической помощи.

Согласно имеющемуся в материалах дела письму вуза диплом о высшем юридическом образовании Е. не выдавался.

Принимая решение об отказе в удовлетворении иска, суд первой инстанции указал, что в период заключения между сторонами названного выше соглашения об оказании юридической помощи ответчик обладала статусом адвоката, то есть осуществляла адвокатскую деятельность на законных основаниях, ответчик все обязательства по соглашению исполняла, как адвокат представляла интересы С. при расследовании уголовного дела, возбужденного в отношении его. Также суд указал на то, что основанием для прекращения статуса адвоката у ответчика явилось не отсутствие у нее высшего юридического образования, а иные основания.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые апелляционное и кассационное определения вынесенными с существенным нарушением норм права, указав в том числе следующее.

В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что, если стороне переговоров ее контрагентом представлена неполная или недостоверная информация либо контрагент умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до ее сведения, и сторонами был заключен договор, эта сторона вправе потребовать признания сделки недействительной и возмещения вызванных такой недействительностью убытков (ст. 178 или 179 ГК РФ).

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном данным кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлено, что адвокатом является лицо, получившее в установленном данным федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Согласно ст. 9 этого закона статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные данным федеральным законом (п. 1).

Таким образом, наличие высшего юридического образования является необходимым и существенным условием адвокатской деятельности, а, следовательно, наличие статуса адвоката предполагает, что такое условие соблюдено, в то же время выявившееся заблуждение относительно этого условия является существенным по смыслу ст. 167 ГК РФ.

Исходя из установленных по делу обстоятельств вопрос о наличии или об отсутствии у ответчика высшего юридического образования, являющегося необходимым для оказания услуг защитника по уголовному делу, имел существенное значение для разрешения данного спора.

Между тем суд в нарушение положений ч. 2 ст. 56 ГПК РФ данное обстоятельство не определил в качестве имеющего значение для дела, что привело к неправильному разрешению спора.

Посчитав представленное истцом письмо вуза недостаточным для установления указанного выше обстоятельства, суд в нарушение положений ст. 12 и ч. 1 ст. 57

ГПК РФ не предложил истцу представить какие-либо доступные ему дополнительные доказательства и не оказал какого-либо содействия в получении доказательств, подтверждающих образование ответчика, которые истцом самостоятельно не могли быть получены.

Названные нарушения судом апелляционной инстанции устранены не были.

Доводы судебных инстанций о злоупотреблении истцом правом в силу позднего обращения в суд нельзя признать правильными, поскольку судами не указаны обстоятельства, в силу которых истец должна была узнать об отсутствии у адвоката высшего юридического образования, если это имело место быть, ранее названного выше срока, а также не обоснован вывод о том, что обращение в суд в пределах установленного законом срока исковой давности можно признать злоупотреблением правом.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 5-КГ20-160-К2

Процессуальные вопросы

54. Оказание адвокатом юридической помощи лицу, чьи интересы противоречат интересам другого лица, которому он также оказывал юридическую помощь по этому делу, является обстоятельством, исключающим участие адвоката в деле в качестве защитника.

Ч. признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств в значительном размере, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных средств платежа (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору (три эпизода), а также в незаконном сбыте наркотических средств в крупном размере, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных средств платежа (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору (десять эпизодов).

По приговору Асбестовского городского суда Свердловской области от 22 августа 2019 г. (с учетом решений судов апелляционной и кассационной инстанций) Ч. осужден по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 2281 УК РФ (за совершение трех преступлений), п. «г» ч. 4 ст. 2281 УК РФ (за совершение десяти преступлений).

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного Ч. просил об отмене состоявшихся судебных решений ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона. Обращал внимание на нарушение права осужденного Ч. на защиту, выразившееся в том, что адвокат Х. на предварительном следствии осуществляла защиту как осужденного Ч., так и свидетеля О., являвшегося подозреваемым, между интересами которых имелись противоречия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 28 июля 2021 г. отменила приговор и все последующие судебные решения, а уголовное дело возвратила прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона, препятствующих постановлению приговора, указав следующее.

Как усматривается из материалов дела, в ходе предварительного следствия защиту интересов Ч. осуществляла адвокат Х., действовавшая на основании соглашения, этот же адвокат представляла интересы Ч. в судебном заседании суда первой инстанции.

Вместе с тем в ходе предварительного расследования адвокат Х. осуществляла также защиту О. при допросе его в качестве подозреваемого и при проверке показаний подозреваемого О. на месте.

При этом, как следует из приговора, показания свидетеля О., данные им в ходе предварительного следствия, в том числе при проверке его показаний на месте, приведены в качестве доказательств совершения преступления, в котором признан виновным осужденный Ч. по факту незаконного сбыта им 4 ноября 2017 г. наркотических средств. То есть свидетель О. выступал на стороне обвинения и фактически изобличал Ч. в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 2281 УК РФ.

На основании ч. 6 ст. 49 УПК РФ одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник подлежит отводу, если оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им лица. По смыслу закона указанные обстоятельства являются основанием отвода защитника независимо от того, в чем выражалась эта помощь и оказывалась она по тому же или иному делу.

В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» при наличии любого из обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства. Если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изобличение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При указанных обстоятельствах в силу прямого запрета закона адвокат Х. не могла осуществлять защиту Ч., после того как приняла на себя обязанности по защите О., интересы которых противоречили друг другу.

Между тем данные обстоятельства, свидетельствующие о нарушении права осужденного Ч. на защиту, не были приняты во внимание судами первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Изложенные выше нарушения требований закона являются существенными, повлиявшими на исход дела, препятствовали составлению обвинительного заключения на основании доказательств, полученных при участии адвоката Х. в период осуществления ею защиты Ч., а составленное по результатам предварительного следствия, проведенного с указанным нарушением закона, обвинительное заключение препятствовало постановлению приговора.

Определение N 45-УД21-23-К7

Мнение эксперта

Г.М. Резник
Вице-президент ФПА РФ,
первый вице-президент АП г. Москвы

ДРУЖБА НЕПОКОЛЕБИМА, ИСТИНА – НЕ ПОМЕХА¹

Возбудить – не значит привлечь

В сентябре с.г. на сайте ФПА РФ была размещена моя статья «Не допускать двойной ответственности», которая вызвала оживленную дискуссию. Наиболее весомо в ней прозвучала публикация первого вице-президента ФПА РФ, президента АП г. Санкт-Петербурга Е.В. Семеняко «Мне Генри друг, но истина дороже». Переключка заголовков, конечно, не может не восприниматься, как продолжение полемики. Но повод для нынешней статьи – вовсе не желание доспорить. Неоднозначные вопросы между друзьями и единомышленниками можно успешно обсудить в личных контактах. Повод иной – новое представление Московского горюста – и на этот раз более суровое – о прекращении статуса адвоката С., привлеченного к административной ответственности за участие в несогласованном митинге. Кроме того, со мной связывались два руководителя региональных адвокатских палат, интересуясь, имеют ли право вице-президенты АП вносить представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов, признанных виновными в административном правонарушении. Посчитал, что проблема в силу ее практической значимости требует дополнительного, более обстоятельного рассмотрения.

Универсальный принцип юридической ответственности

К моменту поступления в АП г. Москвы представлений Главного управления Министерства юстиции по г. Москве о возбуждении дисциплинарных производств в отношении адвокатов, привлеченных к административной ответственности за административные правонарушения, позиция Конституционного Суда РФ в отношении применения *non bis in idem* уже полностью сформировалась: правило это универсально, носит абсолютный, не знающий исключений ни для каких отраслей права характер.

Необходимо только учитывать, что, во-первых, такая позиция Конституционного Суда РФ (далее – КС) выражена в нескольких постановлениях и ограничивать анализ только одним некорректно; во-вторых, они приняты в последние годы, каждый раз разрешая поставленные заявителями перед КС вопросы о неконституционности разных законов и их правоприменения, и потому по необходимости развивают и дополняют друг друга.

В Постановлении от 21 марта 2013 г. № 6-П КС указал на правило *non bis in idem* как универсальный общеправовой принцип, исключающий повторное привлечение лица за одно и то же деяние не только к уголовной ответственности, как буквально

¹ Источник публикации – интернет-сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

следует из текста ст. 50 (ч. 1) Конституции РФ, но также административной и дисциплинарной. При этом КС не высказывался по вопросу о применении за одно и то же правонарушение разных видов юридической ответственности, поскольку предметом рассмотрения по данному делу он не являлся: военнослужащие Р.В. Боскачев, И.В. Овсянников и Д.А. Савельев оспаривали конституционность нормы Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», допускавшей увольнение с военной службы за дисциплинарные проступки, ранее уже повлекшие дисциплинарные взыскания и, кроме того, не устанавливающей срока для такого увольнения².

Ответ на этот, действительно, тогда спорный и в правовой науке, и в деятельности правоприменительных органов вопрос – иначе он не дошел бы до Конституционного Суда – был дан в Постановлениях КС по двум другим делам: от 4 февраля 2019 г. № 8-П и от 6 апреля 2021 г. № 10-П.

В первом было признано неправомерным, нарушающим принцип *non bis in idem* привлечение индивидуальной предпринимательницы У.М. Эркеновой за одно и то же деяние (нарушение правил страхования) к двум видам юридической ответственности: штрафной финансовой – по Федеральному закону «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» и административной – по ст. 15.33.2 КоАП. Во втором КС указал на неосновательность возложения двойной ответственности на директора коммерческой организации, в отношении которой была введена процедура наблюдения, В.А. Вострикова: административной – по ст. 14.13 КоАП и процессуальной – по ст. 332 АПК.

КС критически оценил доводы, по которым суды отклоняли жалобы заявителей на недопустимость привлечения их к двойной ответственности, о наличии в совершенных деяниях признаков самостоятельных правонарушений, отличающихся объектом посягательств и юридическим статусом нарушителей. Для соблюдения принципа *non bis in idem*, подчеркнул КС, правовое значение имеет совпадение объективной стороны деяния (действия или бездействия) и лица, его совершившего, независимо от правовой характеристики этого лица как субъекта правонарушения.

Аналогично о правиле *non bis in idem* высказался Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Признав его фундаментальным принципом, ЕСПЧ отметил, что «применение этого принципа регулируется триединым условием тождества фактов, единства нарушителя и единства защищаемого правового интереса. Следовательно, согласно этому принципу, к одному и тому же лицу не может быть более одного раза применена санкция за однократное незаконное поведение, рассчитанная на защиту одного и того же правового актива»³.

Определив условия правоприменения принципа *non bis in idem*, КС в двух упомянутых выше постановлениях указал, что «положения статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конкретизированное федеральным законодателем применительно к сфере действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях посредством абсолютного запрета несения кем-либо административной ответственности дважды за одно и то же административное правонарушение, распространяются и на случаи привлечения лица за содеянное од-

² Постановление КС РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта “в” пункта 2 статьи 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева» (п. 4.2).

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. по делу «Сергей Золотухин против России», жалоба № 14939/03, Большая Палата (п. 36).

новременно к ответственности по статье данного Кодекса и к ответственности, хотя и предусмотренной отраслевыми федеральными законами, но по своей правовой природе являющейся публично-правовой, носящей, по общему правилу, карательный, а не восстановительный характер»⁴.

Такая позиция КС РФ и ЕСПЧ нашла отражение и в отечественной доктрине, где все чаще обосновывается правомерность и целесообразность при наличии в одном деянии признаков разных правонарушений применять один вид юридической ответственности⁵.

Совет АП г. Москвы поэтому с полным основанием расценил утверждение о том, что принцип *non bis in idem* указывает на невозможность дважды привлечь только к ответственности одного вида, как устаревшее и не соответствующее современной трактовке его конституционной значимости.

Проблема двойной юридической ответственности разных видов имеет еще один аспект – процессуальный.

Дисциплинарка для спецсубъектов

Отечественный законодатель, регламентируя порядок и условия привлечения к дисциплинарной ответственности лиц, выполняющих конституционно значимые функции, стремится не допустить возможных расхождений между разными юрисдикциями. Так, статус всех спецсубъектов подлежит прекращению в случае совершения преступлений – с определенными особенностями, также предусмотренными отраслевыми законами: для одних спецсубъектов – всех преступлений, для других – и умышленных, и неосторожных, но обязательно с назначением наказания в виде лишения свободы, для третьих, в частности, адвокатов – только умышленных, но независимо от вида наказания.

Важно, однако, то, что статус в таких случаях прекращается безальтернативно, дисциплинарное разбирательство не проводится и прекращение статуса, как подчеркнул КС в уже упомянутом Постановлении от 21 марта 2013 г. № 6-П, представляет собой не меру юридической ответственности, а последствие привлечения к уголовной ответственности⁶.

Административная и дисциплинарная ответственность военнослужащих и лиц, замещающих должности в государственных органах, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности, разграничивается в самом Кодексе об административных правонарушениях и отраслевых законах. Статья 2.5 КоАП устанавливает, за какие правонарушения эти спецсубъекты несут дисциплинарную ответственность, а за какие – административную, на общих основаниях. Эту норму закрепляет Дисциплинарный устав Вооруженных Сил РФ: «за административные правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную ответственность в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, за исключением административных правонарушений, за которые они несут ответственность на общих основаниях» (п.47).

⁴ Постановления КС РФ от 4 февраля 2019 г. № 8-11 «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» (п. 4.3); от 6 апреля 2021 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова».

⁵ Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая. Главы 1–8. Том 1 (под общ. ред. Л. В. Чистяковой). Изд-во «Росбух», 2019.

⁶ Постановление КС РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П, п. 5.1, абз. 8.

Разбирательства правонарушения в разных юрисдикциях не происходит: в случаях, квалифицируемых по ч. 1 ст. 24.5 КоАП, производство по делу об административном правонарушении прекращается и материалы направляются для привлечения указанных в данной норме лиц к дисциплинарной ответственности в соответствии с законами и подзаконными актами, регулирующими прохождение ими государственной службы. Тем самым предотвращается возможное расхождение в установлении и юридической оценке одного и того же деяния в разных юрисдикциях.

Отрицание действия принципа *non bis in idem* для разных видов публично-правовой ответственности за одно правонарушение делает такое расхождение в сфере адвокатуры вполне вероятным.

Преюдиция и стандарты доказанности

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» связывает запрет в получении статуса адвоката и его безальтернативное прекращение только с судимостью за умышленное преступление. Привлечение к административной ответственности (и осуждение за неосторожное преступление) получению и сохранению статуса адвоката не препятствуют.

В отличие от других спецсубъектов адвокаты несут административную ответственность на общих основаниях за любые административные правонарушения. С другой стороны, установление оснований для привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества. Постановление суда о признании адвоката виновным в административном правонарушении не имеет для них преюдициальной силы.

Полагаю, коллеги согласятся со мной в том, что стандарты доказанности обвинения в наших судах и преодоления презумпции добросовестности адвоката в дисциплинарном производстве могут не совпадать. Кстати, КК и Совет АП г. Москвы, понятно, поинтересовались обоснованностью привлечения адвокатов Г. и М. к административной ответственности за пронос на территорию места содержания под стражей запрещенных предметов. Обмен мнениями показал, что один из них был бы точно оправдан ввиду недоказанности самого деяния, умышленная вина второго, скорее всего, также не была бы сочтена подтвержденной.

Но закон не допускает оспаривания обстоятельств, окончательно установленных в рамках административной юрисдикции, дисциплинарными органами различной ведомственной принадлежности. Для иных спецсубъектов такая возможность устраняется самим КоАП путем селекции административных правонарушений. Что касается адвокатов, несущих административную ответственность за любые административные правонарушения на общих основаниях, то здесь уполномоченным органам – региональным управлениям Минюста и учреждениям ФСИН – в случаях, когда деяние обладает признаками и административного правонарушения, и дисциплинарного проступка, надо определять юрисдикцию, в которой будет осуществляться привлечение к ответственности. В адвокатуре традиционно рассматриваются сообщения следственных изоляторов (через представления управлений юстиции и вице-президентов АП) о нарушениях адвокатами установленного законом порядка в сфере деятельности этих учреждений: одни представления удовлетворяются, другие отклоняются. Однако до самого последнего времени представлений о применении к адвокатам двойной ответственности в адвокатские палаты не поступало.

Разъяснение № 2/16 КЭС ФПА: возбудить – не значит привлечь

Мосгорюст, оспаривая заключения КК, посчитал, что они противоречат Разъяснению КЭС ФПА № 2/16. Совет АП г. Москвы таких противоречий не усмотрел, поскольку в данном случае КЭС по запросу президента ФПА РФ разъясняла не вопрос о применении дисциплинарной ответственности к адвокату, уже наказанному за содеянное в другой юрисдикции, а правомерность возбуждения дисциплинарного производства, если в действиях, предположительно совершенных адвокатом, имеются признаки не только дисциплинарного проступка, но также уголовно или административно-наказуемого деяния.

Все члены КЭС были едины в том, что принципиального препятствия для возбуждения дисциплинарного производства такая двуобъектность не создает. Дискутировался другой вопрос – всегда ли? Я, в целях минимизации трудозатрат органов АП, предлагал: когда адвокат обвиняется заявителем только в совершении преступления и очевидна невозможность вычленить в его действиях дисциплинарные нарушения, в возбуждении производства следует отказывать в связи с отсутствием допустимого повода (подп. б п. 2 ст. 20 КПЭА). Большинство склонилось к тому, что возбуждаться следует всегда. И в этом тоже есть свои резоны: ответ коллективных органов адвокатского сообщества, конечно, весомей, чем индивидуальный отказ президента АП. На том и порешили.

В Разъяснении четко сказано: «квалификационная комиссия и совет адвокатской палаты субъекта РФ не вправе делать выводы о наличии в поведении адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния и административного правонарушения». И вот уже без малого шесть лет, руководствуясь данным Разъяснением, органы адвокатской палаты не испытывают особых проблем, разрешая дисциплинарное производство в зависимости от возможности разграничить признаки преступления и дисциплинарного проступка: либо производство откладывается до разрешения возбужденного уголовного дела, либо прекращается, либо рассматривается только в части нарушений правил профессии.

В Разъяснении действительно содержится ссылка на доктринальные источники, допускающие возможность привлечения нарушителя за совершение одного деяния к разным видам ответственности, без разграничения их на публично-правовые и компенсационные. Признавая эту точку зрения устаревшей, Совет АП г. Москвы в решении по дисциплинарному делу адвоката М. привлек внимание к тому, что постановления Конституционного Суда РФ, определившие конституционно-правовое толкование принципа *non bis in idem*, были приняты в последние годы уже после данного Разъяснения КЭС и не могли учитываться при принятии Разъяснения.

И в завершение, пожалуй, главное: все рассуждения о двойной уголовной и дисциплинарной ответственности адвокатов в современном российском праве носят сугубо теоретический характер – на практике его не существует, ибо осуждение адвоката за умышленное преступление влечет автоматическое и безальтернативное прекращение его статуса советом АП субъекта РФ, исключая дисциплинарное разбирательство каких-либо претензий к адвокату.

А вот мысль о совмещении административной и дисциплинарной ответственности адвоката ни у кого из тогдашних членов КЭС не родилась в силу полного отсутствия таких сюжетов в действительности. И если бы не засылка Мосгорюстом в АП г. Москвы постановлений судов об административном наказании адвокатов с требованием привлечь их за то же нарушение к дисциплинарной ответственности, такая мысль меня бы явно не посетила, и не было бы этой и предыдущей статей.

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 249 от 29 июля 2021 года «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 250 от 29 июля 2021 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	6
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 252 от 29 июля 2021 года «О награждении адвокатов»	9
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 280 от 18 августа 2021 года «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	10
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 281 от 18 августа 2021 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	13
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 310 от 28 сентября 2021 года «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	15
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 311 от 28 сентября 2021 года по заявлению Сергеева Александра Вячеславовича об отмене решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2021 года № 175 (пункт б) о прекращении статуса адвоката Сергеева Александра Вячеславовича	21
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 312 от 28 сентября 2021 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	26
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 313 от 28 сентября 2021 года «О награждении адвокатов»	30
Адвокатское сообщество	32
Обзор дисциплинарной практики	33
Судебная практика	196
Защита адвоката от обвинений в фальсификации доказательств и воспрепятствовании правосудию (кассационное определение № 7у-8637/2021 Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции)	196
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 38-П по делу о проверке конституционности части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданина Р.Р. Идиятдинова	205

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2021 г. № 41-П по делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрошенко	214
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 2021 г. № 44-П по делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.С. Пермякова	227
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 г. № 2128-О по жалобе гражданина Миненкова Павла Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктами 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	236
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П по делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского	240
Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 32 о внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам	251
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (извлечения)	262
Мнение эксперта	266
<i>Г.М. Резник. Дружба непоколебима, истина – не помеха</i>	266

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 3 (154) 2021

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
И.А. Поляков (председатель),
С.Б. Зубков, Н.М. Кипнис,
В.В. Клювгант, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
14.12.2021

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
127055 Москва,
Суцеская ул., 12/1
+7 (499) 350–0015
www.rpspress.ru, info@rpspress

Отпечатано
в ООО «АГС-Принт»
115553 Москва, пр-т Андропова,
д. 22, этаж 9, к. 52
Формат 70 × 108 / 16. Гарнирура Times.
Усл.-печ. л. 17.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 211667

© Адвокатская палата
города Москвы, 2021

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2021

